

Annotation

Кто у нас здесь? Отец — тиран и деспот? Братец — сволочь, каких повидать? Ха! Месть за девочку, которую вы загнобили будет изящной... смотрю на новую себя в зеркале.

1. Как мне рады!

Маргарита (40 лет)

Как я могла так затянуть? С детства врачей не любила и больницы... Вот она, расплата за беспечность! Четвертая стадия рака! Жила для себя. Ни детей, ни мужа. Стрекоза с красивыми крылышками. Учеба, карьера, бизнес, деньги — все стало не важно перед порогом смерти. Сколько было заплачено этой швейцарской клинике? Да, пофигу! Куда мне теперь эти деньги? Снова скрутило от боли. Мой организм отравлен, опутан сетью беспощадного паука, который уже высосал всю кровь.

Что это за гул такой? Врачи забегали. Я стою и оглядываюсь по сторонам, с ужасом понимая, что мое тело сейчас лежит на этой кровати без жизни. Все, Марго! Отпрыгалась! А ведь не жила толком, не любила... Вернуть бы все обратно! Господи, я бы все изменила, правда...

Листаем дальше...

— Рита! Куропатка, ты безмозглая! Сам бы удавил, будь моя воля! — орет мужик, аж покраснел от злости.

Где я? Кто я? Оглядываю палату, мысленно отключая рупор кричащего дядьки. Палата не моя. Капельницы на худенькой... Стоп! Осторожно пошевелила пальчиками. Рука не моя! Сглотнула...

— Ты меня не слушаешь?! — не унимается, болезный.

— Слышь, психованный! Воды принеси! И прекрати орать, голова болит, — смотрю в упор.

Заткнулся. Моргнул, словно увидел нечто из мира фантастики.

— Ээээ, — чудик поменял цвет на белый и глаза его забегали.

— Глухой? Если ноги отпали, нажми вон ту кнопку, — показываю, что не дотягиваюсь. — Вызови медсестру!

— Ты как с отцом разговариваешь? — зашипел. — Совсем страх потеряла?

Рассматриваю психованного. Лет сорок пять. Дорогой костюм. Белая рубашка. Слегка полноватый. На голове залысина. Он мог бы быть симпатичным, если бы не презрительно оттопыренная губа и злые глаза, цвета голубого хрусталя.

— Не было в нашем роду гоблинов! Выдумал, тоже мне... отец! — фыркаю.

Придурок начинает раздуваться, хватая ртом воздух.

— Я тебя в психушку сдам! — рычит новоявленный папаша.

— Рискни, давай! Напомни мне, почему я в больнице? М?

— С ней что-то не то! — говорит кому-то по телефону, отвернувшись гоблин и кидая подозрительные взгляды на меня.

— Принесет мне кто-то воды?! — перехожу на ультразвук.

В палату залетает медсестра и кидается к графину с водой, стоящему на столе, в углу. Жадно пью и со стоном откидываюсь на подушку.

— Можно этого не пускать ко мне, — тычу пальцем в толстого плохиша.

Медичка округлила глаза и посмотрела в указанном направлении.

— Это ваш отец! — пискнула больничная фея.

И эта туда же! — хмурюсь.

— А что со мной было? — понимаю уже, что "я не я" и все вокруг чужое.

— Вы чем-то отравились..., - мямлит медсестра, пряча глаза.

— Грибочками или ягодками? — решаю уточнить.

— Мммммне нужно идти, — смывается от ответа, хлопнув дверьми.

Поворачиваюсь к гоблину, который задумчиво на меня смотрит.

— Бать, ты чем меня таким накормил? Просрочку жрем дома? — смиряюсь с тем, что этот человек, в этой жизни мне кто-то.

Мужик идет к графину с водой. Наливает и выпивает стакан залпом, вытирая пот со лба. Ставит стакан и покидает помещение.

Что мы имеем, Маргарита?! Сейчас меня зовут — Рита. Я моложе — снова смотрю на свои руки. У меня есть отец — злой гоблин. Я больше не умираю! Спасибо, Господи!

2. Радужная встреча

Смотрю на себя в зеркало больничного туалета. Совсем девочка, на вид лет шестнадцать-восемнадцать. Длинные светло-русые волосы, милашка с голубыми глазами. Очень худая. Задираю хлопковую ночнушку. На теле много синяков старых, уже пожелтевших и еще синюшных. Что ж вы, суки, с девочкой творили? — накатывает холодная злость. Ничего, детка, прорвемся! — подмигиваю.

— Ну, и где ты ходишь? — на больничной кровати сидит красавчик морщась, будто лимон съел.

Это что за хрен? — поднимаю бровь.

Темноволосый мажор, с серыми глазами. Красивые черты лица, спортивное телосложение. Явно спортом занимается, — смотрю на бицепсы. Надеюсь, его груша для битья не я...

— Привез тебе шмотки, — кивает на пакет. — Переодевайся, жду в машине.

На выходе двинул мне плечом, отбросив на косяк двери. Больно ударилась и зашипела. Провожая мажора взглядом. Список смертников пополнился — хмыкаю и иду к пакету.

Да, уж. Напяливаю какой-то безразмерный балахон мышиноного цвета на себя. От бабушки, наверное достался. Туфли-балетки. Ну, Золушка, пошли разберемся, кто тут тебя обижал!

На стоянке замешкалась. Кручу головой. Нетерпеливый сигнал черного внедорожника.

— Не сюда, дура! Место свое забыла?! — рычит и тычет на заднее сидение.

Сильно хлопаю передними дверьми. Забираюсь на заднее, пассажирское и втягиваю воздух, чтобы не сорваться.

— Отец говорит, ты быковать вздумала? — кидает взгляд в зеркало. — Память отшибло? Так я могу напомнить! — кладет руку на свою шею и с хрустом дергает ей влево.

Братишка! — прищуриваюсь. Вот оно че! Толпой, значит гнобили бедняжку. Скрестив руки, кусаю нижнюю губу.

Хорошо, что он больше не смотрит в мою сторону. Ему многое бы не понравилось в моем выражении лица. Прикрыла глаза. Надо копить силы.

— Выходи, приехали! — не заметила, как задремала.

Открыла двери и спрыгнула с высокой подножки. Не плохой домик! — разглядываю трехэтажный особняк в современном стиле из стекла и бетона. Прусь по дорожке за мажором.

— Пап! Я ее привез! — доложил брательник, кидая ключи на стойку.

— Сильно не мни, пока хилая, — оборачивается через плечо, говоря с гоблином. — Скопытится еще, отвечай потом.

Толстяк, противно улыбаясь, прет в мою сторону. Стою и жду, как далеко это убожество может зайти. Хватает меня за горло и бьет головой об стену, прижимая к ней.

— Еще раз вякнешь на меня, дрянь, по стенке размажу! Поняла? — дыхнул алкоголем.

Протягиваю руку и нащупав связку ключей, втыкаю одним из них под ребра. Боров хрюкнул и руки разжал. Пинаю его по яйцам и хватаю за шнопок(нос). Выкручиваю, что есть силы, чувствуя, что на руку стекает теплая кровь. Подняла ладонь, рассматривая. Упырь сидит на коленях, поскуливая от боли. Вытираю испачканную ладонь о его рубашку.

— Что ж вы, папенька, такой не аккуратный! — перешагиваю через протянутую ногу.

Иду по дому, проверяя где и что. Забрела на кухню. Женщина, которая кашеварила там, в переднике, охнула.

— Здравствуйте! — приветствую и сажусь за стол.

Тетка кивает мне и с опаской посматривает в проход.

— Есть что-то покушать? — улыбаюсь.

— Есть овощи запеченные, салат, — перечисляет.

— Я не травоядная! Мясо есть? — принимаю к запахам.

— Вы же знаете, Рита, что ваш папа...

— Козел? — заканчиваю я.

Бедняжка икнула и начала перебирать фартук руками.

— Ладно! Давайте овощи, — смиряюсь, на сегодня.

Спокойно поела и выпила сок. Поблагодарив добрую женщину, двинулась дальше, обследовать помещение.

3. Вылазка

Плутаю по дому. На третьем этаже нашла спальни. Прошлась по всем и безошибочно нашла свою "келью". Небольшая, по сравнению с остальными комната, без излишеств. Полка с книгами, письменный стол, кровать-полупорка. В шкафу однообразные вещи... Экономили на тебе, детка. Обрадовало, что ванна и туалет свой. Вернулась к полкам. Судя, по учебникам, я теперь буду учиться в одиннадцатом классе. Время — лето, запас для подготовки еще есть. В столе нашла смартфон. Воткнув в него зарядку, включила. Минимум контактов: ни друзей, ни подруг. В соцсетях не зарегистрирована.

— Это ты отца так уделала? — раздается спокойный голос за спиной.

Инстинктивно подпрыгнула и развернулась. Подкрался незаметно, гад. Дальше отступать не куда. Уткнулась задницей в стол. Сжала в руке телефон.

С грацией хищника, перед прыжком, надвигался брательник.

— Не дрожишь, не заикаешься... странная ты, — нагнулся, рассматривая нос к носу.

— А должна? — наклоняю голову на бок.

— Ты по жизни всем должна, — заключает мажор.

— Пошел вон!

— Даже так?! — хмыкнул и протянул лапу, опустив ее на плечо, больно сдавив.

Сжала губы и перевела взгляд на руку. Клацнула зубами, но брюнет успел отдернуть клешню, застыв. Откинул голову и заржал.

— Забавно... у мышонка прорезались зубки, — говорит сам себе, задумчиво.

Развернулся и пошел к двери. Запустила ему в спину книгу. Попала! Книга шлепнулась на пол. Обернулся.

— Утоплю в унитазе! — рычит мажор.

— Дверь закрыл с той стороны! И чтобы без стука не входил, придурок!

Сжал кулаки. Заходил жевалками.

— Лекарств пережрала? Осмелину кто-то дал? Так это скоро пройдет! — вылетел в распахнутую дверь.

Подошла и закрылась, повернув на ручке язычок. Сомнительная защита. Такую дверь вскрыть можно одним ударом.

Задумалась. У меня всегда были зачатки денег по разным местам. Память не подводила. Я помнила все коды от сейфов и где ключи от ячеек хранения в банке. Надо привести себя, новую, в порядок и начать жить с тем, что есть. Открыла снова шкаф. Порывшись, все-таки нашла джинсы и рубашку к ней. Сбрякало что-то, когда вытаскивала вещи. Нагнулась и увидела коробочку. Открыла. Фото девочки с матерью. Похожи очень. Интересно, где она? Скорее всего, не в этом мире — подумалось с грустью. Здесь же нашла одну тысячу рублей. Засунула ее в карман джинсов. Волосы затянула в хвост.

Крадусь осторожно по лестнице, вниз. Слышу голоса. Брательник общается с кем-то. Пригнулась, осторожно выглядываю.

— Нихрена Ритка, после больницы, мочит коры! Даже на меня рпнулась, прикидываешь? — объясняет блондину, где-то его же возраста.

Затылок брата обзора на проход не закрывал. Надо как-то незаметно прошмыгнуть, до двери всего ничего осталось. Вихрем пролетела до прихожей. Дверь плавно поддалась. Скачу в сторону ворот. Фух! Кручу головой, в какую сторону чесать.

Мы пойдем на север! — бурчу под нос, топая по дороге. Дошла до цивилизации! Точнее до трамвайной остановки. Купила билет. Главное, до центра доехать. Есть у меня один доверенный человек. Всего лишь один... нажитый за всю мою никчемную жизнь. Поверит ли?

4. Друг ли ты мне?

— Как-то так, Вов, — заглядываю в глаза друга.

С Вовкой мы знакомы еще с института. Судьба потом свела по работе. Именно он был моим адвокатом и как показала жизнь — душеприказчиком. Сейчас и была возможность узнать: друг ли ты мне?! Селиванов курил и гонял думу.

— Только ты, Маргоша, могла так влипнуть, что тебя ни ад, ни рай не принял, — пригладил волосы трясущейся рукой.

На душе потеплело. Поверил. Отодвинул ящик стола и вынул банковскую карту. Положил передо мной.

— Здесь приличная сумма, буду пополнять, если что.

— Спасибо, Вов, — кладу в задний карман джинсов.

— Я ведь любил тебя, Маргаритка, — выпустил кольцо дыма и потер лоб большим пальцем. — Только ты не замечала ничего вокруг. Недосыгаема была всегда.

Втянула губы, прикусив. Сучка я! Реально ведь были с его стороны попытки, но я все превращала в шутку. Чего уж сейчас, — вздыхаю.

— Куда тебя отвезти? — прищурил карие глаза.

— Давай в салон, для начала... а там до созвона, — задумалась.

Что там сейчас модно у подростков?

— Давайте в скандинавский блонд, с розовыми прядями. Стрижку каскадом! — пытаюсь объяснить мастеру.

Результат превзошел все ожидания. Блонд улучшил цвет лица и выделил мои голубые глаза. Брови обрели рельеф. Не броский маникюр.

Прошлась по магазинам, купив только самое необходимое: белье, майки, джинсы, несколько кофточек, обувь, косметику. Переставила симку в айфон.

Вызвала такси. На телефон сыпались звонки от папаши и угрозы от братана. С любовью поглаживаю электрошокер в кармане.

— Лопни мои глаза! — выдал мажорчик.

— Рот захлопни! Есть что-нибудь пожрать, кроме капусты в этом доме? — села на диван, закинув ногу на ногу.

— Так и знал, что вырастет проститутка, как ее мать! Откуда это все? — орет папенька.

— Синий нос вам к лицу, — выпустила заряд на шокере, с удовольствием наблюдая за вытянутой мордой бати.

— Что мы там сказали про мою маму? — встаю.

— Уймись, бешенная! — верещит родственник, убегая в свой кабинет.

— Напомни, как тебя зовут? — поворачиваюсь к офигевшему брательнику.

— Матвей, — выдал.

— Пиццу закажи! Я люблю "маргариту", Матвей! Запомнил? — беру покупки и поднимаюсь вверх.

— Оху@ть! — слышится вслед.

Переодевшись в шорты и топ, спускаюсь вниз.

— Тадаааам! — машет граблями в мою сторону Матвей, вокруг которого стоит небольшая компания, состоявшая из блондина, которого я запомнила. Две девушки: рыжая с зелеными глазами и темноглазая брюнетка. Еще один парень, сдвинув солнцезащитные очки на лоб — синеглазый брюнет.

— Это что, мои фанаты? Я кажется пиццу заказывала, а не этих... - обхожу и плюхаюсь в кресло.

Напротив расселась компашка и продолжала меня обсуждать. Втыкаю в новый телефон, устанавливая настройки.

— Те че такая дерзкая? — чувствую ладонь на ноге.

Не знаю, что было в моем взгляде. Наверное, смертный приговор. Парень чуть не свалился, отпрянув.

— Матвей! — рявкаю. — Открой двери, заказ привезли.

Повернув голову, наблюдаю из окна машину доставки и топтавшегося около парня, в зеленой форме, с коробками.

— Охреневшая совсем, — ворчит братан, отправляясь к двери.

— Кушать подано! — шутовски склоняется, ставя коробки на столик.

Нашла коробку со своей "маргаритой", схватила и пошла с ней на кухню, чтобы еще чаю налить.

5. Это война

— Папа, пожалуйста, не надо! — девочка закрывается руками, забившись в угол.

С криком просыпаюсь, осматриваясь по сторонам. Сон был настолько четкий и красочный. Я чувствовала каждый удар. Память Риты? Вздохнув, откинула одеяло. Схожу водички попить.

Путь лежит через гостиную, в которую пробивается свет из кабинета отца. Осторожно подкрадываюсь, заглядывая в просвет.

— Такая же шлюха, как ты! — тычет на фото и вливает в себя коньяк, бутылка от которого стоит почти пустая.

— Чего тебе не хватало? Любил тебя, как мог! — продолжает монолог.

— У тебя бить и любить — синонимы? — облокотилась на косяк двери, сложив руки.

— Ааааа! Пришла, дрянь малолетняя, — всхлипнул.

— Не загнущься бы от твоей любви и заботы, — сажусь напротив. — Слушай, почему ты такой мудака?

— Задушью, тварь! — вскочил с перекошенным лицом.

Хватаю со стола бутылку и разбиваю об столешницу. В руках остается горлышко, с острыми ломаными краями.

Махом ведь протрезвел! Губы белые, глаза по полтиннику. Трясется, как припадочный.

— Тишшшш! Не надо, — чувствую хватку руки и меня обхватывают сзади. В затылок дыхание.

— Матвей! Забери ее или я за себя не отвечаю! — расхрабрился папенька.

Сильно сдавил мне запястье, что осколок выпал из рук. Пятится, вытаскивая из кабинета.

— Отпустил! — шиплю и пытаюсь вывернуться.

Всадила зубы в предплечье. Брательник рыкнул и откинул меня от себя. Тяжело дышим оба. Глаза в глаза.

— Ты чего в трусах расхаживаешь? — показываю рукой на это непотребство.

— На себя посмотри!

— Ну, смотрю... отличная пижамка в ромашках, — хихикнула, закрыв рот.

— Иди спать, психопатка!

— Будут мне всякие, в труселях, указывать! — разворачиваюсь и иду, куда шла, за водичкой.

О! Йогурт нашла! — закрываю холодильник, за дверью которого обнаруживаю брательника.

— Иди нахрен! Я первая нашла! — открываю, облизываясь и ищу подходящую ложку.

— Ночной дождь? — плотоядно смотрит на мой стаканчик вкусняшки.

— Угу, — присаживаюсь на высокий барный табурет и болтаю одной ногой от удовольствия.

— Жмотяра, — насупился брательник.

— Не будь дятлом! Посмотри в холодильнике, там второй есть, — показываю направление ложкой.

— Я реально не втыкаю, почему ты так изменилась? — пытается завести разговор.

— В меня вселился бес! — сообщаю не такую уж и не правду. — Это вам наказание за все ваши грехи!

— Отец скоро уедет надолго работать. Как жить будем? — сообщает.

— Никак, — спрыгиваю.

— Значит, война? — доносится в спину.

— Ты рассчитывал на что-то другое? — кидаю через плечо.

6. Селфи у бассейна

— Вов, пробей мне всю эту семейку!

— Хорошо, М..Рита. Как ты там? Будет край — сообщи! — переживает друг.

— Не смей меня! Школа выживания мной сдана "на отлично"!

— Да, помню я, — вздыхает. — Того и боюсь, что у тебя башню снесет.

Вова прав. Могло и переклинить. Острое чувство справедливости никогда не давало мне покоя. Могла рвануть по встрече. Одна. Против всех. Не легко мне давались успехи в бизнесе, где любая подлость считается — чисто конкуренцией. Только зазеваешься — сожрут и костей не оставят.

— Отошел! Это мое! — забираю заказанный ноут у службы доставки.

— Все-таки, отец прав! Папика себе нашла, — зло выдает Матвюша. — Могла и у меня денег попросить...

— Сколько надо километров на коленях проползти, чтобы выпросить у вас хоть копейку? — распечатываю коробку, чтобы проверить свое приобретение.

— Что ноги перед кем-то раздвигаешь, ты не отрицаешь?

— Думай, что хочешь... мне пофигу! — включаю яблочный ноутбук, который весело мне моргает настройками.

Брательник зло захлопывает крышку нотюшечки, едва не придавив мне пальцы. Расцениваю это, как нападение. Рыкнув, запрыгиваю на стол, отталкиваюсь и прыгаю на него, схватившись руками за плечи и обвив торс ногами. От неожиданности Мотя падает по траектории назад. Сильный бряк спиной об паркет. Оказываюсь сверху, нависая.

— Никогда не трогай МОЕ! — цежу, тыча в него пальцем.

То ли от шока, а может от удара головой, брательник хлопает глазами, уставившись на меня. Встаю и забираю со стола свою покупку.

— Дикая тварь! С тобой нельзя по-нормальному! — Матвей сидит на полу, потирая затылок.

— Смотря, что ты считаешь нормой в этом дурдоме, — бросаю, уходя.

Весь день просидела, устанавливая программы и скачивая необходимые материалы для учебы. Шутка ли — снова в школу через месяц. Другое время, другие детишки — нахожу своих одноклассников в сети. Завела себе страницы в соц. сетях и выкинула первые фотки.

Рассматривая страницы одноклассниц, пришла к выводу, что понты — наше все! Губы уточкой, пальцы рогаткой. Знают ли эти малахольные, что губы, сложенные в форме уточки — один из основных признаков кататонического синдрома, который относят к проявлениям шизофрении. Отфотошопенные задницы и грудь... Мне уже было, что показать. Отъела округлости и больше не походила на жертву Освенцима. Одеда купальник и пошла фоткаться у бассейна... заодно позагораю. Захватила книжечку и полотенце, которое повязала на бедрах.

Лежу, никого не трогаю, на шезлонге... расслабилась. Чувство, что взлетаю. Лечу так... прямо встречаясь с поверхностью воды. Выныриваю, отфыркиваясь. Брательник ржет, вместе с блондином. Откашливаюсь и плыву к противоположному бортику.

— А она ничего! — присвистнул белобрысый, когда я вылезла из воды.

Показываю средний палец и иду в направлении дома.

— Стоять! Водные процедуры не закончились! — гаденько так, говорит Матвей.

Окружают с двух сторон. Численное — не всегда преимущество! Задницы не поворотливые! Скачу прыжками, аки коза горная, через шезлонги, ускользнув от Матвея. Загнали меня до пятиметровой вышки у бассейна. Забралась наверх.

— Слезай и тебе ничего за это не будет! — манит пальцем "иди сюда".

— Не, а, — показываю язык.

— Щас, я ее сдерну, — блондин скидывает футболку и поднимается вверх.

Встаю на самый край бортика. Отталкиваюсь. Небольшая сальтуха — наследие прошлого Маргоши и плавнс вхожу в воду.

Всплеск воды. Понимаю, что решили поймать меня в бассейне. Только вода — моя стихия! Я рыба... как минимум русалка. Уворачиваюсь, подныривая. Играю, как с котятками. С дружка брательника, заныривая стащила трусы и размахивала ими, как трофеем. Мне было весело. Я хохотала над тем, как матерились парни в бессилии.

Закинув трофей, как приманку подальше, рванула из бассейна. Бегу, разбрызгивая с себя остатки влаги. Оборачиваюсь на недотеп. И врезаюсь в чью-то грудь.

— Поймал! — меня хватает синеглазый брютет.

— Скользящая, зараза, — пытается удержать вырывающуюся меня.

Замираю, неотрывно глядя ему в глаза. Потянулась и поцеловала, обхватив его за шею. Высокий. Пришлось встать на цыпочки. Пацан не долго был ступоре. Обнял, прижал к себе. Жадно отвечает. Улучив момент, бью в пах.

— Бля, — успевает выдохнуть бедолага, согнувшись.

Хихикая, несусь в свою комнату.

7. Первая сделка

Что мы имеем?

Георгий Королев — бизнесмен. Дважды вдовец — хмыкаю... От первого брака — сын Матвей 22 года, студент. От второго брака — дочь Рита, 18 лет. Первая жена умерла при родах, вторая погибла в автокатастрофе. Не привлекался и так далее...

В выходные у нашей домработницы были не рабочие дни. Брат-оболтус, после гулянок спал до глубокого дня. Задолбало это правильное питание! Решила приготовить жаркое. Какое счастье, что не нужно шариться по магазинам! Все можно заказать на сайтах торговой сети. Включила легкую музыку и порхаю по кухне.

На аромат жаренного мяса выполз Матвей. Не заметила его сразу. Разворачиваюсь. Брательник сидит за столом, сложив ручки.

— Чем будешь кормить? — заявляет.

Сдержала первый всеженский порыв: накормить мужчину. Вспомнила себя, чуть живую, с торчащими ребрами...

— У меня жаркое... у тебя не знаю что, — пожала плечами.

— Что хочешь за обед? — начался торг.

А ведь и правда! Задумалась.

— Отвезешь меня в торговый центр за покупками и привезешь обратно!

— Согласен! — активно кивает, явно голодный.

Поставила перед ним горшочек с жарким, присыпав сверху зеленью. Вручила приборы и подвинула нарезанный хлеб.

— М! Вкусно! — заценил нахлебник. — Когда только научилась?

— Ютуб в помощь! — отдаю честь вилкой.

— Если тебе надо денег...

— Не надо! — поднимаю глаза, зло прищурившись.

Удовлетворительно рассматриваю себя в зеркале. Розовое короткое платье, белые босоножки — чем не ангелочек. Все старые вещи я выкинула. Они напоминали мне о той, забитой девочке... которая умерла. А как известно... вещи покойника раздают. Вот я и раздаю, в пакетах, поставив рядом с мусоркой.

Поняла по глазам брательника, что ему не стыдно рядом со мной находиться. Попытался даже быть джентльменом, каким не являлся. Память то мою не сотрешь и не отмотаешь кадры назад. Злопамятная я.

Надо было прикупить что-то на осень и форму для школы, образцы которой увидела на фото одноклассников. Брат, на удивление ждал из примерочной и просил показывать наряды.

— Юбка слишком короткая! — поджал губы, рассматривая школьную форму.

Значит надо брать! — довольно скалюсь.

Из отдела женского белья выгнала его пинками. Думаете, эта, сволочь, послушался?

— Покажись! — отодвигает штору примерочной.

Я стою в белом кружевном белье, с открытым ртом. Щелкнул на сотовый, гадина! Так и знала, что будет подлянка!

— Выложишь в сеть, прибью! — шиплю.

— Это для личного пользования! — хохочет извращенец.

— Шантаж со мной не прокатит! — подняла подбородок.

Друзьям отправлял! Все видно по хитрой роже! Будь у меня меньше опыта и мозгов — скорее всего рефлексовала. Пусть смотрят! Фигурка у меня точеная — одно загляденье. Воспримем, как рекламу.

— Пошли мороженое поедим? — кошусь на Матвея.

— Давай!

— Мне фисташковое, земляничное и пломбир! — прошу продавца. — Да, с орешками и шоколадом!

— А вам какое? — обращается девушка к Матвею.

— Ему картофельное с сырно-огуречным сиропом, — встречаю.

— У нас такого нет! — надулась от возмущения продавец.

Матвей, подняв брови, наблюдает за цирком.

— Как нет! Принесите жалобную книгу! — пытаюсь слизать свое капающее мороженое.

— Мне твое подойдет! — тянет лапу за моей вкусняшкой.

— Да, попробуй! — втыкаю весь рожок мороженого, прямо ему в нос.

Это было не просто смешно! Матвей сбил свой вафельный нос на пол и красный от злости, с перепачканным

лицом, тянет руку к продавщице:

— Дай мне шоколадного!

— Едой нельзя играть! — фыркает на нас девушка. — Уходите!

— Жди меня у машины, я умоюсь, — цедит братан.

Какие жаркие взгляды в мою сторону! Явно желает высадить в лесополосе.

8. Арест

— Пойдешь с нами в клуб? — кричит снизу брательник.

Первая мысль была — продаст в сексуальное рабство; вторая — накачают наркотой — и делай, что хочешь. Матвей — чужеродный и враждебный элемент, жутко раздражающий. +100500 — что-то задумали!

— Вали нахрен! У меня есть, чем заняться! — встаю в позу, глядя сверху вниз, на лестнице.

Компания переглядывается.

— Слышь, мелкая! А со мной пойдешь? — подает голос синеглазый.

— Я б тебе и котка своего не доверила! — показываю на него пальцем.

— Ты котка завела? У меня же на шерсть аллергия! — подает ценную мысль братан.

Отсекается, поняв, что сболтнул лишнего...

— Ладно, пацаны, пошли! Ну, ее..., - подталкивает друзей к двери.

Слышу, с улицы, хохот, сигналку и звук отъезжающих машин. Я решила забраться в кабинет гоблина и порыться в документах и компьютере. К тому же, надо найти свой паспорт. В моей комнате его нет, значит папенька припрятал.

Так. с! Перерыла уже все, убив уйму времени и сил. Слышу настойчивый звонок домофона. Время — ночь! Кого леший принес?

— Рит, помогай! Твоего брата и Кира загребли в ментовку за драку! — у блондина тоже личико отрихтовано.

Эээ...

— Я Ден, — протягивает руку.

Проигнорила жест.

— Так поедем? — топчется.

— Нет!

— Рит, я все понимаю...

— Ничерта ты не понимаешь! Я паспорт найти не могу! Гоблин его куда-то спрятал.

— Пошли искать! — отодвигает меня и заходит в дом.

Наглая рожа, — ворчу про себя.

В четыре руки, мы заново стали обследовать кабинет отца. Развели такой бардак, просто скидывая папки документов на пол.

— Смотри! — показывает за картиной сейф — Нужен ключ, — оборачивается.

Хм. Еще раз обвожу кабинет взглядом, который натывается на фото моей биологической матери. Беру в руки и отодвигаю заднюю стенку. Ключ сбрыкал на стол. Выгребла все свои документы. Теперь и свалить из этого зоопарка можно.

— Теперь можем ехать? — в голосе просящие нотки.

Внимательно взглянула на блондина. А ведь не бросил, для друзей старается...

— Время почти под утро. Пошли перекусим и кофе попьем. Приведешь себя в порядок в комнате Матвея, — показываю на его рубашку в грязи и крови.

— Ты права, — соглашается Ден.

После душа и переодетый, зеленоглазый глотал мои сырники, запивая ароматным кофе.

— Что у вас там случилось? — решаю уточнить.

Тяжело вздохнул.

— Баб не поделили? — поднимаю бровь.

— Типа того, — кивает и отводит глаза.

— Тебя почему не забрали?

— Должен же был кто-то девчонок прикрывать! — смотрит уже с вызовом.

До полицейского участка хранили молчание.

— Здесь распишитесь! — подаю мне протокол.

Рядом сидит мой адвокат Владимир, которого я вызвонила и попросила о помощи. Решение о задержании на 48 часов он сумел опротестовать, сумев раздобыть видео с камер, где явно было видно, что драку начали не наши парни.

Ох, е! Давлю на корню жалость. Видок у братца совсем помятый. Разбито лицо: под носом запекшееся кровь, на скуле большой опухший синяк, один глаз заплыл. Второй, Кирилл, выглядит не лучше.

— Че так долго! — кидает предьяву в мою сторону охреневший.

Я переглядываюсь с Вовой. В его глазах сочувствие.

— Это твой хахаль? — тычет в моего друга.

Владимир, захватом, сгибает ему палец, от чего брательник взвизгнул и согнулся.

— Если ты, сученок, хоть пальцем ее тронешь, я тебе башку оторву! Усек?!

— Усек, — шипит Мотя, бросив на меня уничтожающий взгляд.

Домой я поехала с другом. Вова заглушил машину и окинул взглядом мое временное жильё.

— Марго, я все оформил, — поворачивается ко мне. — Ты теперь наследница всего своего состояния.

— Тебе не зачем сюда возвращаться, по документам ты уже совершеннолетняя. Ключи от твоей квартиры, — вкладывает мне в руку.

Сжала, чувствуя, как стучит сердце и на глаза наворачиваются слезы.

— Спасибо, Вов, — в порыве обнимаю друга.

9. Помню ли я...

— Где ты шляешься? С любовничком своим обжималась? — шипит Матвей.

— Соскучился? — не реагирую на выпад.

— Ритка, сделай пожрать, — сбавляет тон.

Понимаю, что ничего ему не должна. Не должна ему сопли подтирать и играть в мамочку. Но его побитая рожа вызывает умиление и досаду...

— Ден и Кир тоже будут! — слышу уже из кухни.

В морозилке нахожу манты, которые лепила накануне. Кладу их в форму, заливаю немного водой, добавляю специи. Ставлю в духовку на 15 минут. Из овощей нарезаю салат, заправляя его оливковым маслом. Расставила посуду и приготовленную еду на стол.

Со спокойной душой ушла в свою комнату. Приняв душ, натянула топ и шорты. Сушу волосы и слышу бряк в двери.

— Войди, — говорю, не отвлекаясь.

В отражении зеркала возник братан. Вопросительно глянула.

— Ты не Ритка! — заявляет чудовище.

— А кто? — продолжаю сушить свой блонд, укладывая прическу волнами.

— Не знаю... но ты — не она! — рассматривает меня через отражение.

— Можешь сделать тест ДНК, — выключаю фен и поворачиваюсь.

— Что я тебе подарил на твоё восемнадцатилетие?

Пинка? — хотелось мне сказать. И тут меня пришибло! Воспоминания, явно не мои хлынули грязным потоком...

— Ты, чучундра, хоть бы сегодня нарядилась, — презрительное выражение лица Матвея.

— Это тебе! С Днюхой! — кидает на стол небольшую коробку.

Тонкие пальчики осторожно берут продолговатый футляр. От волнения руки дрожат. Распахивает крышку. Внутри, на бархатной подушке, сложенный листок записки. Положив коробку на стол, осторожно разворачивают белый кусок бумаги. Одно слово врезается в память, как тысячи игл: "сдохни"...

Поднимаю на Матвея еще туманные глаза:

— Век не забуду твою доброту! Именно в этот день ты ее убил? — слова вырываются непроизвольно.

— Что ты несешь! — бледнеет так, что синяки на его лице кажутся черными.

— Слова убивают... ты не знал? — наступаю на него, держа фен в руке.

В глазах Матвея удивление и страх. Он начинает пятиться к двери.

— Ты убийца и я не дам тебе об этом забыть, — цежу каждое слово.

Хлопок двери приводит в чувство. Еще пять минут назад я думала собрать чемодан и помахать дебилам ручкой. Это был бы очень легкий путь, но к сожалению — не мой. Зачем-то я оказалась в теле этой девочки... Сажусь на кровать, уставившись в одну точку. Из рук выпал фен. Так задумалась, что не заметила. Нагнулась, чтобы поднять и взгляд упал под кровать. Схватила телефон, чтобы подсветить себе. Не показалось! В дальнем углу лежала тетрадь.

В последнее время, брат старался мне на глаза не попадаться. Если сталкивались ненароком, отводил глаза и просто ретировался. Тишина и покой хотя бы на время... конечно перед бурей. Папенька соскучился и прилетел из командировки. По реву бизона внизу стало понятно, кто объявился.

— Где эта дрянь? — слышу радушное приветствие.

— И вам здравствуйте! — жую жвачку и спускаюсь по лестнице.

Волосы сегодня собрала в хвост, оставив пряди по бокам. Легкий макияж. Джинсовый комбез с шортами. В руке сумка. Я как раз собралась ехать записываться на курсы вождения. Права у Маргоши были, а вот Рите они совсем не помешают.

— Ты что, дрянь, тут устроила?

— Что? — переспрашиваю, осматривая идеальный порядок в гостиной.

— Вы глаза с утра, папенька, залили? Вам что-то чудится опять? — пожимаю плечами.

— Я тебя отучу дерзить, паршивка, — тянется к пряжке ремня и одним движением выдергивает его.

Он это серьезно? — округляю глаза.

Чтобы выпороть дочь, ему не нужна причина... Само мое существование его бесит так, что он звереет. Гоблин ударяет ремнем по своей ладони и движется в моем направлении. Осторожно выпускаю сумку из рук, ставя на подножку.

Использую свое преимущество, стоя на две ступени выше. Батя замахивается. Перехватываю ремень, дернув на себя, толкаю его ногой в грудь. Ремень остается у меня в руке, а гоблин летит на пол и расплывается.

— Сука, я тебя когда-нибудь приблю! — накручивает себе статью на камеры, которые я успела установить во всем доме.

Кряхтит и пытается подняться. Моя очередь. Хлестнула ремнем по перилам, от звука папенька дернулся и устоялся на меня.

— Еще раз ко мне подойдешь, глаза выцарапаю! Понял?

За этой душевной беседой нас застает компания, во главе с братцем. Парни застыли в прихожей...

— Подняла руку на отца! — жалуется "жертва" домашнего насилия.

Швыряю ремнем в гоблина:

— Ширинку застегни, придурок!

Хватаю сумку и иду к выходу.

— Разошлись! — шиплю, поднимая глаза на застывших дружков.

Парни прижались к стене, молча.

На крыльце вдыхаю свежий воздух свободы. Иду к подъехавшему такси.

В автошколе договариваюсь на ускоренный курс, помахав деньгами. Инструктор сказал мне твердо "нет", но после моего тест-драйва на автодроме сдался.

— Сдашь практический тест на "отлично" и сразу выпишу, что прошла весь курс, — пообещал мой руководитель по водительскому пилотажу, вытирая пот со лба. Хорошо, его не стошнило, после гонок на треке! — хихикнула. Люблю я скорость — есть такой грешок!

Решила побаловать себя и зашла в кофейню. Взяв капучино и кусочек грушего пирога, пристроилась за столиком, у окна.

— Королева! Ты ли это? — поворачиваю голову на звук.

Приходит узнавание. Двоих видела на фото нашего класса. Парни садятся за мой столик и без зазрения совести рассматривают.

Реакция на то, что Воронцов тянет клешню к моему, еще не кусанному пирогу — моментальная! Бью по руке:

— Тебя не учили, что чужое трогать нельзя?!

— Э! Охренела? Ты на кого голос повысила, коза драная?! — взвыл.

— Да пожалуйста! — беру мягкий пирог рукой и впечатываю им прямо в это крикливое личико. Пацан напротив, которого кажется зовут Дима Пестов, открыл рот от шока.

— Кофе, наверное еще хотел? — беру чашку и выливаю сверху на голову любителя чужих пирогов.

— Тебе пиздец! — несется в спину.

Показываю, что ему надо "кверху" безымянным пальцем. Перевестись что-ли в другую школу? — задумалась. А не много ли чести? Сами написались! — скалюсь, предвкушая новую встречу с "любимыми" одноклассниками.

11. Первый учебный день

Пикнула сигналкой на стоянке, недалеко от школы. Личная Мазда-6, темно-винного цвета, не совсем гармонировала с образом ангелочка. Заправила прядь волос за ушко, смотрясь в отражение оконного стекла. Белая блузка, сверху жилетка с эмблемой лица, расклешенная юбка. Топаю белыми туфельками, на невысоком каблуке.

— Рита! — меня тормознула за руку девушка в очках.

Хм. Похоже староста класса — Птичкина или Синичкина Света.

— Привет! — перевожу взгляд на руку.

— Извини, — отпускает мою руку и нервно оглядывается по сторонам.

Поднимаю бровь: "говори".

— Рит, там тебя обсуждают... в общем, будь осторожней, — говорит полупшепотом.

— Угу, — киваю и иду вслед за Светланой, как за поводырем.

Элита класса сгрудилась у окна и как по команде повернулась, увидев меня на горизонте.

— Королева! А ты прям взрослая такая стала, — раздаётся голос Воронцова. — Шпилишься уже? — раздаётся хохот нескольких ртов.

Время идет, а люди не меняются... Хотя, какие это люди?! Так, зажавшиеся малолетки...

— Воронцов! То, что ты самый активный из сперматозоидов отца, не делает тебя лидером! Здесь, как минимум двадцать пять победителей, — обвожу притихший класс взглядом.

— Bravo! — хлопает мне темноволосая красotka Таня Шатрова.

— Рит, садись со мной, — приглашает, забирая рюкзак с соседнего стула.

Падаю рядом с Татьяной и готовлюсь к классному часу, достав дневник и ручку. Шум в классе пошел на убыль, при появлении Матильды — нашей классной.

Обычная подготовленная речь, какие мы красивые и хорошие дети. Давай страдать, что в этом году нас ожидает ЕГЭ, к которому надо начинать готовиться, чуть ли не завтра. Раздался требовательный стук в дверь. Классуха поцокала открывать и обернулась на меня:

— Рита Королева, к тебе пришли!

И че? — хотелось мне взбрыкнуть, но я же хорошая и послушная девочка: встала и пошла.

— Только не долго! — говорит она, подпирающему стену брательнику.

— Ты почему дома не ночевала? — шипит, схватив за загривок.

— Мне далеко добираться! — отбиваю захват и отпрыгиваю на шаг. — Я квартиру сняла неподалеку, — наблюдаю за выражением лица Матвея.

— Адрес! — достает телефон и ждет моего ответа.

— Зачем? — фыркаю.

— Адрес, сказал! Я все проверю!

А ведь он никогда меня не бил! — перевожу взгляд на бицухи. Одним ударом может отправить в nirvanу.

Продиктовала адрес, думая, зачем это ему... В нежную братскую заботу решил поиграть? — закусил губу.

— Вечером жди меня! — разворачивается и уходит.

Как раз раздаётся звонок и одноклассники выпадывают из кабинета.

— Рит, это кто такой? — тычет в удаляющуюся спину Светка.

— Брат мой, — цежу.

— Такой красавчик, — мечтательно затанула.

Я фыкнула и пошла собирать рюкзак. Подняв его, понимаю, что слишком уж моя котомка потяжелела! Открываю и нахожу внутри кактус, засыпанный землей. Твою мать! Все тетради перепачканы. Беру свою сумку и шурую злая на выход.

— Кто?! — рычу на компанию Воронцова.

— Ты о чем, Ритуль? — Стас Воронцов пытается изобразить удивление, но губы его расплываются в улыбке.

— Я об этом! — дергаю молнию замка, раскрывая до конца и одеваю рюкзак Воронцову на голову, сверху хлопнув.

Раздается такой ор! Уши заложило.

— Рита! Ты захотела в колонию? — перебарщивает директриса. — Ты посмотри, что наделала!

М.дя. Поцарапанная рожа Воронцова и его грязная рубашка — тот еще арт-объект.

— Он первый начал, — надуваю губки.

— Господи! Первый учебный день! Завтра вы мне школу разнесете? — снимает очки и хватается за лоб.

Понимая, что надо как-то выпутываться из ситуации, поворачиваюсь к покоренному.

— Извини меня, Стас! — хлопнула ресницами.

У Воронцова вытянулось лицо и он подозрительно на меня косится.

— Хочешь, я зеленкой обработаю? — тяну руку к его голове, от которой он шарахается, будто змею увидел.

— Не надо! Мы пойдем, Ираида Степановна? К Королевой у меня претензий нет!

— Идите! — говорит директриса, не поднимая головы.

За дверь Стас толкнул меня в стену и расставил руки по бокам от головы:

— Рита, у тебя есть парень?

Выставляю руку перед собой. Совсем очумел, мальчик!

— Воронцов! Просто сделай вид, что меня нет! — шиплю.

— Королева! Я с тобой не закончил! — кричит вслед.

Я скачу из школы, оборачиваясь, нет ли преследования. Фух! С крещением, Марго!

12. Подселенец

Матвей шагнул в мою прихожую, втянул воздух.

— Борщ?

— Ага, проходи! — закрываю за ним двери.

Пока я накрывала на стол, брат обследовал всю квартиру вдоль и поперек. После того, как была проверена ванно-туалетная зона, Матвей примерно сидел напротив и уплетал мой борщевский, бухнув в него полбанки сметаны.

— Справа комната мне подойдет, — после чего, я чуть не подавилась.

— С какой такой радости?

— Ты маленькая еще, тебе нельзя жить одной, — заявляет наглец.

— Хорошая идея с квартирой! — пытается похвалить меня, находящуюся в ступоре от этого напора.

— Ритка, соглашайся! — тормозит меня.

Я перевожу расфокусированный взгляд с окна на него. В этой квартире никогда не было мужика! Никогда! Это всегда была моя территория. Он сюда шагнул на правах родственника и уже заявил о своем желании остаться.

— Нет!

— Сегодня же привезу вещи на неделю, — он меня просто не слышит. — Один ключ для себя из связки уже взял, — добивает.

Приплыла радость к нашим берегам! Как от него отвязаться?

— Будешь мне тут пьянки-гулянки устраивать и баб водить? — встала и начала расхаживать по кухне, размахивая руками.

— Тыгыгы! — тычу прямо ему в грудь. — Задолбал уже! За какие грехи мне достались вы с отцом?! Вот скажи мне? В чем моя вина? А?!

Видимо мою плотину прорвало. Матвей сидел и слушал, поднеся руку к подбородку и поглаживая его большим пальцем.

— Еще одноклассники — дебилы! Того и гляди из школы исключат!

— Стоп! — останавливает мою пластинку брат.

— С этого места поподробней! Тебя в школе обижают? — в серых глазах сверкнуло недоброе.

— Ну, во-первых: я сама кого хочешь обижу! А во-вторых: тебе какое дело? — делаю руки в боки.

— Или издеваться надо мной ваша прерогатива? М?!

— Кто?! — рычит Матвей, хватая мою руку и дергая на себя.

Потеряв координацию, я рухнула прямо перед ним на колени. Обалдело раскрыла глаза.

— Рит, кто тебя обижает? — положил руку на голову и погладил... сначала один раз, потом еще.

Че происходит? — поднимаюсь, подозрительно на него поглядывая.

— Матвей! Не вмешивайся! Я сама разберусь, ладно?

— Ты куда? — иду за ним по пятам из кухни.

— Поехал за вещами, — накидывает джинсовку в прихожей. — Предупреди своего любовника, чтобы не шастал! С лестницы спущу! — заявляет деловая колбаса.

— Нет у меня никого и не было, — не знаю, зачем оправдываюсь.

Обернулся через плечо и толкнул двери.

Вот, что за фигня творится?! Как же я радовалась, оказавшись снова в своей берлоге. Надо все лишнее убрать от Марго! — ринулась наводить "порядок". Какого черта я так волнуюсь? Он мне никто и звать его никак — обманываю себя и ползу до магазина затариваться продуктами... мужика же кормить надо. Эх, жаль, что этот экземпляр мне генетический родственник...

Приготовила ужин и покидав учебники на завтра, села читать Риткин дневник. Это что за хренотень?! Такое ощущение, что читаю мемуары душевнобольной! Налила себе кофе и продолжила чтение:

"Сегодня Матвей сделал мне замечание, когда я разбила его любимую кружку! Я сказала, что разбила, а сама принесла ее к себе и спрятала. Достают иногда и прикасаюсь губами там, где он касался..."

Твою ж мать! Как это развидеть? Ритка, как собачонка бегала за братцем, а он от нее отпинавался, как мог... писец какой-то! Она на инцест нарывалась? Или я нихрена не понимаю в этой жизни! Брезгливо отшвырнула тетрадь в дальний угол полки.

Вздрыгнула от хлопка двери. И понимаю, что ноги меня туда не несут. Сделаю вид, что сплю! Долго делать вид не получилось. В квартире будто медведь разбушевался! Что он там делает? Накидываю халатик и крадусь...

В моей гостиной братан устанавливал тренажеры! Стою, хватая ртом воздух... У меня так-то свои планы были на это пространство!

- Совсем обалдел? — шиплю. — Час ночи, а ты железками гремишь!
- Я с утра занимаюсь, — говорит, продолжая бряцать.
- Сейчас соседи вызовут полицию!
- Блин, не подумал! — сел на пол и почесал подбородок.
- Что ты еще не подумал? Спать иди! Не беси меня! — хлопаю дверьми своей спальни.

13. Второй день в школе

— Рита! — аж подкинуло на кровати от рева дикого гиппопотама.

Накинув на себя первую попавшуюся одежду, вылетаю. Блядь! Добрался до моего ноута! Открыл папку с выписками из банка... сука! Нахрена я все это сохранила в таблицах?!

— Ничего не хочешь мне объяснить?! — тычет мне на экран.

— Не хочу, — закусываю губу.

— Я тебя сейчас за ноги на балконе подвешу! Откуда такие деньги, Рит?! Ты что, банк ограбила?

Опускаюсь в кресло и пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Это наследство от родственницы... со стороны матери, — ну вот! не соврала же!

— Какое нахер, наследство?! Ты дурака из меня не делай! — продолжает орать.

— Никто из тебя дурака не делает, это полностью твоя инициатива! — вынимаю из ящика документы от адвоката и протягиваю крикуну.

Вчитывается. Брови ползут на лоб. Тяжелый взгляд на меня.

— И эта квартира теперь твоя и машина, и доху@ всего!

Киваю, скрестив руки в замок.

— Ритка, так не бывает! — трясет бумажками. — Это какая-то подстава!

— Думай, что хочешь, — пожимаю плечами. — Мне в школу пора.

— Кофе будешь? — встаю и двигаюсь на кухню.

Видимо, не будет — слышу хлопок входной двери. Ну и ладно! — кусаю печенюку. Привела себя в божеский вид и потопала в школу, решив выйти пораньше и пройтись пешком. Люблю осень! Вообще жизнь люблю! — вдыхаю запах золотой листвы, иду по дорожке, через парк, ловя первые лучи солнца.

— Королева! Стоять! — меня тормозит Воронцов, в ста метрах от школы-лица.

— Стас, отвали! — бросаю беззлобно.

— А как же возмещение за мои моральные и физические страдания? — не унимается клоун.

— Слышь, страдалец! Тебе мало было? Добавить?! — это уже звучит на несколько тонов ниже.

— Поцелуешь — отстану! — преграждает путь.

— Ты, Воронцов, свои бациллы при себе держи! — фыркаю.

— Я не заразный! Ничем не болею! — достал уже, прилипала.

Стас решил перейти от слов к действию и положив руку на талию, притянул к себе. На мои выгибонии попытки его оттолкнуть не реагировал.

— Ты знаешь, что такое "апперкот?" — лыблюсь, перестав вырываться.

— Чего? — опешил ловелас, пыхтя мне в макушку.

— Просто ты сейчас в шаге от этого великого познания..., - боковым зрением наблюдаю неминуемо приближающуюся фигуру братца.

Три-Два-Один... Воронцов отлетает в кусты боярышника. Упс. Снова поцарапался! Везет пацану на колючки — хрюкнула и повернулась к Матвею.

— Тебя ни на минуточку оставить нельзя! — наблюдаем, как Воронцов отползает, прячась за кусты.

Брат был на голову его выше и шире в плечах.

— Чтоб я без тебя делала, спаситель ты мой! — огибаю и продолжаю движение.

— Зараза! — слышу в ответ. — Чтоб к вечеру дома была!

Я закатила глаза и прибавила шаг. Еще не дойдя до нашего кабинета, был слышен гогот детишек.

— Стасян! Ты че в кустах, грибы искал?

— Отлично выглядишь, бухал вчера?

Мля, стадный инстинкт нападения — не убиваем! Воронцов сидел злой, красный и помятый, бросая уничтожающие взгляды на остальных.

— Вы не могли бы пропускать слова не только через рот, но и через мозг? — решаю на свою голову вмешаться.

— Королева, ты влюбилась в него что ли?

Я, конечно могу и стаю собак перегавкать, но во время прозвенел звонок на урок. Кинув уничтожающий взгляд: "я тебя запомнила", быстро накидала на парту необходимое к занятию.

14. Вот те, здрасьте!

— Рит, надо стенгазету сделать к Дню учителя, — ко мне подседа Сеницына.

Мысленно прокручиваю, как оно должно выглядеть. Умение работать в дизайнерских программах и богатая фантазия, уже накидывали эскизы в голове.

— Срок сдачи? — удивляю ее своим согласием.

Видела уже, как она кочевала от одного одноклассника к другому, получая разные направления, куда ей идти.

— За неделю справишься? — выдыхает полная счастья староста.

— Успею, — киваю, разворачивая конфетку и угощая ее второй.

— А мне? — материализовался Стас.

Вздыхнув, вытащила горсть запасов и выложила на столе. Голубиная стая смела конфеты за долю секунды. Кажись, они даже коснуться поверхности не успели.

— Рит, давай я помогу тебе с плакатом, — делает глаза кота Стас.

— Воронцов! Ты веришь в раздражение с первого взгляда? — вот, зачем он нарывається?

Раньше я была волчицей-одиночкой считая, что вторая половинка есть у мозга, жопы и таблетки. А я изначально целая. Мне никто не нужен. Сейчас я готова была строить отношения... Но с кем? Вокруг строителей не наблюдалось. Этот назойливый мальчик что-то там себе напридумал. Привыкай, детка! Жизнь вообще полна обломов...

— Тебя проводить до дома?

— Да, что ж ты такой отчаянный, с отсутствием чувства самосохранения? — рычу уже.

— Я сам не понимаю, — очень мило опускает глаза. — Ритка, ты такая классная!

— Брата ты моего уже видел! — отрезаю и перехожу на быстрый шаг.

Обернулась. Одноклассник стоит, провожая меня тоскливым взглядом. Ну, елы-палы! Будто ребенка обидела.

В кондитерской купила вишневый пирог, который одним запахом кружил голову и вызывал слюноотделение.

— Сейчас придем домой, — разговариваю со вкусом, доставая ключи из рюкзака. Дверь оказалась не запертой и из гостиной раздавались голоса.

Вот те, здрасьте! — пирог чуть не выпал из рук.

В квартире был папенька, по-хозяйски усевшись на моем любимом диване. Перевела взгляд на Матвея, который сделал морду кирпичом... типа, он тут не при чем.

Подстава-подстав! Чуть не запустила пирогом в обоих.

— Рита, девочка, присядь, поговорим, — приторно-сахарный голос...

Ясен пень! Держит меня за глупую малолетку! Слушала его разглагольствования, что я такая не опытная, чтобы управлять ТАКИМИ деньгами. Простыми словами: просру все... и только, он, папенька, точно знает, как лучше распорядиться капиталом. Мне лишь нужно подписать доверенность на гоблина и ни о чем не беспокоиться. Хотелось заржать в голосину! Сдержалась.

Аплодисменты предназначались не спектаклю, а его окончанию. Я продефилировала на кухню, нажав кнопку на чайнике и спокойно порезала пирог.

— Рита, я с кем сейчас разговариваю? — пришел хвостом папенька.

— Я одного понять не могу: ты серьезно или придуриваешься? — отпиваю из чашки чай.

— Вот как ты заговорила?! Кто наглотался таблеток? Я признаю тебя невминяемой! — шипит гоблин, растеряв всю доброжелательность.

— И?! — ставлю чашку. — Думаешь, тебе это-то что-то даст? Ты мне вообще кто? — встаю, наблюдаю что брательник сложив руки все это слушает, подперев стену.

— Я твой отец! — брякнул по столу кулаком, для убедительности, отчего мой чай расплескался.

— А если сделать тест ДНК? — говорю наугад, но по тому как меняется в лице родственничек, понимаю, что попала в точку.

Батя пыхтит и сыпет проклятья на мою голову. Я смотрю прямо, в глаза Матвею.

— Отец! Думаю, тебе пора и не приходи сюда больше, — выдает сероглазый.

— Извини, систер! Он напросился посмотреть, где мы обитаем, — берет новые чашки и наливает чай нам обоим. Ставит на стол и садиться напротив.

— Откуда он узнал про наследство?

— Наш дядька в нотариате, ты забыла? Я точно ничего не говорил, — выдерживает мой буравящий взгляд.

— Меня другое интересует, — крутит задумчиво чашку и отпивает, прищурившись.

— Какое? — поднимаю бровь.

— Мы, походу, действительно не кровные...

— Это что-то меняет? — сглатываю.

— Не знаю пока, — вздыхает. — Ты сильно изменилась. Раньше ты меня дико бесила, до блевоты. Куда не пойду — везде ты рядом кружишься. А после больницы, как подменили... Стало интересно даже, что дальше выкинешь. Когда ты уехала, дом опустел. Даже возвращаться туда не хотелось.

Матвей ушел в свою комнату, а я так и сидела с остывшим чаем. Как жить, с полученной информацией?

Второй час медитирую над домашкой! Я, человек с двумя высшими образованиями! Так и психом стать не долго! Матерюсь. Слышу стук в свою комнату!

— Ты громко думаешь! Проблемы с учебой? — в комнату пробирается Матвей и зависает над письменным столом.

— С логикой, кто писал эти учебники! — бурчу, показывая на эту галиматью.

— Дай сюда, бестолочь! — подтягивает к себе математику.

ЗАДАЧА:

В восьми корзинах лежали яблоки трех сортов: антоновка, джонатан и ранет, причем в каждой корзине — яблоки только одного сорта. В первой корзине лежало 20 яблок, во второй — 24, в третьей — 28, в четвертой — 32, в пятой — 36, в шестой — 40, в седьмой — 44, в восьмой — 48. После того как продали корзину ранета, яблок этого сорта осталось вдвое больше, чем антоновки, но вдвое меньше, чем джонатана.

В какой корзине лежала антоновка?

Матвей завис.

— Антоновка в пятой корзине! — поворачивается ко мне.

— Смотри! — и стал разжевывать, что будет если продать эти или другие яблоки из корзины.

Заслушалась! Да, он просто гений в красивой упаковке! Повезет же кому-то — подумалось.

— Спасибо! Дальше я сама, — отбираю тетрадь и начинаю записывать решение задачи.

Братан, подышав в затылок, тихо вышел, прикрыв за собой дверь. Надо же! — оборачиваюсь. Он всамделе такой или пытается реабилитироваться?

Сделав уроки, пошла на кухню готовить ужин. Матвей в гостиной продолжал вихать "железки", врубив динамичный трек. Потушив картошку с курицей, крикнула, что ужин готов.

— Вот, еще одна причина, по которой мне у тебя нравится! — поедает, урча мое варево. — Я тоже хищник, а батина диета уже задолбала.

Оно понятно, растущему организму нужен белок... еще раз окинула рельеф мышц. Поев и сказав "спасибо", помыл за собой посуду. Верно! Чего из-за двух тарелок посудомойку гонять.

— Я ушел с пацанами в клуб! — орет из прихожей.

Да, хоть куда! — ворчу. Пофигу, где он шляется — не маленький. Но зачем-то дотопала наблюдая, как он завязывает кроссовки.

— Модры никому не бить! Забирать из ментовки больше не буду! — заявляю ответственно.

— Это, как получится, — хмыкает любитель тусовок.

— Мое дело — предупредить, — фыркаю.

Посмотрю киношку какую и спать пойду, включаю телик, уже зевая. Видимо, на диване и отрубилась.

— Я сам мелкую понесу, — слышу тихий хихик.

— Отошел от нее, придурок! — меня поднимают.

— Верни, где взял! — утыкаюсь спросонья в шею.

— Тихо! Пацаны на диване перекантуются! — кладет на мою кровать и укрывает одеялом.

Это что за нахрен-блин! Чувствую чью-то лапу на своей заднице. Кому жить надоело?! Замахиваюсь и луплю по спящей морде.

— Эй! Ты чего?! — закрывается руками брательник.

— Ты что здесь делаешь? — шиплю.

Похоже, он сам еще не понимает и хлопает глазами.

— Бля! — выдает и соскакивает, как ошпаренный.

— Убью! — кидаю ему в спину тапком.

— Ритка, все спальня места заняты! Я ж с краю прилег! — отбивается от летящей в него подушки.

— Сегодня же уматываешь! — вскочила на кровать и указываю пальцем на дверь.

— Злая ты! — пялится на мои ноги.

— Вон отсюда! — включаю истеричку. — И своих дружков забери!

К моменту, когда я прооралась, оделась и покинула свою комнату, всех не званых гостей смыло вместе с братцем. Душ и кофе подняли настроение. На улице моросил дождь, поэтому прихватив ключи от машины и накинув плащ, вышла навстречу новому учебному дню.

16. Песочница Королевых

— Пошли в кафе сходим, после школы? — предлагает Татьяна.

Шатрова была закрытой личностью. Ни в какие группировки класса не входила. Училась средне и вроде, ничем таким не выделялась... Разве, что внешностью: контраст со мной, блондинкой и яркой брюнеткой рядом, бросался всем в глаза. Татьяна ненавязчиво держалась рядом и сегодня впервые предложила куда-то сходить.

— Давай! Куда пойдём? — кручу карандаш в руке.

— Здесь, недалеко "Шоколадница", можно там посидеть.

Считайте меня кем угодно, но в женскую дружбу я не верила! Если Шатрова решила сблизиться, значит — есть мотив. Пройденные этапы моей прошлой жизни говорили мне, что просто так — даже муха не летает.

Мы взяли по чашке кофе и тарелку мини-вафельек, с кремом.

Щурилась, глядя на Татьяну, думая с чего она начнет.

— Рита, а как зовут твоего брата?

Ну, вот же оно! — хмыкнула и отпила еще ароматного кофе.

— Матвей, он у нас, — запихиваю вафельку в рот.

Девчонка мнется и не знает, как продолжить...

— Есть у него подруга? — палится своим интересом по полной.

— Околачиваются какие-то рядом, но точно сказать не могу, — пожимаю плечами.

— Рит, он такой красивый, высокий и сильный, — произносит с придыханием.

— Где успела высмотреть? — поднимаю бровь.

— Ну, когда он Воронцова от тебя отшил...

Эх, кареглазая! Не место хорошим девочкам рядом с ним — хотелось сказать, но промолчала. Не услышит и не поймет, пока в это дерьмо не вляпается — вздыхаю. Человека можно любить, пока не узнаешь его близко... слишком близко. От Матвея хрен знает, чего можно ожидать.

Дела шли хорошо, но неизвестно куда... Зашла домой, не зная что меня там ждет. Не ждал никто! Даже как-то грустно стало. Закинула рюкзак, переделалась в домашние шорты и майку. Решив, а чего это велотренажер пылится за зря посередине гостиной, врубила музыку и "покатила". Уиии! — другое дело! Кровь бурлит, закачивая необходимую дозу адреналина. Решив, что этого не достаточно, вытащила небольшой батут и давай скакать... Все ж подростковые гормоны давали о себе знать!

Под рок группу "Pain" и его неубиваемый трек "Shut Your Mouth" не услышала, что в квартире уже не одна.

— Интересно девки пляшут! — Ден показал на меня.

Матвей сложил руки и наблюдал.

Черт! Какого рожна так подкрадываться?! Не рассчитав разворот, отлетаю в сторону, плюхнулась на задницу, взвизгнув. Смотрю на оболтусов, часто моргая.

— Сильно ударились? — блондин делает шаг ко мне.

— Я сказал, к моей сестре не прикасаться! — Ден от ледяного голоса тормозит.

— Вставай, растяпа! — выдает зло.

Паразит! — мысленно вывожу по буквам. В мозг поступает сигнал, который я решаю проверить.

— Ден, не поможешь мне с английским? — поднимаюсь, держась за пятую точку, которая пострадала.

Главное, не терять зрительный контакт.

Гммм — косится на братца, глаза которого округлились.

— Пошли, помогу, чем смогу, — уходим, стараясь не смотреть в сторону Матвея.

Денис подвинул стул ближе. Раскрыв учебник, мы делали перевод текста. Покосилась на часы, засекая время.

Пять минут! — ровно через столько, распахиваются двери и слышится рычание братца.

— Какого хрена обжимаетесь?

У Дена, со звуком, падает челюсть. Он поднимает руки, в жесте: "смотри, держу при себе"...

— Пошли, выйдем на пару слов?! — смотрит Матвей на друга.

Так-так! Что-то намечается и я не могу это пропустить! Припадаю ухом к двери, но слышимость такая себе. Осторожно открываю двери и сталкиваюсь нос к носу с брательником.

— Любопытной Варваре! — и тянет лапу к моему носу...

Всадила зубы! А не чего, мой хорошенький маленький носик трогать!

— Ах, ты зверюга! — взвыл Матвей.

— Не суй свои ручонки, куда не следует! — шиплю.

— Хочешь, чтобы Ден к тебе в трусы залез? М?!

— Вот, ты какого мнения о своих друзьях? Может, у него ко мне чистая и не разделенная любовь? Да, Ден? — выглядываю за спину брата.

У блондина лицо такое: "нахрена я вообще в это ввязался?".

— Знаете, Королевы! Сидите жопой в своей песочнице и лепите куличики! — за Деном захлопывается входная дверь.

— Смотри! Это не твой брат? — Танька попискивает от восторга, тыча пальцем в моего мажора.

Хорош, сволочуга! Стоит, свою бэху подпирает, накручивая на пальце ключи. Увидев меня, махнул рукой. Ага, бегу, спотыкаюсь, волосы назад... Подлянка возникла в голове моментально!

— Пошли, познакомлю! — ташу Шатрову, которая от испуга, пытается дать заднюю.

— Матвей, знакомься! Моя подруга, Таня! — подволакиваю зардевшуюся брюнетку к брату.

Окинул взглядом и кивнул, в знак приветствия.

— Извини, Тань, у меня с сестрой сегодня планы, я ее забираю, — кладет свою клешню мне на плечо, от чего меня чуть к земле не прибывает.

Шатрова продолжает на него восторженно таращиться и пускать слюни...Фуууу.

Матвей открывает заднюю пассажирскую дверь, кивая головой, чтоб нырять.

— Таня, пока! — я скалюсь и обогнув машину, сажусь на переднее, рядом с водительским.

— Борзеешь? Знаешь ведь, что я рядом с собой баб не вожу? — цедит

— Я не баба, а твоя сестра! — заявляю, скрестив руки на груди.

— Вот, это мы сейчас и проверим! — блокирует двери и заводит машину.

— Чего проверим? — хлопаю глазами.

— Степень родства! В лабораторию едем!

— Зачем? Жили ж раньше... не тужили, — возмущаюсь, за какой надобностью нужно кровь сейчас пускать, делить мне с ними не чего, верно?

— Что ты будешь делать с этой информацией? — уже не на шутку волнуюсь, чувствуя подвох.

— Счет тебе выставлю, за то что столько лет мне мозг выносила, — ржет.

Мое неприятие больниц и боязнь вида крови, играет сейчас плохую шутку. Начинаю нервничать и постукивать туфлей по плитке в коридоре, перед кабинетом-процедурной.

Спокойствие! Только спокойствие! Кровь — это часть меня... красная такая, тягучая — чувствую, как отъезжаю в обморок.

— Рита, блять! — в нос ударяет запах нашатыря и меня трясут за плечи.

Ой, какой симпатичный! — рассматриваю склонившегося надо мной парня. Воспоминания врезаются копьём. Может, ну его? Пожили и хватит? Что там дальше будет? — вглядываюсь в хмурое лицо брата. Серые глаза потемнели до состояния грозовых туч. Губы сжаты.

— Ей бы чаю горячего и сладкого, — слышу со стороны голос.

Матвей берет меня на руки и несет. Коридор. Улица. Сигналка авто.

Дома размешиваю сахар во второй, по счету, чашке чая... скоро в ушах забулькает.

— Пей! — подстегивает брат.

18. Свобода. День учителя. Клуб

Смотрю, как Матвей собирает свои вещички. Свобода! — верещит мое эго. Не могу поверить, что теперь остаюсь одна.

— Кого благодарить?! — пытаюсь выведать, что происходит.

Матвей молча кидает в меня бумажкой. Ловлю на лету. Так! Чего у нас тут?

Результат экспертизы ДНК: Вероятность родства — 0 %!

Плюхаюсь в кресло. Свершилось! Гоблин изначально знал — мелькает догадка. Поэтому изводил Ритку и называл ее мать шлюхой. Знала ли сама Рита? — сложно сказать. Читать ее параноидальный бред в дневнике мне не хотелось.

— Надеюсь, ты рад? — хмыкаю.

— Я просто счастлив! — выходит с сумкой в коридор.

В дверях обернулся:

— Не вздумай попадаться на моем пути! Закопаю, поняла? — в глазах бешенство.

Какое страстное обещание! — падаю на диван, улыбаясь. Это надо отметить! Наследие прошлой жизни — Шато Латур было припрятано на кухне.

— Ну, за это! — замахнула бокал сразу и закусила кусочком сыра.

Надо же! Смотрю, кого послать по телефону в эротическое путешествие. Незнакомый номер не унимается.

— Але!

— Рита, ты чего трубку не берешь? — писклявый голос старосты Сеницыной.

— Светка, ты мешаешь мне напиваться! — ворчу.

— Королева! Ты плакат обещала! Срок тебе — до утра! — отвожу телефон подальше и морщусь, что звук не убавить.

— Будет тебе плакат! — наливаю второй бокал и даю отбой.

— Рита, это что такое?! — заикается староста и глаз ее начинает дергаться.

— Плакат! — дыхнула на нее вчерашним "праздником".

Ну а че? Очень даже креативно! — рассматриваю свое творчество.

Посредине надпись: "Одиннадцать лет — не срок!" и "Покажи домашку!". Нарисована наша Матильда в секс-ковбойском прикиде, с пистолетом.

Класс сгрудился, оценивая сие произведение. Я запивала сушняк из бутылки с водой.

— Держи! — Воронцов предлагает мятную жвачку.

Не отказываюсь. Найдутся "добрые люди", готовые сдать меня с потрохами. А еще один залет... Сломив сопротивление Сеницыной, мы повесили "поздравительное". Одноклассники были за любой кипишь, если за него не отвечать. Мое пофигисткое поведение принесло бонусы среди элиты класса.

— Рисковая ты! — шепчет мне Шатрова.

Наблюдаем за лицом нашей классухи. Матильда зависла на несколько минут.

— Спасибо, ребята, за поздравление! — теребит сертификат в "Л.Этуаль"(сеть косметики) и сворачивает голову на свой портрет. — Очень тронута.

После уроков шумной толпой завалились в клуб. Мне уже хватило вчерашнего и я тянула только фруктовый коктейль.

— Смотри! это же твой брат, — толкает меня Танька.

— Народ, меня надо прикрыть! — набираю сообщников, падая под стол.

— Ритка, сиди тихо! Он идет в нашу сторону! — Стас хватается под столом мою руку и сжимает.

— Где она? — рычит братец на притихших ребят.

Вот честно! Думала сдрефят и сдадут с потрохами. Я знала, каким может быть Матвей в гневе.

— Где твоя подружка? Я ее видел! Говори! — наехал на Таньку.

— Она не с нами! — пискнула Шатрова.

— Ритка не ходит в клуб!

— Она с нами не пошла!

— Показалось, наверное? — отмазывают одноклассники.

Понимаю, что еще немного и он меня обнаружит. Достанется всем, без исключения. Начинаю ползти у ног, чертыхаясь, в сторону прохода. Успела перекатиться за диванную зону.

— Я что, слепой? — орет и переворачивает стол, скидывая все, что на нем стояло.

Крики, визг девчонок, звук бьющихся стаканов.

— Охрана! — орет кто-то.

Если выйду — мне конец! Не выйду — пострадают ребята. Уже хотела встать, но почувствовала руку на своей голове. "Нет!" — Воронцов мотает головой еле заметно. Потом все стихло.

— Ритка, выползай! Его увели! — заглядывает Танька.

— Ребят, спасибо! — не знаю как благодарить, переводя взгляд с одного на другого

— Своих не сдаем! — поднял бровь Стас

На следующий день, в школе, было энергетически комфортно. Мы собирались на переменах, вспоминали вчерашнее и ржали, как кони. Ситуация сплотила нас. Я не уставала говорить, какие они классные... Как мало нужно, чтобы на душе стало чуточку теплей. Люди повернулись ко мне светлой стороной — я платила им тем же.

— Рит, можно я тебя провожу? — догоняет у раздевалки Стас.

— Давай! — наблюдаю, как от ответа парень расцвел.

— Подожди! Зайду в кофейню, ты ведь капучино любишь?! — Стас свернул в дверь "Кофемании".

Втыкала в телефон и ждала парня. Завтра выходной... красота! Сегодня, хоть загуляйся. Подняла голову на звон колокольчика у двери. Искренне улыбалась Воронцову, который в двух руках нес стаканчики. Стас будто запнулся, глядя поверх меня. Выражение лица такое — привидение увидел... или у меня рога выросли? Поворачиваю голову и меня откидывает штурмом серых глаз.

— Попалась! — братан хватает за шиворот и подтаскивает к себе, как котенка.

Я зашипела и попыталась высвободиться. Какое там!

— Отпусти, сказала! Что ты пристал ко мне? — пытаюсь лягнуть, но мои действия предугадывают.

Брат держит меня на расстоянии вытянутой руки, чтобы не смогла ему рожу расцарапать.

— Ты снова с этим пиз... парнем? — тряхнул так, что волосы в разные стороны.

— Не твое дело! Это мой друг! — задираю подбородок.

Стас от этих слов очнулся и подошел ближе.

— Слушай, я понимаю, ты ее брат и все такое..., - начал.

— Нихера ты не понимаешь, щенок! Это с виду только ангел..., - заявляет Матвей.

— Что я тебе сделала? М? В кружку твою плюнула или мышь дохлую подкинула? Что за детские обиды? — удается все-таки выскользнуть и отскочить ближе к Стасу.

— У тебя амнезия, детка? Напомнить? — от его слов становится холодно.

Рита, твою мать! Я что теперь, всю жизнь должна за тебя расхлебывать? — прикусываю губу и пытаюсь хоть что-то понять.

— Стас, извини, мне нужно с братом поговорить. Спасибо за кофе, — забираю один стакан.

Поворачиваюсь к Матвею.

— Давай все выясним и разойдемся, — шагаю в сторону дома, зная что он за мной идет.

20-21. Ты — заложница!

Зашвырнула рюкзак в коридор, скинула ботинки и пошла на кухню. Налив стакан воды, выпила залпом. Не хорошее чувство катило вслед за приходом брата.

— Говори! — сажусь на стул.

— За тобой должок, мелкая... пора отдавать, — колючий взгляд цепляет за нутро.

— Какой должок? — скрестила руки и ноги в знак защиты.

— Забыла, как всех моих подружек изводила? — поднял бровь.

Рите 14 лет.

Брат привел брюнетку. Сосутся на диване, в гостиной. Стонут, как раненые. Мурашки по телу. Хочу это прекратить. Бегу на кухню, хватаю лимонад со льдом и выливаю все на парочку. Визг. Мат. Мчусь в свою комнату, чтобы закрыться.

Рите 16 лет.

Подожгла волосы этой рыжей. Она спит, брат в душе. Неделью боялась выйти из своей комнаты.

Рите 17 лет.

Налила кетчупа в туфли всей честной компании.

— Это же шутки были, — перевожу на Матвея туманный взгляд.

— За все нужно платить, Риточка, — недобро ухмыляется.

— Не тяни кота за яйца! Что ты хочешь? — включаю чайник.

— Ты сейчас в залоге, до окончания школы, — выдает какую-то несуразицу.

Плюхаюсь на сидальное место, раскрыв рот.

— Помнишь драку, когда ты меня из ментовки забирала?

— Ну..., - киваю.

— Отмудохал я тогда сынка прокурора..., - сжал кулак, аж с хрустом.

— Мы же все замяли? Или..., - подаюсь вперед, не дыша.

Матвей бледен, прикрыл глаза и втянул воздух.

— Есть еще косяки, да? Был бы человек, а статья найдется, — говорю уже, больше для утверждения.

— Я здесь каким боком? — наливаю чай.

— Сестра за сестру..., - голос его звучит глухо. — Я пощупал его сестру, теперь он требует тебя. Пока ты школьница — есть отсрочка... Но я должен за тобой присматривать, чтобы ни с кем не была. Глянула ты этому пижону... сильно понравилась, — сглатывает, дернув кадыком.

— Зашибись! — хохотнула.

— Ритка, меня посадят и надолго... выхода не оставили, понимаешь? — глаза покраснели, запустил руку в волосы.

— Поэтому, ты прикрываешься женщиной? Как это по-мужски!

Матвей выбил у меня из рук чашку, в которую я хотела еще подлить кипятка. Она отлетает в стену, осколки в разные стороны.

— Заткнись! Ты думаешь, мне легко? — рычит.

Толку, сейчас его обвинять? Выхода не было бы у Риты — восемнадцатилетней девочки... Я — не она! Маргариту Гранскую хрен прогнешь! Мне даже жаль этих мальчишек, которые вздумали письками меряться. Отгрызу по локоть!

— Как, говоришь, зовут прокурора? — достаю уже две новые чашки и ставлю на стол.

Дальше происходит фигня, которую я точно не ожидала. Матвей поднимается и рывком прижимает меня к себе, целует в лоб, гладит по голове.

— Храбрая моя девочка, — шепчет, опаяя дыханием в ухо.

— Все будет нормально, не переживай, — обняла его тоже, обхватив одной рукой и уткнувшись носом в грудь.

Брат ушел, а я улыбалась, как дура. Теплоотдача — вот, что было сейчас важно. Пусть, Матвей допустил эту ситуацию, но ему не все равно. Парень — не рептилия, как показалось раньше. Его переживания сейчас были искренними. Выбраться мы сможем только вместе. Набираю номер телефона своего друга-адвоката.

— Вов, привет! Подними мне все на прокурора Тихомирова. Я подъеду завтра, с утра, и все расскажу, — даю отбой.

Будет не скучно.

22. Сын прокурора

— Как в старые, добрые времена? — адвокат достает из ящика "макаров" и указательным пальцем гладит корпус.

— Вова! Хорош прикалываться! Вариантов с Тихомировым вагон и маленькая тележка!

— Страшная ты женщина, Марго, — друга передернуло. — Что придумала?

Пролистав еще раз папку с делом, что успел собрать Владимир, задумалась. Что-то здесь не вяжется никак. Образцовый семьянин, награды и благодарности за службу и вдруг, шантаж. Что касается детей: дочь Виолетта — 20 лет, студентка юридического; сын — Макар, 24 года. Стоять! Он учится на четвертом курсе, вместе с моим братцем. Таковую ли правдоподобную версию мне выдал Матвей?

— Не доверяешь братишке? — ухмыляется адвокат.

— Если Матвей делает из меня дуру и там обычный спор... Он об этом пожалеет! — кидаю папку обратно на стол.

— Что делать будешь? — прячет обратно, со вздохом, пистолет.

— Встречусь с этим Макаром, — отпиваю кофе.

Закурить бы сейчас... и даю себе мысленно пощечину! Не чего молодой организм травить!

Где обитает прокурорский сынок, не трудно было догадаться по фоткам в инсте. Идти одной в клуб — такая себе затея! Строчу Шатровой в переписке.

Таньку колбасит и она шарахается от всего, как пугливая лань. Ну, вылитая Бемби! Большие карие глаза наполнены страхом.

— Рит, мы здесь одни, без помощи совсем, — начинает стонать.

— Два клубничных Мохито! — заказываю бармену слабоалкогольные коктейли.

У барной стойки оставаться нельзя! Это значит, что ты готова к съему, на вечер. Дав работнику клуба красную купюру, прошу найти нам столик и никого не подсаживать. Парень удивлен, что какие-то малолетки ведут себя вполне уверенно. Знал бы ты, мальчик, какие закидоны устраивала в клубах Маргоша..., - хохотнула.

Танюха, после коктейля, расслабилась и мы заказав по второму, пошли танцевать. Крути себе задницей под музыку и ни о чем не думай. Скакали, пока ноги не стали отпадывать. Несколько раз какие-то парни пытались к нам подкатить свои яйца, но мы шипели и посылали... бабочек ловить.

Что Матвея сегодня здесь не будет, я знала точно. У гоблина День рождения. Была мысль соорудить ему открыточку... но решила, что лучший подарок от меня — не мельтешить перед глазами.

— Это вам от той компании, — официант ставит еще коктейли.

Мы дружно поворачиваемся, с Танькой, в указанном направлении. Макар салтует мне своим бокалом. Киваю, что приняла. Шатровой пить подарочек запрещаю, объясняя, что подобные подкаты пить нельзя — можно попасть на "юлу". Подсыплют тебе какую-то хрень и не вспомнишь завтра где была, и с кем.

— Рит, откуда ты все это знаешь? — удивляется подруга.

— Читала, — отмазываюсь.

Макар ничего такой, симпатичный — разглядываю парня. Худощавый блондин, синие глаза которого кажутся темными при таком освещении. Пару минут гипнотизируем друг друга. Тихомиров поднимается и идет к нам.

— Такие красавицы и без охраны, — не отрывает от меня глаз.

Есть в нем что-то настораживающее. Хищник вышел на охоту.

— Мы хотим пригласить вас к нашей скромной компании, — присел рядом на диване, закинув ногу на ногу.

Тон уверенный, такому видимо не отказывают. В любой другой ситуации послала бы. Шатрова начинает ерзать и поглядывать на меня вопросительно. В нашей паре — она ведомая.

— Только не долго, нам завтра на учебу, — расползаюсь в улыбке.

Дружки у Макара такие же мутные. Смотрят на нас, как-будто мы себя уже предложили и выражение лица такое: брат — не брат.

— Как тебя брат одну отпустил? — вот и раскрылся, что знает меня.

— Его кто-то спрашивает? — поднимаю бровь.

— Рит, давай уйдем? — Таня начинает нервничать и в голосе появляются истеричные нотки.

— Дай мне пять минут, — говорю ей прямо на ухо.

— Макар, что за история, с моим братом? Расскажешь?

— Такая красивая малышка, не должна забивать себе голову, — подвинулся ближе и захватив мой локон поднес в носу. — Пахнешь малиной, мне нравится.

Ясно-понятно. Ничего конкретного он не скажет. Зря пыталась. Беру сумочку и киваю Шатровой, что мы двигаем на выход.

— Мы еще увидимся, сладкая, — смех компании стоит в ушах...
Угу. Жди — даю мысленное обещание.

— Што? — поднял на меня глаза Матвей с набитым ртом.

— Кушай-кушай, — дала бы по дурной его голове, чем потяжелее.

Так и вижу в протоколе: "Обвиняемая бегала за потерпевшим с утюгом и угрожала ему! — Не угрожала, а пыталась загладить свою вину! "

— Добавки? — спрашиваю... я ж вежливая.

— Нет, спасибо! Мясо у тебя получается — просто язык проглотишь!

Интересный контекст с языком... отвожу глаза.

— Рит, поехали покатаемся?

— Я за руль! — аж захлебнулась, в перспективе погонять на его красотке.

Брат менял машины с завидным постоянством. Ничего у него долго не задерживалось... и никого — коллекционер хренов. Зато, как мне морали читать: туда не ходи, сюда не ходи! На парней не смотри... Тьфу, на этого любителя двойных стандартов!

Провела пальчиками по сверкающему зверю по имени "Порше Кайен". Подключаю к аудио системе свой айфон. Врубаю рок-группу Rain. Мотор урчит и откликается на "погнажи, малыш!". Чистый кайф течет по венам! Ловлю на себе взгляды Матвея. Драйв передается и ему. Постукивает пальцами в такт басам.

— Ты где так водить научилась? — удивляется братан. — Кто научил? — добавляет уже шипя.

Вот, гад! Плавно прихлопываю дверь и смотрю на эту "прелесть". Все! Хорошего понемножку! Мы подъехали к дому гоблина. Матвей уговорил зайти на чашку кофе.

— Отец опять бухал, — братан сморщил нос от запаха алкоголя и накиданных бутылок.

Храпящее тело папеньки лежало на диване, в гостиной. Пока Матвей ходил наверх, в свою комнату, не удержалась! Стащила из кабинета перманентный маркер и нарисовала бате гитлер-усы и чубчик на затылке.

— Рита, твою ж мать! В детстве не нарисовалась? — отбирает черный маркер и хмуро рассматривает мое художество. — Он же долго не сведется!

А Рита глазки в пол и водит ножкой по паркету.

— Бери спиртовые салфетки и стирай! — категорично заявляет брат.

Пришлось выполнять. Такое суровое лицо натянул, что меня ждут кары египетские.

Представьте себе картину: стою на коленях у дивана и полирую салфеткой лобешник гоблина. Это чудовище просыпается. Моргает глазенками. Начинает орать.

— Ааааа! Убить меня хочет!

— Да, заткнись ты уже! — шлепаю ладошкой по лысинке.

— Матвееей! Она меня бьет! Матвееееей! — горлопанит так, что кровь из ушей потекла, наверное.

— Рита, уходим! — оттаскивает от пьяни братан.

— Я у тебя сегодня переночую, — обрадовал Мотя, садясь сам за руль.

Насупилась на него. Кофе не налил. Художество ему мое не понравилось! Представляю, как папенька с утра в зеркало глянется — хихикнула. С усами и размытой кляксой на лбу — такой красавчик.

24. Ужастики

— Давай фильм какой-нибудь посмотрим? — предложил Матвей.

Время — вечер и делать было нечего. Сначала определились с жанром, выбирая между комедией и ужастиками... Победили страшилки!

— "Кто не спрятался" смотрела? — листает пультом "кинопоиск".

— Неа. О чем там?

Матвей читает аннотацию к фильму:

"Две молодые пары арендуют виллу на берегу моря. Отдых идет прекрасно, пока однажды постояльцы не обнаруживают несколько скрытых видеокамер, в том числе — в ванной комнате. Кто-то за ними явно следит, но в полицию они звонить не спешат. Некоторые предпочитают игнорировать камеры и забыть обо всем, что случилось в этом доме."

— Ну, давай, — говорю неуверенно и прижимаю к себе подушку с дивана.

— Боишься? Двигайся ближе, вместе бояться будем, — скалится довольно.

— Нет! Ты лучше так и сиди, с краю! Тебя первого сожрут..., - ворчу, забираясь с ногами.

В итоге, я не поняла, как подкатилась ближе к Моте и схватилась за него мертвой хваткой. В коридоре моргнул свет, который я оставила "на всякий случай".

— Ритка, ты чего такая трусиха? — шепчет братан, у которого голос срывается.

Понимаю, что ему тоже страшно, но старшенький продолжает хорохориться. Взвигнув, я забралась к нему на колени и уже тряслась, как заяц, стуча зубами.

— Может, ну его нахрен? Давай выключим? — тянется Матвей за пультом.

Пульт оказывается на другом конце дивана. Я вцепившись мертвой хваткой, не свожу глаз с экрана. Страшно до усрачки, но не могу оторваться от сюжета, думая как будут спасаться герои фильма.

— Рит, отцепись! — цедит напарник по просмотру.

— Нет! — прижимаюсь еще ближе... дай волю, на голову бы ему залезла.

— Я же не железный! — стонет парень, целуя меня в шею.

Вот тут я взвизнув, отталкиваю его... Какой там фильм! Таращимся друг на друга. Матвей тяжело дышит, зрачки расширены, как у вампира.

— Я в душ! — сбегает братец, громко захлопывая дверь.

Посидели, называется... как в том анекдоте:

— *Девушка, можно с вами посидеть немножко?*

— *Немножко не получится! Со мной сидят сразу и на всю голову!*

А мне куда? — хватаюсь за голову. Выключаю телевизор и тащусь в свою спальню. Пытаюсь заснуть. В голове такая карусель. С мыслью: ну и что такого? Он мне не родной брат, а физиологию никто не отменял — отключилась.

Утром на кухне записка: "Сделал бутерброды. В школу не опоздай! Вечером идем с пацанами в боулинг... Ты, с нами."

Шатрову позову, — решаю сразу же, жуя бутер с колбасой.

25. Боулинг

— Готова? — Матвей окидывает меня взглядом.

— Опять помаду проститутскую намазала, — морщится и тянется за салфетками.

Конечно знала, о такой его реакции. Но шанс позлить... и отвлечь от короткой юбки.

Танька идти со мной отказалась. Ее, видите ли Воронцов в кино позвал. Предательница! Наворчала Шагровой по телефону, чтобы руки не давала этому, ловеласу, распускать. Радостная такая, Танька, будто в лотерею выиграла... Не ценит она себя — примерно такие мысли крутила, пока ехали до спортивного клуба.

Ден и Кир заняли уже две дорожки. С ними были две девицы, в имена которых я не углублялась. Достаточно было посмотреть на кислую мину братца, чтобы понять — его эти дамочки раздражают. Может, он вообще к женскому полу относится предвзято? — проскользнула мысль.

Потягивая ананасовый сок из трубочки, вяло наблюдала за телодвижениями играющих.

— Че, мелкая не будет играть? — спросил Ден у брата, как будто он за меня решал.

— Рита! Иди, выбирай шар! — мне царственно разрешили поучаствовать.

Шумно втянула остатки сока и пошла, с улыбочкой. Короткая юбочка, чулки, футболка со спанч бобом — подготовилась... Какой взять? Конечно розовый! Подошла. Метнула. 10 из 10! Пожала плечами, типа это случайность. Справа послышались дружные хлопки в ладоши. Метнула туда взгляд и ошалела! В соседней зоне расположилась компания Макара. Перевожу взгляд на Матвея... каменное лицо братца ничего хорошего не предвещало.

— Королев! Вызываем тебя на поединок! — кричит прокурорский сынок.

Наши парни посовещались и решили принять вызов.

— Играем до двухсот очков! Сколько игроков вы выставляете? — принимает вызов Матвей.

— Какие ставки? — кто б сомневался в корысти соперника.

— Ящик Хендрика(бельгийское пиво)! — отвечает братан.

— Окей! Только давай еще обмен игроками! Выбирай первый, — подвох от Макара я уже поняла...

Матвей выбрал одного из парней макарской тусовки. Шатен в татухах спокойно подошел к компании и кивнул в знак приветствия.

— Ри-та! — Макар скалитися в тридцать два и показывает на меня рукой.

— Девчонки не участвуют! — ощетинился брат.

— Поздно! Такого условия не было! Я жду, Ри-та, — цедит синеглазый блонди.

Взяв свой розовый шар, обернулась:

— Удачи, брат! Она вам не помешает! — ухмылочка.

— Кррррошка, так бы и сожрал, — нагнулся ко мне Макар, урча как котяра.

— Не крошка, не детка и не малышка! Я — Рита! Запомнил? — фыркаю.

— Как скажешь, куколка, — заправляет мой локон за ушко.

В сторону братца даже смотреть боюсь. В затылок жгет лазером.

— Бей первая, сладкая, — продолжает мурчать Макар.

10 из 10! Со стороны соперников слышен скулеж. Дошло наконец! Макар сразу определил, по первому же броску, что я профи...

Когда счет был почти равный, последний бросок мог стать решающим. Команда Матвея выбивает девятку и счет становится 192 на 190. Последний бросок наш.

— Давай, красавица, подталкивает меня...

Кидаю взгляд на Матвея. У брата аж вены на шее вздулись. И дело совсем не в победе. Эту собаку подложу ему я! Надула шарик жвачки и лопнув, метнула, практически не глядя. За спиной радостный рев макарских телят. Выбила восьмерку и принесла победу "своей" команде.

Праздновать не подхожу. Сразу разворачиваюсь и иду в сторону серых бушующих глаз. Шаги даются с трудом.

— Ри-та! Ты лучшая! — несется вслед тихомировский голос.

Спокойно! Дальше падать не куда. Выгляжу виноватой и чувствую себя так же.

— От пива отказываюсь! Купи конфет МОЕЙ красавице! — решил добить Макарушка.

Все! Матвей себя не контролирует.

— Сука! Я тебе сейчас язык вырву! — Ден и Кир пытаются удержать брата, но тот стряхнул их довольно легко.

Черт! Кто-то нарывается сейчас на еще одну статью?! Решила перевести агрессию на себя.

— Матвей, ты совсем дурак? Он этого и добивается, — встала на пути, проверяя подсоединение языка к мозгу.

На меня опускаются глаза, горящие безумием. Беги, Ритка, беги — поступает сигнал.

26. Нельзя обижать хороших девочек... у них могут найтись плохие учителя

— Поехали, отвезу тебя домой, — мое персональное зло, по имени Матвей, тащил меня на парковку, как козу на привязи.

— Матвей! Ты мне руку сейчас вырвешь! — шиплю.

— Я б тебе голову оторвал, да не хочу руки марать! — братская любовь не знает границ.

Довез. Высадил у дома. Только фары его и видела. Одно хорошо... Сейчас перебешиваться будет несколько дней, можно отдохнуть от его закидонов.

В школе замучили тестами и контрольными. Главное, на психику это давит! Вон, на Шатровой лица уже нет! — кошусь на брюнетку, которая уткнулась в конспект. Элита что-то ржет на задних рядах... сосредоточится не могу.

— Вы задрали уже! Над чем угораете? Давайте вместе посмеемся? — гаркнула назад...

Танька втянула шею и побледнела еще больше. Что-то мне это совсем не нравится! Встаю и иду к воронцовской шайке.

— А вот эту гляньте! Ничего такой ракурс, да? — Стас показывает что-то в телефоне одноклассникам.

— Танька, да ты порнозвезда! — только и успевает сказать Димка, но встечается глазами со мной.

Компания притихла. Одним броском, отжимаю айфон у Воронцова и смотрю на экран. Мои глаза ползут вверх. Стас сжимается, чувствуя не ладное. Бью кулаком в челюсть так, что парень отлетает и врезается головой в шкаф. Замахиваюсь. Кидаю телефон в стену. Раздается оханье.

— Ритка ты нормальная? Ты дисплей разбила!

— Что табло вашему дружку разбила, не так ценно, да? — шиплю.

— Если ты, сучонок, все это не удалишь, я тебе глаза на жопу натяну! Понял? — Воронцов хлопает глазами и молчит.

— Слушай сюда, козлина! Я сделаю так, что тебе больше никто из девок не даст! Будут брезговать, даже рядом находиться. Будешь на кулак мозоли натирать до конца жизни! — вот это я загнула...

Мне хватило одной увиденной фотографии, чтобы понять, на что развел Таньку этот дебил. Ведь предупреждала...

Шатрова срывается с места и летит в коридор. Едритвою! Еще сделает с собой что-нибудь... Срываюсь за ней. Мечусь, в поисках, по лабиринтам школы. Забегаю в женский туалет. Всхлипы убедили, что Таня здесь.

— Тань! Открой, пожалуйста, — скоблюсь в кабинку.

— Уходи! — срывается на крик подруга. — Мне не надо твоей жалости!

— Я тебе не жалось предлагаю, — говорю тихо. — Поднимай свою задницу и умойся! Мы уничтожим его... хочешь?

Слышны еще всхлипы. Дверь открывается. Карие, покрасневшие глаза смотрят с удивлением.

— Как мы ему отомстим?

— Я сейчас заберу наши вещи и пойдем ко мне домой...

— А как же уроки? — вытирает глаза, размазывая тушь.

— Скажем, что ты заболела и я веду тебя домой отлежаться, — подмигиваю.

— Ну ладно...

— Жди, у раздевалки! Я мигом!

Захожу в класс, с невозмутимым лицом. Отпрашиваю нас у классухи, которая сейчас ведет урок истории. Молча скидываю все в сумки. Метнула взгляд на Воронцова. Правильно Стасик, что боишься...

Не тратьте слёз, они всего дороже,

Не слушайте напрасных обещаний:

Они не стоят ни мурашек вашей кожи,

Ни слов, ни чувств, ни смеха, ни рыданий.

Забудьте, девочки, и вас излечит время,

И не терзайте своё сердце плачем,

И не делите его щедро с теми,

Для кого чувства ваши ничего не значат.

Не обижайте девочек и знайте,

Что сердце их — хрусталь, ему легко разбиться!

Любите девочек, с сердечком не играйте,

Иначе оно в камень превратится!

— Рит, может не надо? Вон, Синицына, в прошлом году... и ничего, пережила...

Я так и застыла, с открытым ртом. Придя в себя, зашипела:

— То есть им можно вытирать о вас ноги, убивать веру в нормальные отношения! Да? А вы, такие, отряхнулись и: 12.30 по московскому времени! Все нормально?! Потом всю жизнь быть обиженками...

— Откуда ты знаешь, какого это? — надулась Шатрова.

Знаю — мысленно произнесла. Со мной так поступил красавчик, когда я была на первом курсе института. Красиво ухаживал, цветы дарил. Веришь, что становишься для него единственной и неповторимой, переставая слушать советы окружающих и внутренний сигнал интуиции... Да, я тогда с такой интуицией, в какой руке арбуз бы не угадала... Слепла, оглохла, отупела. Не мне сейчас осуждать Таню. Просто знаю результат. Переродившись в стерву, сама начинаешь идти по головам, не веря ни в черта, ни в Бога.

Потеря веры в людей и добро — вот, что самое паскудное. Мне не кому было подсказать и помочь. А у Таньки есть я — смотрю на брюнетку.

Мы заказали пиццу и с заранее купленным пивом, строили наполеоновские планы. Танюха оживилась и подключилась к процессу. Глаза горят. Мы уже ржем над самыми безумными вариантами мщения.

Мсть должна быть красивой! Для этого надо набраться терпения. Действуйте, и как в китайской поговорке, ждите на берегу реки «труп» своего обидчика.

— Тань! Скажи, у него есть какие-то недостатки? Может тебя что-то смутило в его поведении? Вспоминай!

А ведь это идея! Указать на умственные или физические недостатки! Развести мы его решили в сети. Завели фейковую страницу красоты. Осталось ждать удобного момента.

В школе нас не трогали. Воронцов даже за сломанный телефон счет не выставил. Решив, что Королева — сумасшедшая и с ней лучше не связываться, обходили нас стороной. Фото Стас действительно удалил. И когда он уже расслабился... выслали первый "привет". Ключнул. Слюной залил всю переписку, после пары откровенных фото.

Обнадежить! Пусть размечтается. Когда Воронцов засыпал просьбами: "когда уже увидимся", мы сняли номер в гостинице.

"Раздешься прямо у входа" — посылаем смс.

"Разделся!"

Мы стоим, с Шатровой, за углом, в коридоре.

"На кровати наручники. Пристегнись"

"Сейчас! Буду ждать свою кошечку!"

Выждали какое-то время, понимая, что чем бы он там, пристегнутый, написал... Крадучись, заходим. Первое, что делаем: собираем его вещи. Я выбегаю с ними в коридор, открываю окно и выбрасываю на улицу.

— Какой затейник! Смотри, Тань! — снимаем на телефон голого и пристегнутого Воронцова.

Парень начинает верещать и дергаться.

— Поубиваю, сучки! — орет ловелас.

— М.дя, чем ты собрался убивать? Этим стручком? — начинаю ржать.

— Тааань! Неси ножницы, подравняем! — Стас в ужасе застыл.

— У меня только пилочка маникюрная, — расстроилась Шатрова, надув губки.

— Ээээ! Не надо! Может, договоримся? — скулит одноклассник.

— Повторяй за мной! — говорю — Я, козлина вонючая!

— Говори! — шиплю.

Воронцов повторяет...

— Недостоин, даже землю целовать под ногами девушек, которых обманул..., - диктую дальше.

Много чего наговорил на камеру. Танька совсем разошлась и разрисовала его помадой. Через час мы все выложили в сеть.

28. Стервы в законе

Класс встречал тишиной. Воронцов на занятия не пришел ни сегодня, ни на следующий день. Из третьих рук мы узнали, что его освободила, к вечеру, горничная. История дошла до Матильды и руководства школы.

— Ладно, Королева... а ты, Шатрова?! Совсем от тебя не ожидали, — шипит директриса.

Танька держится спокойно, накручивая на палец локон волос. Я чавкаю жвачку и рассматриваю узоры на паркете.

— С чего вы, Ираида Степановна, взяли, что это были мы? — закидываю удочку.

— Воронцов молчит, но мы провели свое расследование! Это видео, с нашим учеником, не могли проигнорировать! Рита, ты хоть понимаешь, чем это вам грозит? — продолжает отчитывать.

— Не понимаю о чем вы, — ухожу в несознанку.

— Ты хоть, Татьяна, скажи, за что вы так с ним? Стасу потом понадобилась помощь психолога! — давит на совесть.

Ее слова имеют обратный эффект. Танька начинает заводиться. Я пинаю ее под столом, чтобы заткнулась... Шатрову колотит в ярости. Я лезу вперед, чтобы она не наговорила лишнего.

— Ираида Степановна! Презумпцию невиновности никто не отменял! Нас там не было и точка!

— Королева! Я вызвала в школу твоего отца, — ошарашивает новостью.

Мы, с Танькой, переглядываемся. Раздается стук в двери.

— Можно? — раздается голос папеньки.

— Проходите, Георгий Иванович! — указывает на свободный стул рядом со мной.

— У нас ЧП, с участием вашей дочери! Просто не знаю что и делать, — разводит руками очкастая.

— Что она натворила? — прочищает горло гоблин и косится на меня.

— Вот! Полюбуйтесь! — дает смартфон, нажимая на кнопку воспроизводства видео.

Батя смотрит, вытаращив и без того большие глаза.

— Пап, он хотел меня обесчестить, — выдаю елейным голосом...

У гоблина выпал телефон из рук. Директриса зависла. Дальше произошло то, что я от папеньки не ожидала!

— Да, я его в порошок сотру! Мою дочь..., - орет, покрасневшись.

— Он тронул тебя? К врачу пойдём? — фигею от его заботы.

— Воронцов тронул меня, — подает голос Танька и я окончательно роняю челюсть.

— И ее хотел! Другие девочки тоже могут подтвердить, — продолжает Шатрова.

Директриса вытирает пот со лба, понимая, что если это раздуть — мало никому не покажется.

— Девочки, выйдите! Мы, с папой Риты поговорим, — голос Ираиды уже не такой боевой.

— Рита! Дождись меня в коридоре! — басит Королев-старший.

Подпираю школьную стену. Таньку отослала в класс. Георгий выходит злой.

— Если у тебя проблемы, могла бы и мне сказать! Не чужие ведь люди, — сбавляет тон.

Снег сегодня выпадет или камни с неба посыплются.

— Поехали домой! Я тебя отпросил. Там и поговорим.

— Сейчас, рюкзак возьму, — топаю в класс.

По дороге кручу в голове, что это с ним. Отчего такая забота? По дороге гоблин звонит Матвею и кратко говорит, что у меня проблемы, надо подъехать домой.

— Ну! Рассказывай! — две пары серых глаз меня буравят.

Выдала краткое содержание, что Воронцов портит девок на спор, а потом хвастается этим...

— Тебя трогал? — брат сжал кулаки.

— Приглашал несколько раз на свидание, но я не ходила, — пожимаю плечами.

— Прикольно... мне даже его жаль, — хмыкнул Матвей. — Наша стерва, кого хочешь доведет.

— Не заигрывайся, детка. У Воронцова родители так просто это не оставят! — гоблин решил просветить о возможностях властимущих семей нашего города.

Хм. Очень интересно! Надуваю пузырь жвачки и гуглю в телефоне про воронцовский клан.

— Перестань жевать и не отвлекайся, когда я с тобой разговариваю! — папенька тянет лапку к моему айфону.

Остановила одним взглядом. Правильно! Не нужно будить во мне зверя. Обстановку разрядил звонок Синичкиной.

— Рит! У нас намечен концерт ко Дню единства. В общем, я тебя записала. Ты ведь пела в том году, помнишь? — я чуть жвачку не проглотила.

— Свет, не делала бы это... от греха подальше, — предупреждаю.

Но староста, выдав информацию, просто отключилась от связи. Ой, зря... Репертуар у меня тот еще!

Так, о чем мы? Папенька сдrefил перед чьими-то возможностями. Перевожу взгляд на Матвея. Интересно, урыл бы он Стасика, если бы... а вот "если бы" — не катило совсем. Губастый Стас не привлекал меня от слова "совсем". Ладно, пляшем дальше.

— Матвей, отвезешь меня? — отпиваю кофе.

Братан кивает, продолжая так же втыкать в телефон. Замечательно сидим! Разговоры разговариваем... Папенька повздыхал и тоже уткнулся в планшет.

— Готова? Поехали! — срывается Мотя. Я аж вздрогнула, от неожиданности.

— Отец прав! Прекрати искать себе приключения на жопу, — решил еще и этот повоспитывать.

— Да, я не ищу... они сами, — пожимаю плечами.

— Закончи школу, бестолочь! — кричит мне вслед, когда я выпрыгнула из машины.

Это он конечно прав. Без бумажки — ты никто, даже если у тебя за плечами школа жизни. Не прошло и двух месяцев, как я отбила себе право самостоятельности и смогла постоять за себя.

Набиваю на сайте школы прошлый концерт и смотрю, как Ритка поет "С чего начинается Родина". Не плохой голос. Марго могла только пьяным голосом что-то воспроизводить так, что все собаки в округе подвывали. Для таких попыток соседям был где-то микрофон к караоке. Нашла! — радостно взвизгнула и пошла подключаться к плазме.

Перепев все блатные-хороводные, остановилась на своем выборе!

30. Межклассовая борьба

Ценить того, с кем ни к чему маскиЯ взвыл бы сам, но пустота в глазном с*судеВся наша жизнь, это как на глазах, с повязкойЗемля и небо, время и люди...

Допеваю песню "Прости" группы Антиреспект. Улыбаемся и машем... кланяюсь и под "убивающий" взгляд директрисы, пячусь со сцены. Ну, что не так то?! Даже без мата! Какое-то начальство из образования в зале? Танька тычет мне на мужика в деловом костюме, который все галстук свой поправляет.

— Королева! — разносится по коридору.

Рит, спокойно! Ты маленькая, невинная девочка... бантика только не хватает. Оборачиваюсь. Ираида манит пальчиком. Рядом стоит этот дядечка и рассматривает меня, как неведомую зверюшку.

— Вот, Константин Федорович, наши таланты, — цедит Степановна.

— Это же моя любимая песня! Как угадали..., - вводит в ступор начальник.

Ээээ. Кошусь на директрису. У той нервный тик. Видимо, разбор полетов отменяется и Рита сегодня — молодец... на грамоту напела.

— Пойдемте, я вам обновленный компьютерный класс покажу, — тянет руководство за собой Ираида, кидая на меня взгляд: "смойся с глаз".

Так я понятливая. Шмыганула быстро в класс.

— Скучно, — тянет Шатрова, лениво покачивая ногой.

Элита вздрагивает. Когда Таньке скучно, она начинает творить всякую дичь. Где та скромная и уравновешанная Шатрова, которую мы раньше знали? Стасик перевелся в другой класс. Когда мы появляемся на горизонте, старается слиться с окружающей средой. Теперь за него, в нашем классе, огребают его дружок, Дима Пестов.

— Пистон, я не поняла?! Ты на мои ноги пялишься? — началось...

Сейчас будет светопреставление.

— Да, кому ты нужна..., - буркнул Димыч и сделал вид, что в окне много чего интересного.

Ему бы сейчас в тубик сбиться и молчать. Танька соскакивает и торнадом, оказывается рядом с потенциальным инвалидом.

— "Кому ты нужен?! " — я высеку на твоём надгробии! — шипит тигрица.

— Рита, угомони припадочную! — пытается отодрать руку брюнетки от своих волос.

Грустно наблюдаю за братьями по разуму. Гормональный передоз в действии. Им бы на свидания ходить, жизни радоваться... планы строить. Пока я провалилась в самоанализ, борьба вступила в активную фазу. Танька лупила одноклассника учебником литературы, совсем не литературно выражаясь. Пестов отбивался, как мог, выставив перед собой стул в качестве защиты.

— Тааань! — рывкаю на всю катушку. — Давай, сегодня, без кровопролитья!

Мой голос действует на подругу отрезвляюще. Бестия фыркнула:

— Скажи спасибо, Ритке, — возвращается на исходную позицию.

Я кидая на Пестова взгляд: "заткнись, дурак"...

— Танька, ты красивая в гневе, — доносится почти шепотом...

Шатрова дернулась и обернулась. Пестов так и стоял со стулом в руках, явно боясь, что снова кинется.

— Издеваешься? — рык.

— Нет, — мотает головой.

— Пошел нахрен! — довольный голос и покрасневшие щеки Танюхи ее сдали.

Жизненный опыт — это когда уже видишь ручку грабель, но не успеваешь оценить её длину. Я хмыкнула, но промолчала. Вдруг, у Димки действительно есть интерес и наша фурия успокоится? Надо с Пестовым перетереть его намерения.

31. Предновогоднее

Самый лёгкий способ заставить окружающих вас ненавидеть: 1. Начать говорить правду. 2. Чаше. 3. Каждому.

— Пестов, ты рукожопый? — ору на него, когда уже вторая игрушка падает с новогодней елки и разбивается.

Четверых, из нашего класса, подрядили, чтобы украсить в спортзале елку к новогодним торжествам. Танька хихикает. Я вздыхаю и заметаю очередной наш "косяк" в пакет, отношу его подальше и прячу за лавкой. Ираида шкуру спустит за такое. Новогодние шары большие, красивые и наверняка дорогие.

— Рит, ты в чем пойдешь на новогодний вечер? — интересуется Шатрова.

— В себе пойду, — ворчу.

— А я в том, красном платье. Помнишь, мы на днях по магазинам шарились?

Еще б я не помнила! Все мозги мне выдолбила, какое платье лучше:

— Таня! — стону на третьем часу примерки, развалившись на софе — меня уже тошнит от этих тряпок.

— Правда, ведь мне лучше это красненькое, чем то, черное? — крутится рядом, будто редбула накатила и ей все нипочем.

— Бери красное! — рычу. — Как раз год Быка! Будешь бесить всех, разом.

Пока одноклассники продолжали украшать зал, решила вынести битые стекла на мусорку. В школе уже никого, нас ведь после уроков оставили. Накинув курточку, топаю к выходу.

— Вот ты и попалась, змея, — раздается за пять метров до двери.

Оборачиваюсь и вижу Воронцова, и еще двоих парней. В руках Стаса бита. Пакет из моих рук сам выпал. Сжимаю в кармане куртки телефон и мотаю головой, что не надо...

— Боишься, сучка, — шипит Стас.

Окружают, отрезая пути к отступлению. Да, я бы и попыталась, не успела.

— Помо..., - мне закрывают рот рукой и схватив с двух сторон, тащат к раздевалкам.

Скулю. Дрыгаюсь. Кусаю чью-то руку. Получаю удар по голове. Боль. Шум в ушах. Обмякла. Пусть думают, что вырубил.

— Ты ее не убил? — взволнованный голос одного.

— Че с ней будет? Тащим к запасному выходу и в багажник! — командует Воронцов.

Божечки! Порешить что ли собрались? Я не согласна умирать! Чувствую, как холод обжег кожу. Меня, как мешок, закидывают в багажник авто. Сверху захлопывается крышка. Машина приходит в движение. Слышатся отдаленно голоса.

В кармане начинает вибрировать телефон. Нашарив, вытаскиваю ближе к лицу. Наживает кто-то с незнакомого номера.

— Да, — хриплю.

— Рит, это Макар, помнишь меня? Что у тебя с голосом?

— Помоги мне! Меня похитили! Сообщи брату, пожалуйста, — трясуться не только руки, меня всю колошматит от боли и страха.

— Ты где, малышка? — в голосе сталь.

— В багажнике. Вывезли из школы. Это Стас Воронцов, — пытаюсь выговаривать не громко, но так чтобы меня поняли.

— Телефон не выключай. Ничего не бойся! Держись, девочка! — отключается.

Выдохнула. По щекам катятся слезы. Устало кладу голову на согнутый локоть. Гул в ушах не проходит. Похоже, все мозги мне стрясли.

32. Больница- 2

МАТВЕЙ

Входящий от Макара. К чему бы это? Холодею, от полученной информации. Хватаю ключи от машины и срываюсь с места. По дороге пытаюсь осмыслить... Риту похитил бывший одноклассник. Была погоня. Авария. Седьмая больница. Снова больница, которую она так ненавидит. Бедовая девчонка. Второй раз за год на грани жизни и смерти.

— Где она? — хватаю Макара за грудки.

— Тише ты, бешенный! — отталкивает меня одной рукой, вторую прижимает к себе, согнув в локте.

— Кровь ей отдал. Даже странно... четвертая отрицательная. Звезды что ли сошлись? — блондин бледен.

Присаживается и закрывает глаза.

— Что случилось, давай подробней? — присаживаюсь рядом.

— Позвонил ей, хотел на новогодние куда-нибудь пригласить... А она мне: меня похитили, помоги... Этот, одноклассник ее, с дружками, огрели битой по голове и в багажник. По сотовому ее и вычислили. Я отцу позвонил, а тот всех на уши поднял. Стали их загонять, эти отморозки на встречу вылетели. Все живы, — поворачивается ко мне.

— Как она?

— Говорят, стабильно тяжелая, — криво улыбается.

— Спасибо тебе, — хриплю.

— Слушай, забудь о нашей договоренности. Рита пусть живет, как хочет. Мы, вроде, теперь кровники с ней, — удивляет.

— Ты же теперь, для нее, рыцарь в доспехах... даже не воспользуешься? — иронизирую, зная этого сукиного сына, который ничего не делает просто так.

— Знаешь, взял ее сегодня на руки. Такая маленькая, почти воздушная... в крови вся. У меня чуть сердце не выпрыгнуло.

— Рита, моя дочь и твоя сестра, — раздается голос Тихомирова-старшего.

Мы вылупились на прокурора.

— Мой грех, признаю, — седой мужик садится рядом, сцепив руки в замок. — Поэтому, ей подошла твоя кровь, сын.

— И давно ты знаешь? — голос Макара звенит.

— Всегда знал..., - отвечает Тихомиров.

— Твою мать! — Макар запускает руку в светлые волосы.

Мы думаем об одном и том же. Если бы не эта авария, не известно, во что бы вылилось. Теперь понятно, что и мой отец знал... знал и гнобил девчонку. А в чем ее вина? В том, что ложь кругом...

РИТА.

Жива — уже праздник! Дежавю. Капельницы, писк аппарата. Не хватает только гоблина... Зря вспомнила! Какой-то смутно знакомый мужик, сидит на кушетке и внимательно за мной наблюдает. Мне б заржать. Кто я сегодня?

— Рита, — зовет мужчина...

Слава Богу! Я снова Рита! Вдруг, боженька решил все переиграть и в новое тело меня закинул. Можно выдохнуть. Легенда та же.

— Вы кто? — узнаю хриплый Риткин голос.

— Ты только не волнуйся...

Мужик, ты debil? Сейчас страшно стало до чертиков. Я тут снова из nirваны, а мне чужеродное тело: не волнуйся... Сжимаю одеяло руками, в горле сахара.

— Рит, я твой отец, — выдает новый папенька.

Приглядываюсь. Светлые волосы с сединой, голубые глаза. Ешкин кот! Да, это же прокурор Тихомиров! Вспомнила фотографию. Вот, с кем Риткина мама сгульнула... Это что же получается? Перевожу взгляд на открывающиеся двери. В дверях стоит Макар и пялится своими синющими глазами. Как все сложно! А можно мне другой сценарий, попроще? — стону, закрывая глаза. Я еще с той семейкой не разгребла, а у меня уже новая.

Марга-Рита, спокойно! Может, в окно? Блин, пятый этаж. Из коридора голоса... мягко говоря, на повышенных тонах. Сцепились Королев и Тихомиров. Гоблин и новый папенька орут друг на друга, на чем свет стоит, не стесняясь в выражениях.

— Я ее воспитывал! Хренали ты появился через восемнадцать лет? Рита — моя дочь! — упирается Королев.

Молодец! Давай, гоблин, я в тебя верю! — кошусь на двери.

— Она взрослая уже, ей решать! Я не приближался потому, что слово дал! Моя дочь нуждается в помощи! Не оставлю ее, слышишь!

О, как! Пожалуй, очко в пользу прокурора.

— Пошел нах@й! За своими детьми следи! — не ожидала такой прыти от воспитателя.

— Королев, сука! По хорошему прошу, отойди! — слышны уже звуки потасовки, грохот.

Откидываю одеяло. Пошатываясь, иду к двери. М.да, картина маслом! Тихомиров навалился и душит гоблина на полу. Королев красный, пытит и пытается вырваться. Силы не равны. Прокурор комплекцией крупнее.

— Пап! — слышу тонкий свой писк.

Оба поворачиваются ко мне. Стою растрепанная, в длинной ночнушке, босиком, на привидение похожа.

— Ты зачем встала, доча? Быстро в кровать! Простудишься! — выдает первый отец — Королев.

— Малыш, врача позвать? Хочешь чего-то? — Тихомиров отпустил батю и тоже включил заботу.

— Значит так, папаша! Хватит устраивать бои без правил у меня под дверью! А хочу я чай горячий и сладкий, с булочкой! — прикрываю дверь и шлепаю обратно, на койку.

Через пятнадцать минут у меня был чай, с выпечкой и четыре глаза, следящих, как я все это поглощаю. Кинула взгляд на гоблина. Возможно, он действительно любит Ритку, по-своему. Большой любовью-ненавистью. Сейчас Тихомиров это пытается оспорить. Перевожу взгляд на второго.

По идее, мог бы промолчать и сделать вид, что меня нет. Ему, похоже, не все равно.

— Я хочу поговорить с Игорем Тихомировым... наедине, — добавляю, глядя на Королева-старшего.

Гоблин хмурится и потирает лысую голову. Кидает ненавистный взгляд на прокурора.

— Ты лишил меня жены, а теперь еще и до дочери добрался! — вылетает, громко хлопая дверьми.

Спокойствие дается Тихомирову не легко. С таким лицом он приговоры выносит...

— Рит, я любил твою маму, — вздыхает. — Женат был. Думал, поболит и пройдет. А как потерял ее — не живу. Все стает в этой жизни не важным. Прости, я даже о тебе не думал тогда... просто накрыло с головой. Жена от безразличия ушла. Остались только дети. Но и тут я плохой отец, — сжимает кулаки.

— Эта авария, как щелчок по носу... Я ведь мог потерять и тебя тоже, — Тихомиров встает и приблизившись, берет меня за руку. — Маленькая моя, прости меня, — в глазах мольба.

Ешки-матрешки! Даже меня пробило. Накрыла сверху его руку своей.

— Хорошо, давай попробуем... Как мне тебя называть? — прикусила губу.

— Я отец тебе, Рита. Зови папой, — такие же голубые глаза, как у меня ждут ответа.

Согласно киваю. Устало откидываюсь на подушку. Через два дня Новый год. Проведу я его здесь, в больнице.

— Пап, я мороженое люблю, клубничное. Принеси на Новый год...

Не слышу уже ответа, проваливаясь в сон. Чувствую, держашую меня руку, а вместе с ней защиту и спокойствие.

34. Посетители

— Давай сюда, быстрее! — отвлекаюсь от электронной книги, читаемой в телефоне на двери, за которыми слышно пыхтение.

Из проема двери показывается Танькина мордаха.

— Она здесь! — оборачивается, шепча кому-то.

В мою палату вваливаются Шатрова, Сеницына и Пестов. Откладываю телефон, вылипившись на одноклассников.

— Вы как сюда пробрались? — вопрос риторический.

Хитрое лицо Шатровой и испуганные два других — говорят, кто все это затеял. Димка Пестов прислонился спиной к двери, подпирая, чтобы никто не зашел. Девочки, щелестя большим пакетом, двинулись ко мне.

— Ритка! Живая, стервь! — радуется подруга.

— Вашими молитвами, — хмыкаю.

Нет, я правда рада их видеть, но смущает присутствие Пестова. Поняв мой взгляд, Светка Сеницына, выдала:

— Дима не знал, что затеял Воронцов... Правда, Рит, не знал.

Одноклассник прочищает горло:

— Королева, ты можешь думать, что хочешь, но если бы я знал, то помешал. У Стаса совсем крыша поехала...

— Ну, рассказывайте! У меня тут полный информационный вакуум. Все боятся мою нежную психику травмировать, — тянусь к пакету, чего принесли проверить.

Я сейчас, как дите малое "че купил?", встречающее у входа. Порывшись, обнаруживаю яблоки, апельсины, сок, конфеты и целый блок жвачек "love is". Восторженно вытаскиваю коробку:

— Ребят! Круто! — мне нравится, что там ассорти, с разными вкусами.

Чувствую себя ребенком. Распечатываю одну и жмурясь, закидываю в рот. Яблочная сладость растекается по рецепторам.

— Покажи, что у тебя? — Танька тянется почитать вкладыш с "предсказанием".

"Любовь — это не терять времени даром"...

Что верно, то верно. Время — самый ценный ресурс. Нужно успевать жить, что-то делать полезное и к чему-то стремиться.

— Угощайтесь, — раскрываю благосклонно пакет и показываю на завалы всякой вкуснятины на столике.

Самое ценное — блок жвачки, пытаюсь спрятать в тумбочке. Наклоняюсь и моя распашонка спадает, оголяя плечо.

— Пестов! Глаза свои бестыжие убрал! — рычит Танька.

Не понятно за кого она больше волнуется: за мою честь или глаза Димкины. Чувствуется, что между этими двумя что-то происходит.

— Рит, в школе только про тебя и говорят, — отвлекает Света. — Говорят, Воронцов под домашним арестом. Сейчас идет битва их адвоката с прокурорскими. Но все идет к тому, что Стас сядет. Ему шьют похищение и тяжкие телесные, повлекшие вред здоровью. Суммы компенсации говорят уже заоблачные. Это даже странно, что связи богатенького папы Воронцову не помогают.

М.да. Отец вгрызся так, что вой стоит. Лично Тихомиров снимал у меня показания, в присутствии следователя и еще двоих прокурорских. Ко мне вообще никого не подпускают. То и удивительно, что ребята пробрались.

— Эта скотина заслуживает расстрела, — глаза Таньки горят мщением, даже Пестова передернуло.

— Не понял?! — рычит Макар, который рывком открыл двери.

Димка, подпиравший двери отлетел и бухнулся на четвереньки.

— Ой, — пискнула Сеницына.

Танька подбежала к Пестову, закрывая его собой... у меня аж челюсть отпала.

— Я спрашиваю, какого хрена вы здесь забыли?! — Макар реально может до заикания довести.

— Не трогай моих друзей! — у меня прорезался голос.

— Мы уже уходим, да ребят?! — Светка, машет руками, что пора валить.

Одноклассники пытаются просочиться мимо брата.

— Стоять! — на плечо Димки ложится рука.

Пестов замер и беспомощно обернулся на меня.

— Макараааа! Отпусти их! — кидаю в Тихомирова апельсином.

Этот, "Рембо", ловит свободной рукой "снаряд" на лету.

— Брысь, пока я добрый! — отталкивает от себя парня в сторону двери. — Чтобы больше здесь не видел!

Закрывает за моими посетителями двери и подходит ко мне. Наклоняется... нос к носу.

— Ты, малая, слишком доверчива!

Нихренасе, заявление! Еще один заботливый братец на мою голову?

35. Новый год

Сволочи! Куда столько сладкого натащили? Запихиваю в себя кусок торта, который уже не лезет. Жалко же, что все пропадет — оглядываюсь. Надо мед. персоналу раздать. До Нового года два часа. Пойти, хоть людей встретить. Накинув халат и одев мягкие тапочки-зайцы, взяла оставшийся торт и пошла искать себе компанию. В коридоре никого. Повернулась на звук гудящего лифта.

— Вон она! — пьяно хихикая на меня указывает Макар.

Застыла. Вот уж кого не ожидала увидеть вместе! Братишки уже нагулявшиеся, лыбясь, шуруют ко мне. Как их охрана пропустила? Часы приемные давно закончились.

— Зайка нас встречает, с тортом! — одобрительно хрюкает Матвей.

— Одевайся, мы тебя похищаем! — заявляет синеглазая пьянь.

Перевожу взгляд с одного на другого... адекватного поведения точно ждать не приходится, эти двое под приличным градусом.

— А вот и карета для принцессы! — Матвей катит инвалидное кресло, которое прихватил у соседней палаты.

— Так нельзя! — пытаюсь вразумить хулиганов.

— Торт мне, а ты иди одевайся! — Макар забирает десерт и отламывая прямо рукой кусок, запихивает в рот.

— И куда мы собрались? — складываю руки.

— Покатаемся! — отвечают, жуя мой торт два проглота.

— Вы ж пьяные! — шиплю.

— А мы тебя за руль посадим! — облизав палец, Макар указал им на меня.

— Вы нормальные вообще? — вопрос чисто философский.

— Давай, малая! Штанишки, курточку, ботинки... Быстро, пока внизу не оклемались! — оглядывается на лифт Тихомиров.

— Вы что, охрану вырубили? — хватаюсь за горло.

— Напоили! — Матвей отодвигает полу кожаной куртки, из внутреннего кармана которой торчит бутылка коньяка.

Закатываю глаза, понимая, что спорить бесполезно. Переделалась в теплые вещи, натянула шапку...

— Давай, по лестнице! — подталкивают. Мы слышим, как кто-то уже поднимается на лифте.

Я будто ходить разучилась. Ноги еле слушаются. Спускаюсь с передышками, понимая, что сил у меня не так много.

— Давай, ты — за ноги, а я — подмышки! — решил ускорить процесс Королев.

Пискнуть не успела, как меня подхватили и тащут... Только бы не уронили! — молюсь. Может на помощь позвать? Добьют ведь своим энтузиазмом! Но на пути нам так никто и не встретился. Охранник сладко посапывал. Даже руку протянула, дернуть за волосы, пока меня мимо пронесли, но мне не позволили, рыкнув и отодвинув дальше. На стоянке закинули за руль машины.

— Ритуль, дави на газ! — мне кидает ключи Макар от своего джипа.

Холодными руками завожу зверя и чувствую, как адреналин начинает течь по венам. Я такая же чокнутая! Мне даже допинга не надо! — ухмыляюсь.

— Рита! Бля... я сейчас здесь все заблую! — Макар бледно-зеленого цвета, держится за живот.

Ну вот! Я только разогналась...

— Я те говорил, что она шумахер в юбке, — Матвей оборачивается на Тихомирова, сидящего сзади.

— Ритка, тормози! Он мне всю машину испоганит!

Торможу. Приехали же! Чего так орать? Ну, окажемся в аду... а там все свои — посмотрела на братишек. Гашу машину рядом с площадью, где елочка стоит. Парни буквально выползают из джипа. Макар присел прямо на мостовую, отдышаться. Закрыла дверь. Втянула морозный воздух. Хорошо как, Господи! — подняла лицо к падающим сверху снежинкам. Легкий морозец покалывает щеки.

Огромная ель переливаясь огнями, манит к себе.

— Я протрезвел даже, — ворчит Макарушка, поднимаясь с земли.

— Ритка, ты куда? — орет в спину Матвей, увидев, как я топаю к новогодней красавице.

— Деда Мороза искать, с подарками, — отвечаю, протянув руку к ветке ели.

Дерево было настоящим. Пахнуло хвоей. Перебираю пальчиками иголки, трогаю шары...

— Братан, мы долбоебы! — заявляет Макар. — Забыли нашей сестре подарок купить.

— Ты только за себя говори, — лыбится Матвей и идет открывать багажник.

Стою у елки, жду подарка. Королев достает из багажника велосипед и катит его ко мне. Вау! Спортивный, с разными скоростями! — восторженно таращусь на двухколесное чудо.

Не знаю, умела ли Рита кататься на велике, но Маргоша любила...

— Слушай, а она не свалится? — забеспокоился Тихомиров.

— Не свалюсь, — тяну ручонки к вело-красавчику.

На площади снег вычищен до плитки. Немного припорошило, но это не беда. Почетный круг вокруг елочки — вот оно, счастье! Остановилась рядом с Матвеем.

— Мооооть! Так приятно... нет слов! — чмокаю его в нос.

— У меня тоже есть подарок, — рядом раздаётся хриплый голос.

— Мы, все вместе, едем на Красную поляну, — ковыряется в своем телефоне Макар. — Отель уже забронировал, — показывает сайт.

— Думаешь, меня сейчас выпишут? — тяну с сомнением.

— Куда они денутся! — заявляет самоуверенно Макар.

— Внимание! До Нового года пять минут! — вгоняет в панику Королев. — Ща, шампанское достанем! — подрывается снова к машине.

— Три, два, один! Урааааа! — брызги шампанского попадают на нас, но мы этого не замечаем.

Бокалов нет. Бутылка идет по кругу.

— Один глоток, систер, мы тебе разрешаем! — бутылка оказывается у меня в руках. — Загадала желание? — серые глаза шарят по моему лицу.

Улыбаюсь и отпиваю, буквально смочив губы... О, да! Я загадала!

37. Курорт

Меня действительно выписали из больницы, для продолжения лечения на дому.

— Какой курорт? Вы, молодежь, совсем головой думать перестали? — по пути меня отчитывает Тихомиров-старший.

Папенька- намба ту, забрал из больницы и вез на мою квартиру.

— Отец, пусть Рита свежим воздухом подышит. Катать мы ее будем разве что на подъемнике, — оправдывается Макар, заговорчески подмигнув мне.

— Рита никуда не едет! — безапелляционно заявляет прокурор.

— Это мне решать, — встречаю в спор. — Я, девочка уже самостоятельная!

Самостоятельная собрала небольшую сумку. Порывшись на сайте Спортмастера, заказала горнолыжный костюм и ботинки. Кататься и правда не собираюсь, но чтобы не отличаться от остальных любителей горнолыжного отдыха... главное — жопка в тепле и удобно.

— Рита! Виолетта! Знакомьтесь! — братец представляет мне старшую сестру.

Блондинка, как и я, только с карими глазами, надув губки, нехотя здоровается. Ей больше интересен Матвей, который сдает наши сумки в багаж. Все эмоции написаны на лице... Виола, как похотливая кошка, облизывается на Королева. Ну, хоть у кого-то будет личная жизнь — пожимаю плечами.

— Девочки — налево! Мальчики — направо! — с грустью, понимаю, что номер у меня, с сестрицей, общий.

Виолетта тарахтела и жаловалась на "неудобства". Все не так, как она хочет... вороги лютые специально выдали халаты одинаково белые, когда она любит нежно-сиреневый. Кровать не достаточно широкая и мягкая... Заткнув уши наушниками, чтобы не послать ее лесом, устраиваюсь сама и разбираю вещи по полкам.

— Ты меня слышишь, вообще? — бесцеремонно, стервоза выдергивает один из моих звукопередатчиков.

— Что?! — рычу.

— Я хотела эту полку занять! — тычет маникюром на мои, уже разложенные вещи.

— Будешь верещать мне под ухо, побрею тебя ночью налысо! Шмотки твои развею с пятнадцатого этажа! Поняла?!

— Да, ты..., - Виола покраснела.

— Чокнутая! У меня и справка есть! — щелкаю перед ее носом пальцами.

Сестрица как-то сразу притихла, настороженно оглядываясь по сторонам, затем рванула к двери... Угу, жаловаться понеслась, коза.

— Лютуешь? — поинтересовался Матвей, когда мы встретились на первом этаже, в кафе.

— Она мне весь мозг вынесла, — шиплю, и кидаю взгляд на сестренку.

Та испуганно жметя к Макару и что-то шепчет ему на ухо.

— Девочки! Давайте жить мирно! — синеглазый стряхнул ноющую Виолу с себя.

— Кхы! — чуть не подавился Мотя, весело метнув взгляд в мою сторону. Явно он ставил на меня... Ну, спасибо, брат!

38. Савелий

Ехать сегодня на горнолыжку отказалась. Сказав, что поваляюсь в номере, помахала рукой вслед родственничкам.

К обеду спустилась на лифте. Чувствовала себя жутко голодной. Шведский стол радовал разнообразием. Накидав целую гору еды, пристроилась за столиком, у окна.

Вошедшие мужчины сразу приковывали взгляд всех, кто находился рядом. Красавчик, лет тридцати с двумя охранниками. Покрутив головой, он двинулся к моему столику. Черт! Есть же еще места! — недовольно рассматриваю мажора, который без разрешения, плюхнулся напротив.

Подняв бровь, он посмотрел на меня и на изобилие еды, перед моим носом: куда в тебя столько влазит?

— Обожрись и помру молодой! — выдаю и продолжаю чавкать, подъедаю салат, похожий на оливье.

— Савелий! — представляется богатая наглая морда.

Игнорю, поглощая свой обед.

— А тебя как зовут? — не выдерживает безразличия мужчина.

Внимательно рассматриваю индивидуума. Птичка высокого полета. Одни часы стоят, как моя квартира, в центре. Два цербера рядом внимательно следят за каждым шорохом... Шатен, с янтарно-карими глазами. Волевой подбородок, с легкой небритостью. Можно было сказать, что есть в нем налет интеллигентности...

Савелий.

— Мой папа-прокурор, не разрешает разговаривать с незнакомыми мужчинами! — фыркаю, что приходится сворачиваться побыстрее.

— Почему одна здесь? — спокойно спрашивает, явно фиксируя мое раздражение, от своего присутствия.

— Братья и сестрица ушли кататься, — нехотя отвечаю.

Понимаю, что он разводит меня на информацию о себе и пытается разговорить. Развлекать скучающего мажора я не собиралась и подрываюсь, чтобы встать. Передо мной вырастает один из битюков красавчика. Удивленно оборачиваюсь на продолжающего жрать мужчину.

— Слушай, я после последнего похищения контуженная, так что не жди от меня адекватных поступков, — шиплю, присаживаясь обратно.

— Расскажи! — в янтарных глазах сверкнул интерес.

Рассказываю не потому, что испугалась его охраны... не могу объяснить, почему. Савелий отложил прием пищи и скрестив руки, внимательно меня слушал. Мне приглянулась кисточка винограда, лежащая у него на тарелке. Раз мы такие собеседники, ему ж не жалко, да?! Тащу на себя, продолжая рассказывать. Взяла гроздь в руку и отщипываю по одной ягодке, закидывая в рот.

— Что ты ему сделала? Он же не просто так на это решился? — догадливый, гад.

Достаю телефон и нажав видео, поворачиваю к мажору экраном.

— Аха-ха-ха! — уже минуту пятнадцатую не унимается Савва, утирая слезы платком, который ему выдала охрана.

— Как же скучно я живу! Благодарю, за компанию! До вечера, на ужине... Как все-таки тебя зовут? — красавчик навис сверху, поднявшись.

— Рита, — цежу, понимая, что он не отстанет.

К вечеру явились уставшие и раздраженные братья... Видимо, Виолетты было слишком много. Увидев меня, сидящую в кофейне, рванули устроиться рядом.

— Ну, как? — откладывая телефон.

— Виола упала и все время ныла. Толком и не покатались, — ворчит Макар.

— А где она? — спрашиваю в надежде, что ее прикопали прямо там, в снегу.

— Отвезли в больницу. Ее до завтра оставили... рентген и все такое, — поясняют мне.

— Ты чем без нас занималась? — интересуется Матвей.

Набираю в легкие, чтобы ответить и замечаю вошедшего в кофейню Савелия.

— Рита! — помахал мне рукой красавчик и завернул к бариста, чтобы кофе себе заказать.

Меня жгут четыре сине-серых глаза. Матвей брякнул по столу кулаком, что моя чашка подпрыгнула.

— Мы тебя в номере закроем и ключи потеряем! — рычит Макар. — Это что за мужик?! — показывает на спину мажора.

— Э! Я тут все глаза выплакала, в вашем ожидании, — затынула, хлопнув ресницами. — Просто этот человек рядом обедал...

— "Просто человек", говоришь? — Матвей рассматривает Савелия, окруженного "людьми в черном".

39. Ночной Сочи

Прелюбопытную картину застаю вечером, спустившись на ужин. Братишки сидят за одним столом с Савелием и мирно... бухают?! — аж рот открыла.

— Если бы у меня была такая сестра — с карабином ходил! — заявляет мажор, махнув на меня рукой, в которой был бокал.

Эти, два балбеса, дружно кивают. Нет, ну совсем обнаглели! А где: Риточка, ты хочешь кушать? Все сама! — пошла добывать пропитание. Взяв творожную запеканку, фрукты и чай, присела, с краю.

У собутыльников темы интересные пошли... взаимоотношения полов.

— Рита! Уши закрыла! — заявляет Макар.

Округлила глаза. Совсем оскотинились! При мне обсуждать свои предпочтения в сексе и что им в "бабах" больше нравится. И с кем?! С первым встречным буржуем, который скорее всего, в этой жизни все уже испробовал... А вот это уже интересно! Ловлю далеко не пьяный взгляд на себе. И для чего, его светлость, споил моих оболтусов?

Оставив компанию продолжать веселье, пошла к лифту. Нажав кнопку, стою, жду. Пропустила выходящих из лифта и войдя, нажала свой этаж. Двери лифта уже смыкаются... чья-то лапа вклинивается. Напротив, хитро сверкая глазами стоит Савелий. Проскальзывает в кабину и быстро жмет кнопку на панели. Дверь закрывается. Сглатываю.

— Не бойсь! Солдат ребенка не обидит, — ухмыляется, видя, как я жмусь в угол.

— Что тебе от меня нужно? — шиплю.

— Впервые вижу женскую особь, которая от меня хочет избавиться! — заявляет наглец.

— Ты не ответил! Что тебе надо? На малолеток потянуло? — цежу каждое слово.

За "особь" — сочтемся! — мысленно даю обещание.

— Поехали, Сочи тебе покажу, — держит дистанцию, видя, что у меня активировался режим защиты.

— Аха, шас! Ты ради этого споил моих братьев, да?

— Малая, ты меня удивляешь, вот и все! Даже сейчас ты умнее своих старших... А я жутко люблю загадки, — склонился ближе, прищурился хищные глазки.

— Я с тобой никуда...

Перед носом появились ключи от Ягуара. Они покачивались маятником, перед глазами и ввели меня в транс. Мощный разряд пробил тело. У Маргоши была только одна страсть — дорогие красивые тачки!

— Я за ррулем! — выдаю такой рык, от которого Савва вздрагивает. Налету выхватываю связку ключей.

— Охренеть, — поежился, удивленно меня разглядывая.

Этот хмырь думал, что я начну хлопать в ладоши, как дурочка: да! покатай меня! Шас! Я сама кого хочешь укатаю, мальчик.

— Встречаемся у входа, — кидаю ему и выскакиваю из лифта, на своем этаже.

Одевшись снеговиком, в белый горнолыжный костюм, голубая шапка и шарфик. Мазнула блеском по губам. Я готова укрощать красивого зверя! Ягуара, конечно! А вы, что подумали?))))))

Окольными путями, пришлось спускаться по лестнице, чтобы не нарваться на пьяную братию. Рядом с красной красоткой меня уже ждал Савва. Божественный звук сигналки — музыка для моих ушей. Я провела рукой по обшивке и кожаному сидению и нежно опустила руки на руль. Это был как ритуал знакомства... Втянув ноздрями запах...

— Полетаем, — шепчу любовно, включая зажигание.

Зверь послушно урчит. Савелий, как замороженный смотрит на меня. А я дурею... Только дорога, послушный зверь и биты, рвущиеся из динамиков.

— Рита, это кайф! Ты чувствуешь? — хрипит рядом мажор, вдавившись в кресло...

Еще бы я не чувствую!

— Водитель спорткара! Прижмитесь к обочине! — вой полицейской сирены доносится сквозь дурман.

— Ритка, я сейчас кончу! Гони, твою мать! — Савву трясет от возбуждения, в глазах — бешеный огонь.

— Как скажешь, — хохотнула.

Мы оторвались от погони. Где-то далеко за городом. Трасса — серпантин. С одной стороны горы, с другой море. Я припарковалась на обочине и повернулась к буржую.

— Это было охуеть как классно! — хрипит мажор.

Я стою на краю обрыва раскинув руки и кричу: — Эй! В темноту ночи и бушующих волн. Савелий включил на фарах ближний свет и тоже вышел, встав рядом.

— Мы теперь нарушители! — толкаю его в бок.

- Заплачу любой штраф, пофигу, — говорит он вдыхая морской воздух и выдыхая облако пара.
- Ты ненормальная! Ты знаешь об этом? — тянет к себе, обхватив руку под локоть.
- Будешь приставать, вырву яйца, — обнимаю его и кладу голову на плечо.

Савелий уходил куда-то звонить. Мы грелись в машине и ждали, когда нас заберут. Ехать на "засветившейся" тачке было опасно. Провести ночь в полицейском участке не входило в наши планы. Мы разговаривали, делились впечатлениями и не думали о том, что будет завтра. Эта ночь только началась...

— Поедем в клуб! — заявил Савва.

— Да, мы прямо для клуба одеты! — фыркнула.

— Для этого клуба, нам и одежда не нужна, — хмыкнул красавчик.

— Не-не! Я в блядушник не поеду!

— Ты со мной и тебя никто не тронет... слово даю, — повернул мое лицо за подбородок. — Это водный клуб, с большим бассейном... что-то вроде пенной вечеринки, но в закрытом помещении. Верь мне. Сможешь?

— С доверием у меня не очень, — мотаю головой.

— Серый! — зовет он одного из приехавших охранников. — Видишь ее! Защищать даже от меня, понял?

— Так точно, Савелий Николаевич! — басит великан.

— У меня купальника с собой нет, — скулю.

— Трусешки надела? — поднял бровь.

Киваю, покраснев.

— Ну и все, — заканчивает переговоры.

— Скотина, — цежу тихо.

— Я все слышу, малая! — хохотнул прожигатель жизни.

Вроде человеку тридцатка уже, а ведет себя, как восемнадцатилетний пацан — кошусь на него.

— Что? — замечает мой изучающий взгляд.

— Тебя будто из резервации выпустили. Не нагулялся еще?

— В детстве все по закрытым школам. Такой же институт...

— Лучше бы в Суворовское училище сдали, — ворчу.

— Ты прикольная! Даже нудишь с остринкой, — подцепил мой светлый локон и давай его нюхать. — Клубника со сливками, — урчит.

— Отвали, гурман, — выдернула свою прядь и отвернулась к окну.

Ночной Сочи был прекрасен! Переливаясь огнями, манил окунуться с этот неоновый свет. Город не спит. По пути попадаются стаи загулявшей молодежи и целующиеся парочки. Летом, наверное, совсем шумно... Марго была здесь раньше. Но больше по работе и разным семинарам скакала, а ночами спала без задних ног. Вся жизнь мимо...

— Эй, ты там уснула? — меня выдергивает Савелий из раздумий. — Приехали, выходи! — мажор лично открыл мне двери машины.

Пароль что ли знают? Вижу как наша охрана шепнула охране при входе, кивнув в нашу сторону. Стражник согнулся в поклоне, показывая рукой, что можем проходить. Погуглить, кто такой Савелий — нащупала телефон в кармане.

В раздевалке для девочек рассматриваю себя в зеркало. Спортивный хлопковый комплект бежевого цвета. Лиф без застежек... хорошо, не прозрачные кружева! Затянула волосы в хвост резинкой и подмигнула миниатюрной блондинке в отражении.

Серый — мой охранник, ждал у входа. Как он в костюме, бедняжка? Здесь градусов за 35ть! Я шлепала босиком, оглядываясь по сторонам. Попадающие навстречу мужики лапали глазами... передернуло. За спиной Серого мне было спокойно. Одним взглядом он раскидывал встречных-поперечных.

— О! Малая, плюхайся к нам! — мажор, раскинув руки сидел в джакузи... ну как... большой такой джакузи, диаметром метров пять. "Мы" — были телки, в количестве три штуки и еще один мажор, с темно-медной гривой волос, захваченной в хвост.

Рита! Не пялиться! — даю себе установку и тщательно отвожу глаза от хорошо сложенных мужских торсов.

— Костян, знакомься... Это Рита — моя невеста! — одной лапой Савелий щупает задницу почти голой красотки, другой тычет в меня. Чуть не пизданулась со ступеньки...

41. Сочи-3

Мы говорим, как на двух иностранных языках! — прикрываю глаза, в которых горит бешенство.

— Давай просто, дружить? Что ты выдумал?!

— Не трепыхайся, малая! Я подожду, когда ты немного подрастешь... — янтарные глаза по-собственнически обводят мою фигуру.

Мозгами ты до меня не дорос, — хотелось съязвить.

— Тебе женщин мало? — машу рукой в сторону девчонок.

— Это всего лишь свободные отверстия, — от циничного заявления у меня что-то застряло в дыхательных путях.

— Говорю тебе "нет"! Ты слышишь? — бью по воде ладошкой.

— Твое "нет", как красная тряпка для него, — ухмыляется рыжий.

Савелий свалил "остыть" в душ с одной из красоток. Я тянула безалкогольный коктейль и дулась. Другие две дамочки хихикали, потягивались, предлагая себя Костяну. Рыжий лениво глотал вискарь.

— Что думаешь делать? — интересуется друган мажористый.

Я прищурившись, кинула взгляд на его серьгу в ухе.

— Вступлю в субкультуру и вопрос сам по себе отпадет. Зачем ему двинутая невеста?

— В ЭМки подашься? — прыснул в кулак.

— Нет, лучше в эти... ну которые ведут себя, будто у них три ходки...

— Из тебя ангелочек, пацанки не выйдет, — хмыкнул рыжий.

— Спорим?! — скалюсь.

Не успел Костик и рта раскрыть. Я — два пальца в рот и свистнула:

— Эй! Да, ты мырма сисястая! — тычу пальцем. — Дай музыку скачать!

— Что?! — девчонки застыли, хлопая глазами.

— Нам, с Костяном, для раскумара, музона четкого не хватает! Тащи свою мобилу, качать начнем.

— У меня в раздевалке телефон, — блеет брюнетка.

— Чо ты меня лечишь? Метнулась, резче! — рывкаю.

О, как красиво при беге задница волнами пошла...

— Серый, будь пацаном! Проследи, чтобы не сбежала, — говорю охраннику, который глаза на меня вытаращил.

— Ты! — берусь за вторую эскортницу, которая от страха готова уйти под воду. — Быстро, коня нарисовала!

— Кккакого коня? — бледнеет.

— Сивку-Бурку, бля!

Девчонка кивает и выползает из джакузи. Берет из своей сумочки помаду и начинает рисовать на напольной плитке, встав на колени.

— Bravo! — аплодирует мне Костян. — Теперь я тебе верю!

— А где все? — появляется женишок и хмурится от того, что мы только вдвоем, с рыжим, в купальне.

— Рита твоя, вошла в роль и уже всех дрессирует, — хохочет Костик.

— Быстро ты, — обращаюсь к Савелию. — Кто-то у нас скорострел, — уже тише, но была услышана.

Костя уже бьется в истерике, расплескав весь стакан вискаря... а вот Савве не смешно. На его лице явно написано, что сейчас кого-то топить будут.

— Я вообще молчу, — отвожу скромно глаза, прикусив язык.

— Понимаю, чем она тебя зацепила! — фычкает рыжий. — Меня за десять минут уела.

— Вот, телефон! — запыхавшись, тянет нам брюнетка свой мобильник.

— Нахрена нам твой телефон? — поднимает непонимающие глаза женишок.

— Качать! — прикусывает ботексную губу деваха.

Рыжий все-таки ушел под воду, пуская пузыри.

— Ррррита! — рычит обладатель янтарных глаз. — Что происходит?

— У меня готово! — верещит рисовательница коней.

— Я сейчас обоссусь, — похрюкивая, выползает Костян и дергаясь от смеха удаляется, держась за стенку.

— Стесняюсь спросить, что у тебя готово? — присел на бортик Савелий.

— Сивка-Бурка готов! — гордо отвечает... Вдали слышен уже протяжный всхлип Костяна.

Я пожимаю плечами, типа: я тут вообще мимо стою.

— Может, в отель... баиньки? — готова уже пустить слезу.

Что-то, с меня, на сегодня, приключений достаточно. Братишки хватятся, объясняй потом...

— Довела всех до безумия и баиньки? Как тебе спится то, после таких выходов? — выговаривает мне в машине мажор.

— Нормально мне спится! Я не покупаю себе людей для удовольствия и не делаю вид, что весь мир крутится вокруг меня! — шиплю.

Охранник Сергей прокашлялся...

— Тяжело тебе со мной будет, лучше оступись, — откинулась на спинку сидения и повернула голову в его сторону.

— Где я еще такую найду, — вздыхает мажор.

РИТА.

— Где ночью была? — спокойный голос обманчив.

Дрыхли мы до обеда и встретились с родственничками внизу. Виолетта кривила губы:

— Ой, а строила из себя святую невинность!

— Ты мне скажешь?! — Матвей схватил за руку и дернул на себя.

— Ты поосторожней с ней и так еле на ногах держится, — пытается его сдержать Макар.

Не успеваю среагировать, как звонкая пощечина откидывает меня назад. Я держусь за горящую щеку и смотрю прямо в глаза Матвею.

— Ты поднял руку на мой невесту! — раздается рык.

Вы думали, мальчик Матвей ужасен в гневе?! Представляю вам мистера — совершенное зло! Так гореть глаза могут только у демона преисподней. Охрана мажора напряглась.

— Никто не смеет трогать МОЕ! — чеканит монстр, в человеческом обличе.

— Стоп! — понимаю, что сейчас начнется черте что. Я встала между бесноватым и офигевшими от происходящего...

— Ты, со мной?! — Савелий протягивает руку.

— Рита, нет! — слышу голос Макара.

— Да, пошли вы все! — пачусь в сторону.

— Ненавижу! — кидаю взгляд полный боли на Матвея. Королев дергается, как от удара. По лицу проходит судорога понимания, что он натворил.

Кто знает, чем я думала, когда одним броском вырвала из кобуры охранника пистолет и направила его на присутствующих.

— Малыш, все хорошо! — пытается сделать шаг ко мне Савелий.

Я мотаю головой, чтобы не подходил.

— Пошли все нахрен! Вы мне не нужны, ясно?! Кто пойдет за мной получит пулю, — отступаю.

Всегда есть выбор. Я не обязана терпеть этих людей. Матвей никогда не поднимал на меня руку раньше... я помню. Один удар перечеркнул, все хорошее, что было во мне к нему. Сейчас он застыл статуей...

— Сереж, возьми! — я развернула ствол и протянула его охраннику.

— Моя девочка, — доносится в спину тихий голос Саввы. — Серый!

— Понял, босс...

Мне даже голову не надо поворачивать, чтобы определить, чье массивное тело опустилось со мной рядом в самолете.

— Сереж, я посплю немного, — устало закрываю глаза.

— Спи, Рита, я теперь всегда рядом....

САВЕЛИЙ.

В принципе, сейчас все устраивает. Смотрю на этих дебилов, которые сами дали мне козыри в руки. Девочка мне понравилась, очень. Искренняя, забавная. Внешность ангела с бесячим характером. Ударивший ее братан, сам в шоке от сделанного. Смотрит неверяще на свою руку. Я ведь еще тогда заметил... Так на сестру не смотрят. Парень потек при одном ее присутствии. И этот замах — ни что иное, как дикая ревность.

Сестрица-блондинка поправляет волосенки и ждуще заглядывает в глаза. Блядская натура. Сразу таких отсекаю, разовых.

— Обидишь ее — убью! — выдал синеглазый блондин. Единственный, кто вызвал легкое уважение.

— Значит так, семейка! Официально! Рита теперь — моя невеста. Убедительно прошу не мешаться под ногами, — обвожу всех взглядом.

Цепенеют. Чувствуют силу. Не таких ломал, как этот молодняк. У Ритки стержень титановый... не то, что у этих... За малую башку оторву. Подхожу вплотную к брату-брюнету.

— Сломать бы тебе руку, да пачкаться не хочу... И увидеть в глазах ее не хочу, то как она сейчас смотрела на тебя, — режу словами. Пацана корежит. — Ты ведь для нее умер теперь. Тоже почувствовал это? Такие не прощают.

Серый тенью проследовал за Ритой. Теперь она под охраной.

Кто бы мог подумать, что эта поездка так обернется? Фатальная встреча. Задолбался работать сутками, на износ. Отвлекаться уже не помогали ни шлюхи дорогие, ни выпивка. Вымотанным до дна — таким я сюда приехал. Раздражало все. Один толчок и меня прорвет... Маленькая блондинка с целым подносом еды привлекла внимание.

Не озиралась по сторонам, как это делают охотницы за богатыми мужичками, которых здесь было не мало. Твою ж мать! — подумал, когда она подняла на меня чистые голубые глаза, в которых блеснуло недовольство, что я нарушил ее пространство.

— Обожрись и помру молодой! — заявила пигалица.

Черт! Это что, ирония?! Она в открытую издевалась. Просчитала меня слету. Умна, хоть и блондинка... Все в ней аккуратно. Точеная фигурка, стройные ножки. Никогда на малолеток не тянуло... тут залип, как идиот.

После ее рассказа об однокласснике, во мне поднялось глубинное, ранее неведомое чувство... защитить, закрыть собой от всего жестокого мира. Я не знал, кто она мне теперь... нежность топила, при взгляде на это невинное создание со взглядом, будто она знает все в этой жизни. Диссонанс какой-то.

Поездка на Ягуаре вывернула всю душу наизнанку. Я забыл усталость... все отошло на задний план. Живым! — вот кем я себя ощутил. Хрен я ее отпущу теперь. Еще до клуба позвонил своей, теперь бывшей официальной подруге, чтобы манатки свои собирала. Пусть оставит все подарки себе. Анька — девка красивая, модель, найдет себе еще ухажера. А я больше не хотел быть без того, что заставляло мое сердце биться. Никогда слов на ветер не бросаю! Назвал Риту невестой... Только такого отношения она достойна. Служба безопасности все о девочке собрала через час, после завтрака.

А что она вытворяла в клубе?! Хулиганка мелкая. Я ведь хотел вывести ее на ревность, якобы уединился с этой... Костян сразу просек! Эскортницами я брезговал. Друг тогда захлеб пьяно твердил, какая Ритка классная... где такие водятся? Нигде, брат! — отвечаю. — Сам в афиге, что нашел.

43. Время розовых единорогов

Ври так, чтобы самой верилось! Нет, обычно я не делаю этого. Зачем врать, когда можно недоговаривать... Но есть редкие исключения, как сейчас, например.

— Рита, это что за амбал за тобой шатается? — Танька заглядывает на Серого, который аки медведь выделяется своей массой, среди бегающей школоты.

— Дядя мой. После инцидента с Воронцовым, родня решили присматривать за мной, — вижу, как Шатрова, понимающе кивает.

— Дядь Сереж! — Ору через площадку. — Я в два часа закончу!

Серж по-солдатски крутанулся на месте и зашагал в сторону парковки. Блинчиков ему вечером испеку... любит Серый домашние блины, со сметаной.

После уроков пришлось задержаться на пятнадцать минут и помочь Светке Синицыной с уборкой кабинета.

— Рита! — я подпрыгиваю от баящего ора.

Он так до инфаркта доведет! Но тут же остываю, вспомнив свою маму... Та тоже с балкона кричала меня и все Маргариты нашего района знали, что им пора идти домой.

— Дядя у тебя странный, — хмурится Светка. — На бандита похож.

Есть такое, особенно сейчас, когда он меня еще не нашел... рассекает, как танк толпу, цепляя взглядом каждого.

Впечатываюсь носом ему в грудь и пишу, что задержалась... извини, мол, засранку такую.

— Пошли домой, — кладет лапень на затылок и толкает к выходу.

Но самый абзац ждал меня дома... С неожиданным визитом, явился папочка-прокурор. Два атлета застыли напротив друг друга, оценивая противника. Серый потянулся к кобуре.

— Пап! Дядь Сереж! Знакомьтесь! — отодвигаю папеньку от двери и достаю ключи.

— Дочь, это кто?!

— Дядя мой! — вру дальше.

— Не понял?! Какой еще дядя? — начинает покрикивать начальственный отец.

— Который Сережа, — ставлю чайник, достаю яйца, молоко и муку.

Серый молчит в углу, сидя на табуретке.

— Пап, ты с чем блины любишь? — открываю холодильник.

— Мужик, ты кто? Фамилия, имя, отчество! — не унимается заботливый родитель.

— Котов Сергей Юрьевич, — рапортует моя охрана.

— Звание? — почуял батя служивого.

— Майор запаса.

Я уже быстро накидала стопку блинов... когда раздался звонок в дверь. Серый тормозит всех взглядом: "я сам" и идет открывать.

— Ну, где моя, малышка?!

У меня чашка выпадает из рук и разлетается на осколки. Его светлость, Савелий, улыбаясь в тридцать два, заходит с букетом белых лилий.

На лице прокурора шок. Он переводит тяжелый взгляд с цветущего женишка на меня.

— Рад познакомиться с отцом своей невесты! Савелий Нестеров, — протягивает руку.

Прокурор на автомате жмет...

— Значит, дядя и жених, — ох, не нравится мне выражение этих глаз, таких же голубых, как у меня.

— Давайте чай пить, — отвлекаю на себя. Так и хочется лягнуть мажора, за то что приперся не вовремя.

— Блинов напекла, хозяйюшка моя, — потирает руки, отдав букет мне.

— Рруки мыть! — указываю всем на дверь ванной.

Мужики, создав очередь, ушли с кухни. Успела поставить цветы в вазу, на окно. Замела осколки. Достала еще чашки, разлил кипятком.

Закончились посиделки распитием коньяка "за знакомство". Взгляд папеньки потеплел. Теперь Савелий — хороший мужик. И! Рита, не обижай парня! — чуть в осадок не выпала! Хитрая мажорская морда довольно щурится, как сытый котяра. Серому машу на них рукой: ну, ты это видел?! Спелась за моей спиной!

— Так, гвардия! Кому-то завтра рано вставать! — делаю намеки, что посещение закончено. Всем спасибо, все свободны. Выгналкиваю разгулявшихся за двери. Не квартира, а проходной двор! — ворчу.

Серый снимает квартиру этажом ниже. Уходя последним, прослеживает, чтоб я двери закрыла.

— Пьянчужки! — вздыхаю, и открываю окно, чтобы проветрить.

На телефон спикало сообщение от Саввы: "Выходи, погулять!"

Строчу: "Меня мама не пускает!"

Ответ: "Духов вызываешь? Я сейчас поднимусь!"

"Я спать! Иди, давай!"

"Жестокая!" — несчастный смайлик.

Отправляю поцелуйчик "До завтра!"

"Спи мой, ангел" — сердечко.

Так и проходят мои вечера, в переписке... Разве, что розовые единороги не скачут вокруг.

44. Светский вечер

Одна из редких встреч. Савелий вывел меня "в свет". Рискнул, так сказать... Чей-то юбилейный вечер. Ковровая дорожка к большому особняку. Семену рядом, держась под руку, на шпильках. Давно на таких ходулях не практиковалась и боюсь свалиться. Обернулась и поймала ободряющую улыбку Серого.

Меня удивленно рассматривали. В глазах некоторых застыл вопрос: ей хоть есть восемнадцать? Даже на каблуках, я была метр шестьдесят в прыжке и по сравнению с Нестеровым, смотрелась Дюймовочкой. Серебристое поблескивающее платье делало меня невесомой, в облаке светлых прядей.

— Нестеров, есть то о чем мне нужно знать? — шепнула, оглядывая светскую тусовку.

— Например? — поднял бровь красавчик.

— Сейчас "доброжелатели" и твои бывшие, начнут мне жрать мозг по чайной ложке и сдавать всю твою подноготную... Колись лучше сам! Красная комната? Измены, брошенные дети?

Янтарные глаза уставились на меня вопросительно.

— Откуда маленькие девочки знают про красные комнаты?

По лицу олигарха прошла волна недовольства, причиной которой была приближающаяся красивая брюнетка. Восточная красота ее и плавные движения, завораживали. Змея — подумалось.

— Савелий, дорогой! — лезет обмусолить щеку Нестерова и впивается в меня оценивающим взглядом.

— Анна, хорошо выглядишь, — голос Савелия спокоен.

— Младшая сестренка твоя? — язвит.

— Моя невеста, — прижимает меня ближе, целуя в макушку.

— Прости, Рит, мне надо отойти! Не шали, без меня! — кидает взгляд Серому.

Происходит рокировка. Я уже держусь за охранника, а Нестеров срывается к пухлому мужику, странно одетому в клетчатый костюм и яркую оранжевую рубашку. Мысленно обзываю экстравагантного мужчину апельсином.

— Значит, невеста, — шипит брюнетка.

— Не тяни кота за яйца, — выдаю кобре свою коронную улыбку "сейчас будут жертвы". - Что тебе надо, брошенка?!

Так и хотелось потянуться и захлопнуть ее отвалившуюся челюсть. Не каждый подготовлен услышать подобное от "милашки". Серый, успокаивающе похлопал меня по руке. Зря он так! Драть за космы чернобровую мне не хотелось — маникюр жалко. Нестеров периодически оборачивался, на предмет: "все живы"?

— Скрылась, сучка, чтобы я тебя не нашла! — на бывшую мажора я уже не смотрела.

Мне надоело топтаться на месте, отлепившись от Сержа, я погарцевала к фуршетному столу. Вечно голодный молодой организм, быстро сжигал калории и требовал пополнения запасов.

— Попробуй эту, с креветкой, — я подкармливаю охрану и успеваю запихивать себе, в рот тарталетку.

— Вкусно? — рядом объявляется апельсин.

— Не плохо, — улыбаюсь приятному пожилому мужчине.

Мы, с апельсином, проинспектировали весь стол, перепробовав все закуски.

— Меня зовут Игорь Иванович, деточка. Рад знакомству, — жмем друг другу руки.

Ну вот поели, можно и... Из седальных мест увидела только одно! Пустующее кресло на подиуме. Покрутив головой, что нет желающих, направилась к красивому винтажному креслу. Скинула шпильки, от которых уже ноги гудели и подобрал ноги под себя, уютно пристроилась. В руке у меня был бокал с шампанским.

Пью, рассматриваю публику... Вдруг, чья-то амбразура загоразивает обзор. Поднимаю глаза, меня с интересом рассматривает симпатичный мужчина в белом пиджаке.

— Малыш! — слышу рядом голос Савелия.

— Савелий, почему мужчина так на меня смотрит? — говорю не громко, но понимаю, что мужик тоже слышит.

— Наверное, потому, Рита, что заняла трон именинника, — мотнул на белого пиджака головой.

— Пардоньте, Ваш Величество! — спускаю ноги и пытаюсь попасть в туфли.

Савва садится на корточки и поочередно одевает мне обувь. Рука висит, чтобы погладить мою ногу, но он ее отдергивает, выдыхая.

Встаю. Задираю голову на все еще, без стеснения, смотревшего на меня пижона. Почти черные глаза...

— Почему для гостей нет стульев? — наезжаю на хозяина.

Мужик щелкает пальцами и тут же появляется "постовой".

— Стул девушке, — командует.

— Лучше диванчик, — перебиваю. — Мы, с апельсином посидим...

— С каким? — выдают оба мужчины в голос.

— С Игорем Ивановичем! — тычу на пожилого пухляша.

— Апельсин?! — начинает гоготать мой жених. — Рит, это Абрамович!

И че? — вылупляю я глаза.

— Она, похоже, не в курсе, — лыбится хозяин. — Савелий, ты где прятал такую прелесть?

— Иди, малыш, вон твой диван принесли, — загораживает меня от темноглазого Савва.

Кто-то ревнует! — иду к диванчику.

— Игорь Иванович! — пытаюсь докричаться до апельсина, но из-за гама он не слышит.

Свистнула. Наступила гробовая тишина, при которой спокойно повторила:

— Игорь Иванович, я нам место заняла, на диване! — плюхаюсь и хлопаю рядом с собой.

Удивление. Губы апельсина расплзаются в радостной улыбке. Апельсин растегивает пуговицы пиджака и присаживается рядом.

— Рит, весь вечер об этом мечтал! — вырывается довольный стон.

Мы трещим с апельсином о каких-то театральных постановках. Я тычусь в телефоне и мы смотрим анонсы новых спектаклей, на которые можно сходить. Вообще, не ожидала, что так хорошо можно провести время. Мило попрощались с хозяином и Игорем Ивановичем.

— Ритка, ты чудо, — прижал к себе в машине жених. — Абрамович предложил крупный контракт и все благодаря тебе, — получаю поцелуй в висок.

45. Военкоман на выезде

Ко всему хорошему привыкаешь моментально. Это расслабляет и делает уязвимой. Савелий окружил вниманием и заботой... А я... а я ему не верила. Все слишком хорошо, чтобы быть правдой — твердила себе.

— Рит, хочешь, слетаем покупаться в океане? — Савелий пытался вывести из заторможенного состояния.

Весна. Нас грузили в школе перед экзаменами так, что мы ходили, как зомби.

— Нестеров, ты же знаешь, что у меня ЕГЭ на носу! — я вспылила.

— Малыш...

— Да, ты задолбал уже! — у меня слетела крышка чайника. — Не наигрался еще в куклу Риту? Думаешь я такая тупая, что поверю в твою платоническую любовь? Взрослый мужик... ни за что в твой celibat не поверю!

— Может, пирожного хочешь? — глаз Савелия дернулся.

— За обжору меня держишь? — шиплю.

Буржуй беспомощно оглядывается на Серого. Тот пожимает плечами: Мол, у девки явно ПМС, сам разбирайся.

Нестеров поджал губы. Молчание затянулось. Я и правда не понимала причины своего "недуга". Хотелось скулить и забиться в дальний угол... Только вечер расставил все по местам.

Серый довел меня до квартиры и остался за дверью. Скинув обувь, втянула знакомый запах. Рука потянулась к выключателю... но мне этого не дали.

— Нагулялась, шлюшка! — в нос ударил запах алкоголя.

Сильное тело прижало к стене, что не продохнуть.

— Матвей, отпусти! — шиплю, извиваясь.

Массивная туша братца сползла на пол. Он уткнулся мне в колени лбом, обняв за ноги.

— Пожарь мне картошки, Рит, — звучит как мольба.

— Картошки нет. Могу согреть голубцы, — стою, боясь шевельнуться.

— Ладно..., - вздыхает.

— Ты хватку ослабь, медведь, — сиплю.

Натрескавшись моих голубцов, Королев похрапывал на диване. Укрыв его пледом, ушла в свою спальню.

Стоило, с утра, открыть дверь... Серый меня отодвинул. Почувал чужака сразу, с порога.

— Он тебя не тронул? — сжал кулаки, рассматривая спящую пьянь.

— Нет, все нормально. Кофе будешь?

— Ритка, меня Нестеров с говном съест! — простонал вояка.

— Брось меня, спасайся сам! — пробую хохмить.

Мы стояли, над все еще спавшим Матвеем.

— Пиииить! — причмокнул братан, прикрыв рукой глаза.

Ой, не нравится мне выражение морды-лица майора. Набрав в пластиковый тазик воды, Серый выплескивает на Королева.

— Рота подъем! — орет на ошалевшего братца.

Мотя хватает воздух ртом, пытаюсь сообразить, что к чему...

— Савельич! — кому-то звонит Серый. — У меня тут кандидат в контрактники. Забирай прямо сейчас!

Подпишет, — кивает...

Холодок по спине.

— Мож, не надо? — даже жалко стало, оболтуса.

— Мужиком станет, Рит! — хлопает меня по плечу.

Военкомат, с выездом, выносил Матвея за руки и за ноги. Мужики подъехали серьезные, шуток не понимающие.

Меня трясло, я пищала, что это не правильно и тянула руки к обезумевшему Матвею.

— Это всего на год. Будет, как новенький! — держит меня под мышкой за туловище, благодетель.

Так и повисла, бессильно. В квартире наступила тишина.

— Вот, теперь можно и кофе, — осторожно опускает меня на кухонный табурет, фиксируя у стены, чтобы не свалилась.

46. Прогулка в парке

— Рит, а где твой брат, Матвей? — скovyрнула болячку Танька.

— В армию ушел, — бурчу.

Серый уверял, что братан теперь защищает рубежи Родины на Дальнем Востоке. Все у него, якобы хорошо... На связь Мотя не выходил, даже с отцом — это напрягало. Гоблину предоставили контракт, подписанный Матвеем. Батя и мне звонил. А что я скажу? Сдала братца на год в солдаты — так, что ли?!

— Как думаешь, свой День рожденья отмечать? — напоминает подруга.

Точно! У Ритки днюха скоро! Я и этого не помнила...

— В тихом, семейном кругу, — говорю и сама себе не верю.

Где, он, семейный круг? Накатим с Серым, на кухне, — мысленно ставлю галочку. Савелий весь занятой. В последнее время толком не общаемся. Тихомировы тоже не горят желанием общаться.

— Пошли сегодня погуляем? — ноет Танька.

Она права! Надо проветриться. Позеленею скоро: школа — дом. Блин, как сказать Шатровой, что с нами еще "дядя" мой будет. Но, как ни странно, после школы, меня никто не встретил. Я даже круг по пред школьной площадке дала, не веря своим глазам.

— Ну, идем? — топчется Таня.

Март месяц. Снег стаял. Мы, купив булок, пошли кормить голубей, в парке. Серые журуны, обнаглев, сиделись чуть ли не на голову, в благодарность за угощение.

— Братья и сестры! — раздается поблизости скрипучий голос. — Подайте на пропитание!

Мы, с Шатровой, наблюдаем бродягу, который сидит на картоне, протянув руку. Оставшуюся булку, решено отдать этому несчастному. Я шарю по карманам, в поисках налички...

— Твои братья, в овраге, лошадь доедают! — какие-то парни подошли поиздеваться над нищим.

Его кепка, с мелочью, была зафутболена в кусты. Один из мучителей поднес к бороде зажигалку... Кто-то все снимает на камеру телефона. Они противно ржут над бедолагой, который пытается закрыться руками.

— Рит, их больше, — шепчет подруга, не отрывая глаз от компашки, в пять отморозков.

Вижу, что больше! Мне становится жарко от накотившейся злости. Я поднимаюсь со скамьи...

— Эй! — морды поворачиваются к нам.

— Отошли от деда! — рычу.

Шатрова встает рядом, доставая балончик перцовки.

— Какие цыпочки! — отвлекаются от бездомного малолетки.

По возрасту они младше года на два... Но это мелкие шакалы, которые готовы забивать толпой. Под шумок, бомж успевает ретироваться. Шустрый! Только пятки сверкают.

Компания свистит ему вслед... но жажда развлечений не угасла. Нас окружают. Я киваю Шатровой и зажимаю ладонью нос и рот. Танька жмет на распылитель. Ей удается дезориентировать двоих. Потом у нее выбивают балончик. Мы отбиваемся, как дикие кошки, пуская в ход все конечности: царапаясь, лягаясь, кусаясь. Запомните! Шакалы — всегда сыкуны! Увидев первую кровь... А я разбила одному, из нападавших нос...

— Аааа! — верещит, сучонок, капая кровью на тротуарную плитку. — Валим, нахер! — звучит команда и они срываются, в рассыпную.

— Тань, ты как? — рассматриваю лохматую и тяжело дышавшую подругу.

— Зашибись! — она приседает, держась за живот и поднимает большой палец.

Подруге успели пнуть в живот. Пуговицы на пальто оторваны с "мясом"...

— Может, в больницу? — предлагаю.

— Нет! Сейчас отойду, — пыхтит, переползая на скамью.

— Сама, как? — возвращает, рассматривая меня.

— Порядок! — вытираю разбитые костяшки руки. Молчу, что тоже досталось по ребрам...

— Твою мать! Тебя на час нельзя оставить! — поднимаю голову на орущего Сержа.

47. Мед. осмотр

Без разговоров, Сергей затолкал нас в машину и повез показывать медикам. Вижу, как он напряжен и кидает взгляды в мою сторону. Достала зеркальце. Блин! Губа разбита.

— Твоя хулиганка подралась и я везу ее в больницу! — докладывает Савелию охранник. — Понял! Сразу отзвонюсь.

— Понимаете, дядя Сережа, — нас пытаются реабилитировать Таня. — Мы были одни против пятерых отморозков! Они бомжа... то есть, мужчину без определенного места жительства, обижали. Вот! А Рита ваша, она такая смелая и всегда защитит слабого! — тараторит Шатрова.

Взгляд Серого теплеет, но он строго произносит:

— Все равно будет наказана! — выдает, а губы расплзаются в усмешке.

— Ну. с! Раздевайтесь, Рита! — нас привезли в частную клинику и рассортировали по кабинетам.

Прям доктор Айболит! — рассматриваю врача со смешными усиками, в очках.

— Здесь болит? — нажал на ушиб, под ребра... у меня аж в глазах потемнело! Садюга, такая! Ненавижу больницу!

— Отправлю вас на рентген, чтобы исключить перелом!

Начерта мне еще пачка направлений на всякие анализы? — хмурюсь. А гинеколог? Савелий, гад! — приходит мне на ум, логичный ответ. Ну что ж! Мне скрывать нечего! Прошла весь квест, по списку. Танюха меня уже заждалась... у нее то список меньше был, гораздо.

Нам выдали справки, что завтра школу можно пропустить.

— Идите в машину, девочки, — пропускает нас у двери Серый, пряча во внутренний карман куртки пачку документов.

Не доверяет мне Савва. Мог бы в открытую спросить... а так заставляет Серегу крысятничать и добывать информацию для него. Разочарование накатило. Только Танька у меня и осталась — кладу голову на плечо подруги. Прижавшись друг к другу, мы уснули по пути, на заднем сидении.

— Завтра созвонимся! — обещаю Тане, когда ее высаживаем у дома.

— Тебя, Савелий! — передает мне сотовый Серый.

— Как ты, малышка? — слышу ноты беспокойства.

— Нормально, — отвечаю кратко. — Савелий, нам надо поговорить! — решаюсь расставить все точки и запятые.

— Завтра буду у тебя... Рит, я тебя прошу, не пори горячки, — чует, зараза, мой настрой.

— До завтра! — нажимаю отбой.

Пытаюсь отдать телефон, но на нем снова входящий от Савелия. Я уже скинула сотовый на переднее пассажирское.

— Да! — Серый отвечает.

Слышу, как мажор требует нажать кнопку громкой связи.

— Ррррита! Ты меня слышишь?

— Слышу-слышу, — че орать то?

— Ты мне дорога, мелкая нахалка! И не смей бросать трубки! Поняла?

Я аж захлебнулась в негодовании...

— Не слышу, что ты там фыркаешь? — продолжает наезжать.

— Савелий, иди в жопу!

— Целую, моя радость! До завтра!... - гудки.

Малиновые ежики! Этот парень действительно думает, что может мне приказывать?! Ну, Нестеров! Попадешься ты мне, завтра!

— Сергей, если Матвей в ближайшее время не позвонит, я пойду в полицию! — выдаю то, что гложет.

— Понял тебя, — кивает.

48. Признание

САВЕЛИЙ.

С каждым разом находиться рядом с ней все сложнее. Похоже, ты влюбился Нестеров! Иначе, как объяснить, что Рита мне постоянно снится, в далеко не невинных снах и разрядку я получаю в душе, думая только о ней. Совсем рехнулся... Еще страх. Липкое и противное чувство, что все вокруг видят тоже, что и я: маленькое, прекрасное совершенство с небесными глазами и острым язычком.

До ломоты прямолинейная. Как скажет, так хоть стой или падай. Характер жесткий — не у каждого мужика такой найдется. Посмотрев видео с камер, в парке, пришел к выводу, что такая не предаст и не бросит в сложной ситуации. И срать она хотела, сколько у меня денег на счетах. Плюсов Риткиных набрался целый мешок, хоть второй вынимай... Вон, откормила Серого вкуснятиной, харя скоро треснет — наблюдаю, как охранник тянется уже за четвертым пирожком и щедро обмакивает его в сметане.

— Когда у тебя выпускной? — отпиваю ароматный чай, с какими-то травами.

— В конце июня, — опускает длинные ресницы.

— Рит, — беру маленькую ладошку. — Давай, в августе свадьбу сыграем. Какую захочешь...

Прикусила нижнюю розовую губу и молчит.

— Я серьезно говорю, — блядь, у самого руки затряслись, что она сейчас мне откажет.

— Серый, выйди! — понимаю, что она стесняется говорить.

Охранник, набрав в обе лапы пирогов, умотал в свою берлогу, хлопнув дверьми.

— Савелий, ты мне очень нравишься, правда... Но я не уверена, что это достаточно для такого решения...

Чувствую, как пот струиться по спине. Понимаю, что давить нельзя.

— Рита, девочка моя, обещай, что хорошо подумаешь? — целую в ладошку и стараюсь не сорваться.

Поздно! В ноздри ударил ванильный запах чистоты. Сдергиваю ее к себе на колени и впиваюсь в губы. Пишит, упирается ладонями в грудь... а потом обняла меня за шею. Моя! — рвет сознание, что она у меня в руках. Я только попробовать на вкус, потрогать, погладить — оправдываю себя, неся на руках в ее спальню. Знаю, что у нее никого не было. Получил отчет из медицинской клиники.

— Рррита! — шепчу в губы и она каменеет и отворачивается.

— Прости... я, — сука, дебил! — уже произношу про себя.

Напугал ее, наверное. Вон, хлопает глазами. Взгляд отрешенный.

РИТА.

Всего на несколько секунд забыла, кто я. Есть только этот мужчина, которого трясет от желания ко мне. Одно слово — выстрел в голову. Вся жизнь — игра, и все мы в ней — актеры. Я играю в Риту... даже Савелий играет в Риту. Тут бы с ума не сойти, не сбиться с роли. Не ждала и не гадала, но похоже, тихо шифером шурша, мозг дает сбой. Какая нахрен свадьба? Страшно стало от мысли: себя потерять.

Многие девчонки и не мечтают о таком мужчине, который сейчас боится дыхнуть на меня. Раз в жизни можно встретить... Умен, красив, богат. Кажется он меня любит, ну или любит, то что видит. Если сказать ему правду? Взять и признаться! Маргош, ты ведь не трусиха и никогда ей не была!

— Савелий! — заглядываю в янтарные глаза. — Я не та, кто ты думаешь... Хочу признаться сейчас, а не когда у нас будет трое детей и две собаки.

— Заманчиво, про детей и собак, — вижу, что он ждет продолжения, стиснув мои руки.

Выдыхаю и шагаю в пропасть.

САВЕЛИЙ.

Если бы мне сообщили, что инопланетная раса высадилась из другой галактики, ну или что там еще из очевидного-невероятного? Сижу перед красивой девочкой жопой, на полу, и пытаюсь сложить два плюс два. В невинном теле чужая душа... Ебнуться же можно!

— Есть водка? — приходит на ум единственное успокоительное.

Выпиваю залпом сто грамм, занюхивая Ритой... Ну как?! Втянул запах ее волос. Ударило хлеще алкоголя.

— Давай еще раз и подробней, — сажу ее на колени боясь, что она исчезнет.

А вот херушки! Это теперь только мое! Сюрприз... два в одном. Поверил ей сразу же. Такое в бреду не придумает, даже обдолбанным. Доверилась мне. Мне одному! Привлекла бы меня простая Рита, та другая? Нет! Я ее заметил только потому, что не похожа на других... с Марго внутри.

49. Эвакуация

Внеплановый выходной решила провести с пользой. Попросила Серого отвезти меня на работу, к Савелию. Должна же я знать, чем занимается мой потенциальный жених.

В приемной секретарша средних лет, приятной наружности. Сказала, что его светлость занят, идут переговоры. Мы, с Серым, расположились в диванной зоне, опустошая запасы кофе и шоколадных конфет, в красивых фантиках.

Шелестя очередной конфетой, подняла глаза на звук открываемой двери.

— Приятно с вами иметь дело! — Савелий, как всегда шикарно выглядел, в костюме и белой рубашке.

Потом мы увидели перед кем он "поработал" швейцаром. Из кабинета выплыли арабы, трындя на русском и своем.

— Рита?! — понимаю, что мы не вовремя, а прятаться уже не куда.

Восточные гости уставились на меня, сидящую в фантиках... Серый напрягся, встал, загоразивая линию обзора.

САВЕЛИЙ!

Гребаный Экибастуз! Шейх Рашид принял позу хищника, увидевшего добычу, при виде моей Ритки. Серый среагировал, но несколько секунд хватило, чтобы рассмотреть ангелоподобную блондинку, облизывающую пальцы, испачканные в шоколаде. Срочно спрятать! Под замок. В подвал. В бункер. Увезти на необитаемый остров. Слухи про Рашида ходят разные. Он коллекционер: тачки, драгоценности, экзотические животные и красивые женщины. Возжелав чего-то — не остановится ни перед чем. Приглянувшаяся женщина исчезает бесследно. И доказать ничего не сможешь и отбить ее. У Рашида целая армия наемников.

Да, что за день такой?! Арабы подписали контракт, выторговав нехилые отступные. Развлекаю их, с утра, как цирковой пес. Еще и это... Знаю, кто поможет! Набираю Абрамовича.

— Игорь Иванович! Дорогой! Помощь твоя нужна!

Старый лис рассыпался в приветствиях.

— Риточку? С радостью, любезнейший. Невестушку твою приму, как родную! — обещает король суффиксов.

Теперь осталось со школой решить... должок висит за министром образования.

РИТА.

Он меня сбаврил апельсину! Очень ловко вывернув, что Игорь Иванович просто жаждет со мной побывать в Венской опере. Запихнули в самолет, в чем была. Хорошо, хоть Серый был рядом. По напряженному взгляду, стало понятно, что пахнет жареным песцом. Маршрут у них построен, сиди, Рита, наслаждайся.

— Ну, и почему такой кислый вид? — Абрамович делает взмах рукой над накрытым столом.

Стюардесса чартерного рейса только успеваешь натаскивать блюда, как на банкет.

Конечно! Давай пожрем, и все наладится, ага. Ладно, Игорь Иваныч не виноват. Он такой же заложник обстоятельств, как я.

— Сереж! Будешь? — передаю охраннику тарелку, с разной вкуснятиной.

Хоть у кого-то аппетит есть — смотрю на жующего майора. Когда Серый не занят — он все время что-то точит, только холодильник на кухне бряंचит.

Посадка. Нас встречают у трапа "специально обученные" люди и тонированный автомобиль.

50. Венская опера

— Понравилась тебе, Риточка, "Травиата"? — Иваныч зачерпывает пятерней оливки и отправляет в рот.

Не понятно, что меня больше бесит: его сладенькие уменьшительно-ласкательные интонации или то, что он жрет беспрестанно. Даже Серый отворачивается с перекошенной миной.

— Вывод один, Игорь Иванович: никакая любовь не выдержала клейма проститутки. Предрассудки, мнение общества... в итоге Альфред предаёт свою возлюбленную, а та погибает от такого удара. Влюбиться можно в красоту, а полюбить лишь только душу, — замолкаю.

— Душа, Риточка, понятие субстрактное. Утверждать или отрицать, что она есть — разговор глухого с немым. Вы верите в Бога, деточка? — поворачивается ко мне. Глаза Абрамовича хитро блестя.

Ловушка! Знать и верить — разные вещи. Я ЗНАЮ! Личная встреча с Вседержителем. Его дарованный второй шанс. Раньше я считала, что второй шанс — это все равно, что выдать второй патрон потому, что первым недобили. Никому и никогда второго шанса Маргарита не давала. А мне его дали. К чему это приведет — не понятно. Кто-то знатно развлекается там, наверху.

— Не будем поминать всуе, — показываю пальчиком наверх.

Апельсин, с серьезным видом, кивает и оборачивается, будто боится, что Бог за спиной подслушивает.

— Рита, ОН есть! Я расскажу случай... Не думаю, что ты кому-то это передашь, — глаза Абрамовича затуманились в воспоминаниях.

— Было это в лихих девяностых, — делает большой глоток мартини, — Времена были тяжелые. Я был инженером на металлургическом заводе. Зарплаты нет. Выдавали иногда продуктами. Мы, с женой, бились как могли, чтобы прокормить детей. Жена сдалась первая и закрутила с каким-то авторитетом. Ушла к нему, забрав детей. На последние деньги я купил водки-паленки у соседа и решил повеситься. У меня не получалось закрепить веревку к трубе стояка, в туалете. Только накину петлю, веревка обрывается. Ну, думаю, пойду, с крыши улечу. Поднялся на последний этаж и забрался по лестнице на чердак. Темно было. Упал, запнувшись об большой продолговатый предмет. Рита, это был чемодан доверху набитый валютой!

Абрамович стирает пот со лба. Наши лица на расстоянии десяти сантиметров. И тут я замечаю то, что не видела раньше. Шрамы у ушей, тонкими полосками уходят в волосяной покров. Лицо апельсина — маска, человека, сменившего личину.

Сглатываю. Много людей выжило, знающих правду об этом "добряке"?

— Зачем вы мне это рассказали? — шепчу.

— Потому, Рита, что ты такая же как я. Ты слишком умна для подростка. Мы оба живем не своей жизнью, — он отстраняется и наливает еще мартини.

— Игорь Иваныч, вы меня сбросите без парашота? — на всякий, прощупываю почву.

— Бог с тобой, деточка! У меня на тебя другие планы! — сальтует бокалом и выпивает залпом.

51. Восточная "сказка"

— Зачем вы это делаете? — поворачиваюсь от иллюминатора к апельсину.

Мы сели на частный аэродром, в одной из жарких стран. По выпущенному трапу поднимались арабы. Серый лежал в отключке, ему вкололи в шею какую-то гадость.

— Дело не в деньгах, солнышко, — он открывает чемодан, который ему принесли люди в балахонах.

Равнодушно смотрит на содержимое и разворачивает. Там слитки золота, по полкилограмма, каждый.

— Все это будет твое, как только ты выберешься. Правда, от Рашида, еще никто не уходил... Но я, ставлю на тебя, Риточка. Докажи, что я в тебе не ошибся. Твой охранник будет жить ровно три месяца! Столько я тебе даю времени...

— Я вернусь! — наклоняюсь к нему, удерживаемая за руки восточными бугаями. — Вернусь и натяну тебе кастрюлю щей на уши! Обещаю, обещаю тебе! — кричу, упираясь, пока меня вытаскивают из самолета.

На выходе, на меня натянули хиджаб и затолкали в белый лимузин. Шипела, как кошка, бив по рукам захватчиков. Сообразив, что это мне не поможет — притихла. Думай, МаргаРита, думай. От этого зависит не только твоя жизнь. А думать я буду о том, как сдеру ногтями лживую маску с Абрамовича. Савелий будет искать меня — в этом я тоже уверена. Жалею, что у меня нет панциря, как у черепахи, чтобы спрятать голову... Еще одно испытание, да, Господи? Не дохрена ли?!

Пески и еще раз пески... Долгое время, за окном автомобиля, показывают одну и ту же картинку. Меня никто не удерживает. Я забила, с ногами, в угол сидения и смотрела бесцельно на пустыню. Сколько дней пути пешком? Здесь, при побеге, сдохнешь без воды, на раскаленной сковородке. В салоне работал кондиционер и было вполне комфортно. Я представляю, какой ад за пределами автомобиля.

Будто мираж всплывают белые стены дворца. Ущипнула себя, что не сплю. Тысяча и одна ночь Шехерезады, мать твою! Въезжаем в ворота, которые тут же съезжаются за кортежем машин. Все! Птичка в клетке! — скалятся белыми зубами мои похитители, открывая мне двери. Внутри тропический сад и фонтаны. Озираюсь на крики птиц. Прямо, навстречу, вышагивает белый павлин. Хлопок в ладони, сбоку и павлин раскрывает хвост. Таращусь на это волшебное создание, но чувствую движение в мою сторону.

— Он также прекрасен, как ты, красавица, — с меня сдирают накидку.

Светлые волосы в разные стороны. Резко разворачиваюсь к арабу. Он цокает языком, обходя по кругу. Я в все еще вечернем платье, которое выбирал для меня Абрамович, для похода в театр. Белое платье, как у невесты, обтянуло кружевом всю фигуру. Стразы по краям декольте поблескивают от солнца. Вот, если я ему прямо сейчас, в глаз, воткну шпильку каблука? — облизываю пересохшие губы.

Араб что-то кричит на своем и мне приносят воду в хрустальном кубке. Пью жадно, не отрывая глаз от шейха. Не знаю, что добавили в воду, но это самая вкусная вода в моей жизни!

— Еще? — спрашивает на чистом русском.

— Да! — протягиваю бокал, который наполняется из серебряного кувшина.

Следующую порцию воды растягиваю, успевая рассматривать Рашида. Да, я знаю, кто он. Апельсин назвал его имя. Так же вспоминаю нашу короткую встречу в приемной, у Савелия.

— Меня будут искать, — заявляю нахалу.

— Конечно, — губы его расплзаются. — Я бы сам землю рыл из-за такой жемчужины.

Мудак ты, Рашид! — представила, как всажу зубы в его плотку. Ты сам меня вернешь, еще и приплатишь, чтобы забрали.

Пялюсь на удаляющегося Рашида, всадив ногти в ладонь. Ко мне подошла женщина, волосы которой скрывал платок.

— Рита, пойдете, — снова на русском.

Перевожу взгляд на женщину и она вздрагивает, правильно читая эмоции на лице "буду убивать". Сцепив зубы, иду за женщиной, внимательно шаря глазами по сторонам. Нутром чувствую, что меня внимательно рассматривают. Поднимаю голову. На втором этаже ряд окон...

— Это гарем, — поясняет моя сопровождающая. — На третьем этаже три жены господина и его апартаменты. Вас велено разместить пока на четвертом, где живут родственницы хозяина.

— Меня зовут Влада, я ваша служанка, — склоняет голову.

— Русская? — спрашиваю на ходу.

— Да, — кивает в ответ. — Три года гарема, потом перевели в служанки. Рита, отсюда нет выхода, смирись, — оборачивается, заглядывая в глаза.

Привели в какую-то купальню. Женщины стали стаскивать с меня одежду, покрикивая, чтобы поднимала или опускала руки. Тарахтели на своем и цокали языками. Мыли, терли, намазывали какими-то маслами. Чувствую себя поросенком для запекания, только яблока в зубы не хватает. От масляного массажа расслабилась и почти дремала. Звук шаркающих шагов заставил поднять голову. Волосы встали дыбом. Еле шевеля ногами, ко мне ползла старуха. Ощущение такое... она свидетельница Земли на трех китах. Беззубо улыбается и макает палец в миску с жидкостью. Взвизгнув, я соскочила, как анаконда в стойке.

— Рита! Не сопротивляйся. Манун, проверит тебя по-женски, — звучит голос Влады.

Я, конечно, уважаю старость, но эта Баба-Яга, пугает меня до трясучки. Сколько ей лет? Того и гляди развалится. Меня хватают женщины за руки и тянут снова на лежанку. Трясет от злости и отвращения. Карга приближается с выставленным пальцем. Женские твари разводят мне ноги. Не вырываюсь только потому, что может повредить мне все к фигам. Прикусываю губу. Лежу в ступоре. Женщины переговариваются и хлопают руками. Че за радость? — кошусь на мою служанку.

— Рита, хозяин будет доволен, что вы девственница. Женщины получают хорошее вознаграждение. Рашид может возвысить вас до четвертой жены.

Не реагирую никак на подобную информацию. Сказала бы лучше, где взрывчатку хранят... больше пользы принесла. А так... Я конечно не спрошу потому, что никому не доверяю. Ради плюшек от своего хозяина — мать родную сдадут.

— Откуда Рашид хорошо знает русский? — спрашиваю, когда мне принесли одежду.

— Учился в нашем универе, в Москве, — лаконичный ответ.

— А чем вы здесь, на досуге занимаетесь? — осматриваю свою новую комнату.

— Вечером можно гулять по саду, кормить птиц.

— Библиотека? Телевизор? Интернет? — на все это она отрицательно мотает головой.

— Рашид дарит подарки, — мечтательно закатила глаза Влада.

Аха! Жадная ты, мать, на подарки, значит... Купилась на побрякушки? — делаю предположение.

— Как ты встретила Рашида?

— Я была официанткой, где он меня увидел. Провели ночь в гостинице. Вот и поехала с ним, поверив красивым речам, — тянет уныло. — Сначала все было хорошо. Подарки дарил, персиком называл. А потом я ему надоела. Век женщины в гареме недолог, всегда найдется кто-то красивей и посвежей.

— Хочешь вернуться домой? — задаю контрольный.

— Нет, здесь теперь мой дом, — отворачивается. — Там у меня ничего не осталось, да и не было: комната в коммуналке, муж-пьяница. Детей нет.

— Если ты станешь его женой, ну или любимой наложницей, мой статус возрастет. Завидовать будут...

Жадная и недалекая баба — делаю вывод о Владе. Такую приткни куда-нибудь, она адаптируется и барахтаться не станет. Кроме милovidной внешности ничего нет. Всю жизнь приспособливалась: терпела мужа-алкаша, теперь здесь ее все устраивает. Приспособленка — ненавижу таких овощей.

— Отдохнуть хочу, — показываю, чтобы Влада ушла.

Оставшись одна, обследую каждый угол жилища. Выглядываю в окно с витеватыми решетками. Дергаю ручку двери. Ожидаемо. Я взаперти. Ладно, поберегем силы — заваливаюсь на кровать. Даже уснула, недолетая подушки.

Снились большие тараканы, которые ползали по мне. Я дрыгалась и пыталась их скинуть. Самый большой полез под юбку, ползя по ноге.

— Ах, ты сука! — бью "таракана" со всей дури.

Передо мной удивленное лицо Рашидика. Он прижимает к себе руку, по которой я хлестанула. Хлопнула глазами...

53. Выбор Савелия

— Вы меня напугали! — леплю в свое оправдание.

— Жемчужина моя, я такой страшный? — облизывается, как кот на сметану, шаря по мне глазами.

М.да, эти тряпочки, что на мне одеты, мало что скрывают. Верх больше похож на чуть удлиненный бюстгалтер или укороченный топ. Юбка из шифона, через которую просвечивают трусешки. Пытаюсь прикрыться покрывалом, но Рашид сдергивает его и отбрасывает в сторону.

— Стоять! — рявкаю, выставляя перед собой руки. — А где ухаживать, подарки дарить, цветы, конфеты? — даю ему то, к чему он привык.

Тяжело вздыхает, продолжая глазами щупать мое тело.

— Хорошо, Рита. Я не насильник какой... Ты сама попросишь быть с тобой, вот увидишь!

Самомнение, как у слона, честное слово! Тянуть резину и искать выход — вот моя задача! Но паразитская натура берет свое. Я хватаю шейку за маленькую бородку:

— Мне не нравится! Хочу, чтобы сбрил!

Восточный красавчик хмурит брови. Видимо не часто ему ставят условия.

— Тогда поцелую один раз, — надуваю губки. — А так, фу, какая колючесть, для моей нежной кожи.

— Часто тебя целовали? — рычит ревнивец.

— Эээ, нет, — пытаюсь соорудить громоотвод.

Рашид по-своему красив. Возраст около сорока... плюс-минус. Бархатные черные глаза с густыми ресницами. Хорошо очерченные брови. Губам может позавидовать любая женщина... Поджарое тело, без брюшка. Сильные и красивые руки.

— Будет тебе ухаживание! — шейх сорвался, как ошпаренный, только двери сбрыкали.

Можно, конечно, ждать, когда Савелий спасет меня... но я не из тех, кто ждет и надеется на других.

САВЕЛИЙ.

Понадобилось три дня, чтобы отыскать Абрамовича. Этот старый пердун не выходил на связь. Что-то случилось с Ритой! Вытрясу все из этого прохвоста!

— О! Савелий! — как ни в чем не бывало, Иваныч попил чай на площадке перед своим загородным домом.

Пришлось прорываться через охрану. Мне здесь явно не рады.

— Где Рита? — сажусь напротив, сдерживая бушующий гнев.

— У Рашида, — спокойно выдает мне, ублюдох.

— Ты мозгом не повредился часом, Иваныч? Ты отдал мою невесту шейху?!

— Я стар и болен, мой мальчик. Только и осталось, из удовольствий: еда и красивые зрелища. Ну, убьешь ты меня и что? Это твою Риту не вернет!

— Зачем?! — ору на него. — Нахера ты это сделал?!

— Игра! — улыбается, как умалишенный. — А для вас испытание. Насколько сильно ты любишь свою Риту? Пойдя против Рашида, ты расторгнешь свой контракт и потеряешь ВСЕ! Останешься в одних штанах! Так что ты выбираешь, мальчик? Любовь или деньги? — от его смеха становится не по себе.

Да он реально больной! Я цепенею. Это абсолютная правда! Начни я войну против шейха — потеряю все, дс нитки!

— Где охранник? — хриплю.

— В подвале, живой, — аккуратно ставит чашку на блюде и складывает пухлые ручонки на животе.

— Отдай мне Серого! — опускаю кулаки на столешницу.

— Выпутывайся сам! Думаешь, я не знаю, кто такой твой майор? У тебя не будет военначальника. Знаешь, я даже более, чем уверен, что Рита уже ведет внутреннюю партизанскую войну и от нее толку будет больше, — ухмыляется.

Через неделю, в моей комнате, был целый склад конфет и подарков от Рашида. Большой холодильный шкаф, цвета металл, доверху набит мороженым. Снимала запреты один за другим: музыкальный плеер, с наушниками, планшет с электронными книгами... В очередной раз довела шейха до кипения, попросив телевизор. На прогулке искупала парочку женщин из гарема в фонтане. Не нужно знать языка, чтобы понять, что они обо мне говорили и тыкали презрительно пальцами... На кипишь и визги, прибежавшей охраны и самого Рашида, лишь пожимала плечами: ваши крокодилы — вы и спасайте!

Бабы гаремные решили, что конфликтовать со мной — себе дороже. От меня была реальная польза. Возбужденный Рашидик бежал удовлетворяться от меня к гарему или женам. Обласканная им счастливица, получала подарок и ходила с лицом "поймавшей дзен".

С каждым днем становилось сложнее. Запретный плод стал для шейха наваждением.

Я думал, сердце позабыло способность легкую страдать, Я говорил: тому, что было, Уж не бывать! уж не бывать! Прощи восторги, и печали, И легковверные мечты... Но вот опять затрепетали Пред мощной властью красоты.

— Читает мне стихи Пушкина, сверкая глазами.

Тяну улыбку, скулы уже болят. У него, что дел больше нет? Рашидик в отпуске? Честно говоря, устала уже от его настойчивого внимания.

Бороду он тогда сбрил и пришел за своей "наградой". Чмокнула в щеку. Это все?! — в карих глазах страдания вселенские. Был обещан поцелуй — получите, распишитесь...

— Что мне сделать, чтобы ты полюбила меня? — опять донимает.

— Может съездим куда-нибудь? Устала я сидеть взаперти, — пробую почву.

— Мои женщины не покидают стен дворца, — хмурится.

— Ну, покатаемся на верблюдах или лошадаках, недалеко..., - стелю мягко. — Хочу посмотреть, какой ты наездник.

Красоваться — наше все! Встрепенулся, голубь. Перышки распустил. Вечером, как спадет жара, было велено запрягать арабских скакунов.

Мать моя, женщина! Это были просто невероятные создания! Мне вывели лошадаку, которая отливала молочным перлапутром, с кудрявой гривой волос. Дали яблоко, чтобы я угостила прелестницу. Чудо звали Стелла — утренняя заря. Мягкими губами, красавица взяла угощение с моей ладони и позволила себя погладить. Забыла, как дышать, когда забралась в седло. На мне был хлопковый брючный костюм, с туникой и платок на голове. Повернулась, на выезжающего Рашида. Черт! Невероятное сочетание... Вороной жеребец, буквально зеркалил боками. Грациозное создание било копытом и пофыркивало. Жеребчик не ровно дышал к моей кобылке, а Рашид ко мне. Шейх, в красной рубашке, которая была на треть расстегнута и открывала обзор на мускулистую грудь. Черные брюки. Должна признать, что араб выглядит, как принц из сказки. Только сказка эта, чем дальше, тем страшнее.

Кидаю взгляд на горизонт, с заходящим солнцем. Сердце рвется именно туда. По заходу светила, определяю, где запад и восток. На Востоке — Персидский залив, на Западе — Красное море. В Персидском заливе порт и мой шанс встретить российское судно. Нужен только транспорт. Пешим ходом — верная смерть.

Поскакушки на лошади действительно развеяли. Настроение улучшилось и у Рашида. После, он закатил для гарема застолье. Были даже музыканты с народным колоритом.

— Ты хорошо влияешь на господина, — шепчет мне Влада, с набитым ртом.

Здесь сидели и три жены шейха, которые общались только между собой. Кабздец подкрался незаметно! Весело всем, вообще, едят, улыбаются, разве что цыганей с медведями не хватает... Рашидик встал и объявил свое решение о том, что берет четвертую жену — показывая, сука, на меня. Будет через пять дней церемония, а пока жены шейха должны помочь с подготовкой.

Влада попискивала, в поздравлениях. Рашидовские супруги кидали убийственные взгляды. Все они были местные, знатного происхождения... а тут, какая-то я нарисовалась.

— Как, говоришь, здесь покойников хоронят? — спрашиваю на всякий пожарный.

55. Подарок

Пять дней! Я металась по комнате, как загнанный зверек. Став женой шейху, получить свободу практически невозможно. Повернула голову на звук открываемой двери и офигела. Из мужчин, никто не имел право заходить ко мне, кроме Рашида. Мягкой походкой, порог перешагнул молодой араб, жадно рассматривая.

— Э! Ты кто? — отпрянула от него, когда он занес руку к моим волосам.

— Красивая. Мать правду сказала, что сведешь с ума, любого. Отец даже гарем хочет распустить, никого больше не хочет, кроме тебя.

Обалдеть! Это сын Рашида? — прищурилась. Парню на вид, лет двадцать. Сходство явно прослеживается.

— Ты, что здесь забыл? — шиплю, пытаюсь держать дистанцию.

— Кажется, я знаю, какой аль-хиба попросить на Рамадан.

— Чего? Какой еще хибаб? — хлопаю глазами.

Рамадан — это я помню! У мусульман великий праздник... и он, как раз в апреле.

— Свой подарок. Отец не сможет отказать старшему сыну, — гладит свой подбородок задумчиво большим пальцем.

Гм... — мысли работают в разные стороны.

— У тебя есть уже свой дворец? — "прицениваюсь" к новому женишку.

— Конечно! — горячо воскликнул юнец. — Тебе там понравится!

— Что здесь происходит?! — орет на своем Рашид, страшно вращая глазами.

Я забираюсь, с ногами, на кровать, в позе лотоса, и подперев руками подбородок, наблюдаю концерт без сурдоперевода.

Ахалай-махалай! Ляски-маеяски! — вот, весь мой репертуар из арабского. Некоторые матерные слова, я конечно, определила. Их часто повторяли, мне в спину, любимые жены Рашидика. О! Кажется, финал! Оба мужчины повернулись ко мне.

— Жемчужина, моя, — голос Рашида напряжен. — У нас есть обычай дарить наследнику на Рамадан тот подарок, какой он захочет. Джамал хочет тебя. Я не могу ему отказать. Даже, коня был готов своего отдать. Сердце мое обливается кровью... — он действительно страдает, впервые вижу увлажнившееся глаза.

Рита! Живо натянула скорбное лицо! — пытаюсь пустить слезу. Выходит не очень, но щеки надула. А старшей женушке Рашида — пять, с плюсом! Вон, как смогла избавиться от лишней соперницы...

— Собирайся, Раиля, я тебя забираю! — царственно махнул рукой молодчик.

— Я, Рита! Запомнил?! На чужие клички — не отзываюсь!

Джамал кидает укоризненный взгляд на отца, типа совсем ее распустил, покрикивать еще вздумала. Эх, ты, чудик! Делаю глаза, с поволокой, из под ресниц — шрековский кот отдыхает!

— Сейчас соберусь, мой господин, — мурлычу.

Торжественных проводов не вышло. Меня быстро погрузили в машину, покидав, из собранного, лишь пару чемоданов. Влада всхлипывала и махала на прощание платочком. Рашид не вышел проводить, видимо забился куда-то, с горя. Ничего, его есть кому утешить! — гарем гордо выстроился на площадке второго этажа. Вот, на чьей улице сегодня праздник!

По дороге билась головой об стекло думая, как сбежать.

Попроситься:

1. В "кустики".

2. Понюхать кактусы.

3. "Ой, какой красивый мираж, надо рассмотреть поближе!"

4. "Ножки мои затекли, я только размять..."

Джамал сидел напротив, в лимузине, и тыкался в телефон. Вполне себе прогрессивный парень...

— Сколько у тебя наложниц? — помню, что в жены он мне не предлагал.

— Пока — двое. Я не женат, — добавил сам.

Понимаю, что этот товарищ долго хороводы водить не станет.

Из раздумий выдернула остановка машины. Мы стояли посередине пустыни. По обочине ветер гоняет клубок колючек. Я начала крутить головой: в чем дело?

— Сиди, я скоро, — бросил мне Джамал и вышел в пекло.

Осторожно подползла к двери, нажав на ручку. Не заперто! Оглянулась и схватила бутылку с водой. Не могу сказать, что было в тот момент в моей голове. Наверное, я видела шанс... один на миллион. Открыв двери, услышала мужские голоса. Выползла на дорогу, прижимаясь как можно ниже. Повернув голову увидела, что Джамал разговаривал с мужчинами, которые перегородили дорогу на своих авто. Рванула за ближайший бархан.

— Рита, стой! — доносится...

Бежать! Бежать! Утопая в раскаленном песке, я двигалась со скоростью черепахи... так мне тогда казалось, будто замедленную съемку включили. Поскуливая от обжигающего песка, который тут же забивался под одежду, упала и покатила кубарем с пригорка. Отбегалась! — слышу голоса буквально рядом. Закрыла глаза. Пусть меня не найдут — молюсь. Лучше сдохнуть, чем к этому, Джамалу.

— Рита! — меня накрыла тень и я открыла глаза думая, что схватила глюк.

Почему я решила, что у Савелия янтарные глаза? У него глаза — цвета гречишного меда.

— Зайка моя, шустрая, — хриплый голос. — Иди ко мне, — подхватил и прижал к себе.

— Ты долго, — обняла за шею, уткнувшись носом.

— Скажи, что я успел, — пальцы на моей спине подрагивают, перебирая легкую ткань моего платья-туники.

— Ты успел, — киваю, зная о чем он спрашивает.

Мы вернулись к машинам. Джамал стоял скрестив руки.

— Нестеров, она конечно красавица, но характер. Я б с такой с ума сошел! — выдает араб. — Отца моего довела до нервного срыва...

— Не чего чужих невест воровать, — ворчу, прижимаясь к Савелию.

Савелий передает сыну шейха небольшой ноутбук. Округлила глаза. Шейх платил за меня золотом, а этому ноута достаточно... Уже, в машине, Савелий объяснил, что на ноуте программа управления спутником. Охренеть! Спутник?! Как это?

— Не грузись, любовь моя, это всего лишь материя. Ты для меня гораздо дороже, — жадно целует.

Ловлю чувство, что Савва едва себя сдерживает. Его потряхивает, как и меня.

— Детка, сиди тихо или я за себя не отвечаю, — отстраняется. Кусаю губы. Мы в машине с водителем.

Самолет. Снова небольшой чартер. Кроме нас пассажиров нет. Стюардесса принесла воду и фрукты. Вместо того, чтобы налить воду в бокал, я припала к бутылке и пью, не отрывая взгляда от Савелия. Струйки воды текут по подборотку, заливая грудь.

— Маленькая стерва, — шипит Савелий.

Ставлю бутылку и тяну к нему руку. Жажда иного рода горит, пожирая изнутри. Самолет идет на взлет.

— Что ты творишь? — сипит мужчина, срывая с меня одежду.

Нас кроет. Слетаю с катушек окончательно. Стону ему в губы, не в силах оторваться. Слизываю соль с его кожи на шее, ощущая пульсирующую венку. Всаживаю ногти в спину, прижимаясь ближе. Глаза в глаза, перед последним рывком. Я обвила его ногами, открываясь полностью. Мой мужчина рычит вбивая в меня свое желание обладать. Последний крик дарит освобождение. Савелий вздрагивает от всхлипа, упав лицом мне в грудь. Сильные мужчины не плачут? Глажу его волосы, шепчу нежности. Исцарапанная спина перестает вздрагивать. Савва поднимает на меня глаза, которые горят не утихающей страстью.

— Чуть не умер без тебя.

— Тоже тебя люблю, — покрываю его лицо легкими поцелуями.

57. Возвращение

Савелий уснул в кресле, а я все смотрела на него. Осунулся, поросль не бритая, даже во сне он хмурится... Его рука лежит на моем колене и подрагивает. Мужчина, словно проверяет, есть ли я рядом схватывая и ослабляя пальцы. Не легко же ему было — топит нежность.

— Я люблю тебя, — шепчу еле слышно.

Ресницы дрогнули и Савва открыл глаза. Приблизил свое лицо.

— Как честный человек, я должен на тебе жениться, — хриплый от сна голос.

— Должен? — поднимаю бровь.

— У меня нет выбора. Я безнадежно болен тобой. Для тебя я готов рушить горы и строить мосты. Я живу тобой! Доверься мне, я не предаю тебя ни душой, ни телом. Я — твой! А ты — моя! Знаешь, Абрамович сказал мне что я должен сделать выбор: лишиться практически всего капитала или вернуть тебя.

— Ииии что ты выбрал? — облизываю пересохшие губы.

— В первую очередь тебя, а потом уже утереть нос Абрамовичу и шейху. Мы потеряли часть денег, но не все. Если ты со мной — я все смогу, все сумею. Ты, со мной?

— Всегда, любовь моя, всегда, — кладу руку на его скулу и поглаживаю пальцем губы.

— Рита, не надо, — зрачки расширяются и Савелий начинает шумно дышать. — Приедем домой, я с тебя не слезу, маленькая чертовка! А сейчас не драконь меня лучше.

Он прав. Мне нужно время на регенерацию — щеки мои краснеют.

Оставшееся время перелета мы разговаривали. Савелий слушал мой рассказ, поглаживая большим пальцем мою ладонь. Иногда зависал, ухмыляясь проделкам.

— Когда пойдем спасать Серого? — я услышала, что Абрамович все еще его удерживал.

— Считай, что он был в отпуске! Как бы Абрамовича не пришлось от нашего майора отбивать, — хохотнул Савва.

За пару часов мы успели поспорить и помириться несколько раз. Савелий настаивал, чтобы я бросила школу и переехала к нему жить. Расставаться нам обоим не хотелось, но...

— Я должна получить этот чертов аттестат! — фырчу.

— Куплю тебе его и любой диплом, какой захочешь... все будет в оригинале, малыш, — уговаривает Нестеров. — Лучше давай, ты будешь со мной работать, — пошел с козырей.

Вот стратег! Все то он уже решил наперед.

— Школу я закончу! — недобро сверкнула глазами и Савва понял, что проиграл.

Апрель! Втянула воздух русской весны. Прошло всего две недели, а я словно вечность отсутствовала. Вступив на родную землю, вся история показалась мне нереальной... Если бы не эти два чемодана, которые являлись моим личным трофеем. Савелий, узнав что там подарки от шейха истерил, чтобы выкинули. Как могла, успокоила. Стоило намекнуть, какие там откровенные наряды и только ему я буду их демонстрировать. Еще был кофе, сладости, украшения... но об этом я промолчала. Что-то Таньке подарю. Соскучилась по этой стерве.

58. Освобождение майора

САВЕЛИЙ.

Рита буйнилась и возмущалась матом, но взять я ее с собой не мог. Не мог ей рисковать — и все тут!

Зарево над домом Абрамовича было видно издалека. Какого хрена?! — таращусь на этот огненный ад. Черные клубы дыма уходит далеко в небо, затмевая свет солнца.

Ты попробуй, шагни в огонь, когда у тебя дома любовь всей твоей жизни. Надо, Савелий, надо, — обливаю себя из бутылки водой и вышибаю двери ногой. Пламя лижет стены гостиной. Посредине лежат два тела. Нет времени для раздумий. Чувствую, как плавятся волосы на голове и кожа на лице вот-вот лопнет... Взваливаю на плечо Серого и бросаю взгляд на Игоря Абрамовича. На его лице застыла улыбка...

— Уходи, — слышу сквозь гул, жрущего все вокруг огня.

Не вдыхать! — даю себе приказ. Делаю несколько шагов к выходу и понимаю, что мы отрезаны от входной двери.

— Шеф, брось меня... — стонет майор.

— Серый, блядь, заткнись! Ритка без тебя домой не пустит, — даю аргумент.

Разворачиваюсь и волокусь обратно в гостиную. Выход один — в окно. Разбить получается не сразу. Чувствую, что еще немного и нам обоим будет Нестерова цветочки на могилку носить. Выпали вместе со стеклами наружу.

— На диету тебя посажу, нахер! — из последних сил оттаскиваю этого слона от пожарища.

Лежу, смотрю на небо. Воют сирены, суетятся пожарные. Серый ожил быстрее меня и сидел, обхватив голову. В кармане раздаётся пиликание телефона.

— Да, любимая, — мне не нужно смотреть на определитель входящего, чтобы понять, кто звонит.

— Савелий! — нежный голосок прибавил кислорода в легкие, — Все живы?

— По Абрамовичу плакать будешь? — шучу, покашливая.

Каким образом мой охранник смог освободиться и всех перемолоть в доме — еще предстоит услышать. У Игоря всегда была хорошая подборка церберов. Рубашка Серого вся в крови, местами разорвана. Есть ожоги. Похоже, он пока в состоянии шока. Медики пытаются уложить его на каталку. Серый всех откидывает, не соображая ничего.

— Серый, отставить! — ору громиле. — Поедешь в больничку, как миленький!

Услышав мой голос, майор напрягся и мотнув головой, своим ходом, шатаясь, пошел к скорой.

А мне домой надо — мечтательно улыбаюсь. Буду пиздюлей от Ритки принимать, а потом она станет за мной ухаживать и все такое.... Я ведь герой! А герою положено получать вознаграждение от дамы своего сердца. Кровь прилила к паху от этой мысли. Не-не! Только домой!

59. Немного истории Савелия и регистрация

САВЕЛИЙ

Спит мое сердечко, положив ладонь под голову. Прусь от одного ее присутствия. Боюсь залюбить до смерти. Такая хрупкая и такая сильная. Знать бы кому свечку поставить за такой подарок судьбы. Ведь был почти уверен, что остановлюсь на какой-нибудь сучке силиконовой, которая сподобится залететь от меня... и буду приезжать домой только по праздникам.

Еще, лет в шестнадцать, снял очки, а там нихрена не Изумрудный город. Дружили со мной только из-за папаши, у которого бизнес в гору пошел. Помню, свою первую школьную любовь — Кристину. Шальной ходил за ней, дарил все, что ни попросит, втапывал в грязь любого, кто косо на нее посмотрит... А в итоге, застал ее с задранной юбкой перед смазливый одноклассником. Тогда, в его глазах увидел торжество: смотри, Нестеров! Ты ей нахрен не впал... только деньги твои нужны красотке. В соплях Кристина объясняла, что это насильно Демьяненко залез ей в трусы... а стонала она так, в знак протеста. Ржал до слез, а может от истерики. Лет прошло не мало. С бабами, после этого, были только товарно-денежные отношения. Были жалкие попытки некоторых, слепить из говна конфетку... Уверовал, что нет в этой жизни настоящего.

Пробила ты броню, девочка, — глажу ее волосы. Если и здесь обман — убью! И себе мозги вышиблю, за ненадобностью. Ошибки прошлого научили оглядываться. Не подведи, малышка, и весь мир положу к твоим ногам.

МаргаРита.(До спасения Серого. Свадьба)

Маньячина озабоченная! Закрываюсь в ванной. Но как сладко он любит. Крутит-вертит, играя телом, как на инструменте. Маргоша раньше повидала всякое и любовники были опытные. С Савелием по-другому — острее, ближе, до самоцветов в глазах. Разбудил, раскрыл, одурманил. Риткино тело находилось в спящем режиме до тебя, золотоглазый демон.

— Не пойду! — вцепилась в ручку двери ЗАГСа.

Привез меня полупьяную от секс марафона... и давай жениться! Тащил брыкающуюся на плече. Поставил перед регистраторшей. Одернул задравшую юбку. На голове у меня кошмар, будто током шибануло. Лицо покрасневшее, от сопротивления... краснее только искусанные им губы. Все тело ломит от многочасовых "пытток".

— Не так хочу! — топаю ногой.

— Поставь вот здесь закорючку, Нестерова! И смирись уже! Ты — моя жена! — удерживая за талию, вкладывает в руки ручку.

— Сам напросился! — фыркаю и выхватив предмет, ставлю росчерк на документе.

— Объявляю вас мужем и женой! — захлопывает папку, с еще не успевшими засохнуть чернилами, регистраторша.

— Домой, жена! — окидывает жадным взглядом и тянет лапки.

— Догони сначала, — бью по руке и отскочив, несусь со всех ног на улицу.

— Стеррррва! — довольно урчит мой хищник, схватив через квартал погони.

Заслуженный "приз" он снова закидывает на плечо и несет к машине.

— Савелий, мне завтра в школу, давай ты не будешь всю ночь меня наказывать? — расслабившись, болтаюсь в разные стороны, от каждого его шага.

— Молчи, женщина! — шлепает меня по заднице.

— Что за манеры? — возмущаюсь, — И хватит меня таскать, как аксессуар!

— Везу тебя кормить в ресторан, потом — любить, в дом! — докладывает незамысловатые планы муж.

В который дом, не уточнил. Домов я видела два: квартиру в высотке и загородный дом, который я прозвала "пентагоном" из-за круглой формы, внутри которой скрытый двор. Красной комнаты там не нашлось, но Савелий заверил, что могу любую переукрасить...

— Ты во время, — шепнула Шатрова.

— А? — пытаюсь собрать себя в кучу.

Нестеров — гад! Еще одна бессонная ночь и меня начнет рубить стоя.

— Сегодня к психологу всех таскают, — продолжает Танька. — В параллели дебилы в чате, писали про суицид. Теперь всех выпускников к мозгоправу отправили.

— Королева! — поднимаю голову понимая, что это по мою душу.

— В сорок восьмой кабинет! — показывает на выход Матильда.

Да что ж такое! — стону, еле передвигая ноги. Постучала в кабинет и услышав: "войдите", толкнула двери, шагнула внутрь. За столом сидел мужик, лет сорока пяти. Лениво прошелся по мне взглядом, но встрепенулся, увидев красные глаза от недосыпа.

— Королева Рита? — заглядывает в свою учетную книжечку.

— Ага, — плюхаюсь напротив.

Сейчас начнет моих тараканов дергать за усы. Психологов считала скрытыми психами ибо то, что они несут в здравом уме не возникнет. У этого, явно лампочка зажглась, вон как активно листает свои записульки.

— Скажите, Рита, — тянет слова, от чего уже начинает выбешивать. — О чем думаете вы утром, только что проснувшись?

— Кофе хочу, — отвечаю сразу же, не раздумывая. — Я и сейчас его хочу, — наклоняюсь ближе, прищурившись.

— Плохо спите? Не высыпаются? Вас что-то тревожит?

— Да, тревожит, — киваю, наблюдая за его эмоциями на лице. — Пять оргазмов за ночь — это нормально?

У мужика глаза лезут на лоб. Он опускает глаза и смотрит на мою дату рождения. Убедившись, что перед ним совершенногодная, складывает руки в замок на животе.

— Как давно вы живете половой жизнью? — знаю, что сейчас он лезет куда его не просят, но я же сама его спровоцировала.

Начинаю загибать пальцы...

— Пять дней! — слышу его выдох. Он че думал, лет? — поднимаю бровь. Рите сейчас полных девятнадцать биологических.

— При встрече с незнакомым человеком вы первая начинаете разговор? — продолжает что-то записывать.

— По обстоятельствам. Скажите пример, — включаюсь в игру.

— Например, Рита, попадаете в компанию незнакомых вам людей и они молчат, рассматривая вас...

— Буду так же молчать и изучать, кто передо мной.

Мужик кивает и продолжает строчить.

— Если вы замечаете, что вас кто-то разглядывает (в театре, кино, на улице...) Ваши действия?

— Мне все равно, пусть смотрит. Может ему не нравится мой прыщ на носу, но это его проблемы, а прыщ мой, родимый.

— Если вы проигрываете в какую-либо игру, то расстраиваетесь?

— Я не проигрываю, — смотрю уже нагло.

— Почему не проигрываете? — кидает заинтересованный взгляд.

— Я не лезу в игру, если не уверена, что выиграю.

— Вы считаете себя "победителем"?

— Считаю себя целеустремленной.

— Когда вы ссоритесь с симпатичным для вас человеком, вы потом первая идете на примирение?

— Слишком гладкие отношения в природе не существуют. Мы разные люди, у каждого свое мнение. Ссоры — это нормально. Если человек мне дорог, я найду способ все уладить.

— Ожидая результатов медицинского осмотра, вы боитесь, как бы у вас не нашли чего-то серьезного?

Вот, сука! Сжимаю кулаки, выдав свое волнение.

— Все мы смертны, но лучше знать о своем диагнозе заранее..., - не хочу рассказывать ему о своем страхе больниц.

— Вы не ответили на прямой вопрос, Рита, — начинает давить, почувствовав больное место.

Такие уж эти, психологи! Найдут рану и начинают в ней ковыряться, вытаскивая по нитке из шва, который вы старательно, сцепив зубы, закрывали. Заглядывают в глаза: достаточно боли или еще потянуть?

Хочется врезать ему по зубам в ответ, но я всего лишь улыбаюсь.

— Я НЕ боюсь! — цежу. — Это все?

— Все, Рита, можете идти, — кивает, не глядя.

61. Рецепт счастья от Савелия

САВЕЛИЙ.

Я хотел бы жить в том мире, где будет все предельно ясно. Приезжаешь домой с работы... а там она, моя Рита. Сколько бы ни строила из себя сильную и независимую — это все ложь. Уровень окситоцина — гормона любви и привязанности в женщине, напрямую зависит от условий, которые создаст ее мужчина.

Не может мужик обеспечить будущее своей семьи — ходи пешком! Почему пешком? Объясню: завел ты машину. Свою. Какую хотел, ну или какую смог потянуть. А ее ведь обслуживать надо: бензин, масло, тех. осмотр... Не будешь ухаживать — не заведется! Ходи, сука, пешком! Убейся, но все сделай для любимой женщины! Это ведь ты ее выбрал, посчитал, что достоин находиться рядом. Не в карты выиграл, ее не подкинуло правительство... Она — твой выбор! Теперь жопу рви, но сделай ее счастливой. Любить — это глагол. Чтобы любить, нужно что-то делать! Действовать. Двигаться. Стать для нее всем. Некоторые скудоумные считают, что это нужно делать для нее. Для себя! Счастлива она — счастлив ты. Аксиома!

Малышка ковырялась устало в салате и была подавлена. Ей нужен отдых: сон и хорошие эмоции. Отключаю телефон. Иду, наполняю ванну с пеной...

— Рита, тебе с клубникой или персиком бомбочку? — не разбираюсь в этих хренулинах и решил спросить у своей женушки.

Открыла свой красивый ротик в удивлении. Я стою, с закатанными рукавами рубашки и держу эти шарики в руках.

— Савелий, — мое имя в ее произношении действует, как афродизиак. Нестеров-младший сразу пришел в стойку. Блядь! Не трогать! Совсем ее затрахал. Держаться!

— Хочу с клубникой, — облизала нижнюю губу, прикусив ее.

Стараюсь идти ровно, не срываясь на бег. В штанах пожар. Как малолетка, передергиваю в туалете, сдерживая стоны. Хотите, мужики совет? Передерни перед свиданием. Хочешь еще к ней? Твой вариант! Ритку я хотел даже после многочасового секса, даже во сне тянул к ней щупальца, проверяя: на месте ли моя ласточка. Жена потом показывала синяки, что я ее ночью щипал... Совсем двинулся.

Возвращаюсь в ванную и кидаю розовый шар. Эта хрень шипит и заполняет помещение клубничным ароматом. Ну вот! Пошел женщину свою купать.

Ритуля раздевалась под музыку, неотрывно глядя мне в глаза. Переступая босой ножкой в ванну, виляя красивой попой, опускается в пену. Нестеров-младший снова зашевелился. Савва терпеть! Сегодня все для нее! — пытаюсь взять себя в руки. Беру губку и прохожусь по нежной коже. Рита закрыла глаза и ее реснички подрагивают.

— Малыш, дай свою ножку, — прошу.

Рита перемещается параллельно и кладет ступню на бортик ванны. Глажу каждый пальчик, целую его... увлекся. Пропустил момент, когда начинаю порыкивать и уже облизываю ее пяточку. Поднимаю глаза, а там два холмика, которые просятся, чтобы их помяли.

— Моя! — мну грудь, пощипывая соски.

— Конечно твоя, — выгибается навстречу. — Грудь моей касался лишь аккордеон, — хихикает и тянет меня на себя.

Падаю прямо в одежде. Брызги в разные стороны. Вода через край. А нам по барабану. Голубоглазая рвет на мне рубашку. Ластится.

— Любимая, мы хотели сегодня отдохнуть, помнишь? — не знаю, для кого это говорю. Сам уже съезжаю с темы, хватая ее за бедра и прижимая к себе.

По итогу, в ванной было цунами. Воды на полу столько, что вычерпывай. Пришлось закидывать халатами и полотенцами, чтобы не поскользнуться.

Так и потащил свою нимфу обнаженную в спальню. Укутал в одеяло и приткнулся рядом. Когда я был так счастлив? — Не помню. Проваливаюсь в блаженный сон.

62. Костя и Таня

— Королева! Поступили данные, что ты теперь у нас Нестерова. Занеси документы к секретарю, — сдает меня классуха.

Недобрый взгляд Таньки и любопытные от одноклассников впивались осязаемо. Ну, конечно! Включили рубрику "это интересно"... Сейчас будут мне кости мыть.

— Рита, ты не только днюху зажопила, ты еще и замуж успела выскочить? — шипит Шатрова.

— Не плохо у нас Ритка "поболела"! — поддакивает Пестов.

— Тань, ты не накручивай, — пытаюсь оправдаться. — День рождения я не отмечала, а брак просто был регистрацией, без всякой свадьбы.

— А сказать — не судьба была, да? — психует подруга.

Понимаю, я облажалась. Надо было сразу Шатровой признаться. Ой-ой! — чуть за голову на схватилась. У меня ж даже родственнички не в курсе! Вот тут, я сникла.

— Че, даже своим не сказала? — хмыкает Танька. — Настолько хорош муж, что прячешь ото всех?

Вечером мы, с Танькой, закрылись в моей квартире. Вдув бутылку вина, орали в караоке...

Валера, Валера! Я буду нежной и верной

Валера, Валера! Ты словно снег самый первый...

Грохот со стороны двери, прекратил мучение соседей. Дверь просто вынесло внутрь.

— Мамочки, — жметя ко мне Танька, рассматривая разъяренного Савелия.

— Какой Валера? — сверкает тигриными глазами, с лицом киллера.

Тяжело обведя взглядом нашу попойку, поманил пальцем.

— Неа, — мотаю головой. Ну, до чего хорош! — люблюсь мужем.

— Таньк, знакомься, — блаженно улыбаюсь дрожащей подруге. — Мой муж, Савелий Нестеров.

Гора тестостерона поднимает меня с пола и тряхнув хорошенько, начинает допрос:

— Сколько выпили? — рык.

— Не ругайся, милый. Мы, с Танюхой, отмечали нашу свадьбу, — повисла в его руках.

— Больше так не делай! Ты не отвечала на телефон, — прижимает к себе, аж ребра хрустят.

— Савелий, мы не слышали, — пишу, пытаюсь продохнуть от медвежьей хватки.

— Костян! — поворачивается, к стоящему в дверях рыжему, которому явно весело. — Отвези нашу подругу.

Поздно уже. Девочке надо домой.

Танька таращилась на рыжего красавчика, который также, с интересом, оглядывает подругу. Все еще прижатая к мужнему торсу, показываю рыжему кулак: "попробуй обидеть". Эта наглая морда, хитро улыбается: "это уж, как пойдет". На пальцах изобразила, что ему вырву, в случае чего... Поднял бровь: "даже так?". Утвердительно киваю! Риткин слов на ветер не бросает!

Шатрова как-то шустро засобиравшись, лепеча:

— Где их, таких, штампуют...

Зеленоглазый явно впечатлил своей комплекцией. Запинаясь, шатаясь и падая на пятую точку, Танька пытается натянуть сапожки. Протяжно выдохнув, Костя встает перед Танькой на одно колено и одевает сапоги, застегивая молнию.

— А этот женат? — тычет Танюха в зеленоглазого.

Костян беспомощно оглянулся на меня. Я начинаю гоготать, сползая снова на пол. Только час назад Танька ныла, что ей тоже нужен муж, где мы будем дружить семьями и ходить к друг другу в гости. В "идеальном" плане Шатровой, который был распланирован до конца жизни, мы уже и внуков между собой переженили. Дело то за малым! Танюхе нужен муж, "приблизительно", как мой. Я ее тогда расстроила, что такие, как Савелий — большая редкость... Сейчас мне даже жаль Костяна! От Шатровой еще никто просто так не уходил!

63. Измена

— Серый! — ору и прыгаю на майора, с разбегу.

Оказалось, его только выписали из больницы и Сергей пришел меня встречать из школы.

— Ну, хватит нежностей, — стесняясь, ставит меня на землю.

— Рита, я попрощаться пришел, — лицо делается серьезным, а я застыла в непонимании.

— Пойдем, присядем, — поворачивается, показывая на скамью, в сквере, за школой.

Плечусь за ним, как побитая собака. Настроение упало до нулевой отметки. Люди приходят в твою жизнь, оставляя в ней след... Серый решил свалить в закат красиво.

— Сослуживец позвал инструктором, молодняк на полигоне гонять. Было время подумать, пока в лечебне валялся.

Маленькая девочка Рита, сказала бы: "А как же я?! Мне, ведь тебя будет не хватать...". Взрослая Рита — протянула руку для пожатия.

— Береги себя, друг и если хочешь, возвращайся.

— Ты просила контакты своего брата. Вот, — дает сложенный листок бумаги. — Здесь номер телефона ротного. Матвей твой, сам звонить отказывается.

— Спасибо, — прячу бумажку в карман рюкзака.

Так и сижу, на скамье, глядя в удаляющуюся спину сильного мужика.

Всегда кажется, что жизнь длинная. Я успею все сделать и все сказать близким, в своем окружении. Сейчас такое чувство, что упустила что-то важное.

Трель телефона отвлекает от сумбура мыслей.

— Да, Савелий! Я, у школы. Видела Серого. Он уезжает. Знаешь? Какой вечер? Не хочу идти. Можешь без меня?

Муж звал на какую-то важную тусовку, а мне веселиться не было причин. Не хочу — и все.

Сделав уроки, сижу, листая ленту социальных сетей. Заинтересовало видео, выложенное буквально только что. Громкий заголовок гласил: "Савелий Нестеров не успел обзавестись женой, а его уже видят в окружении бывшей пассии." Красивая брюнетка повисла на руке у мужа и что воркует ему на ухо. Савелий слушает, кивает и не пытается скинуть эту швабру.

Сомнения — это признак разума. Ты думаешь, анализируя ситуацию. Чтобы много себе не надумала, пытаюсь позвонить мужу. Идут гудки...

— Да? — отвечает женский голос.

Сглатываю. Неприятный озноб проходит по коже. Из меня лезут шипы, оголяя нервы.

— Савелия позови! — голос почти спокоен.

— Деточка, ну ты же понимаешь, что он сейчас занят, — ехидно отвечает Анна.

— Я тебя спросила, чем он занят? — балансирую на грани. — Быстррро дала трубу Нестерову!

В ответ на мое рычание — только гудки. Пытаюсь дозвониться — никто не берет, а потом и вовсе "абонент вне действия сети".

Первое, что приходит на ум: связаться через Шагрову с Костяном. Танька наверняка выудила телефон рыжего красавчика.

— Рита, не пори горячку! Нестеров не дурак, поверь мне, — пытается успокоить друг мужа.

— Костя, он не отвечает... Я волнуюсь. Вот и все, — бурчу, сдерживая слезы.

Всю ночь не спала, глуша кофе и поглядывая на телефон. При звуке открываемой двери, сердце екнуло. Десять утра. Ползу на звук. Савелия покачивает, он держится за стену. Я просто стою и смотрю на него. Поднимает глаза... А там... Сползаю на пол и начинаю всхлипывать.

— Прости, прости меня, любимая! Я не знаю, как так получилось, — ему трудно говорить. — Выпил всего ничего, а проснулся...

— У Анны, — заканчиваю его речь.

— Я бы никогда! — хватается за голову.

— Видела видео, где вы обжимались. Потом звонила тебе, трубку взяла она и сказала, что вы сильно заняты! — почти кричу.

— Почему ты не послал ее сразу? Почему? — подползаю ближе, пытаюсь поймать его взгляд.

— Не знаю, — говорит тихо.

— У вас было, да? — поднимаю его подбородок. — На меня смотрррри!

В его глазах плещется коньяк и ужас. Ему дико страшно и настолько же мучительно плохо.

— Савелий, а как же: "я никогда не причиню тебе боли"?

— Прости меня! — вскрикивает с надрывом. — Эта дрянь мне что-то подсыпала. Не мог я, в здравом уме такое сделать!

— Я подумаю, — механически киваю, как болванчик.

Стадия принятия наступила как-то сразу. Остался вопрос: что с этим теперь делать? В прихожей сидят, на полу, два близких человека и боятся посмотреть правде в глаза. Маргарита никогда бы не простила. Перешагнула и пошла дальше. Речь ведь не о том, под чем он был, когда допустил подобное. Он допустил эту ситуацию сам, подпустив к себе бывшую близко.

— Ложись спать, Савелий, — встаю, собирая себя с пола.

— А ты? — пытается протянуть ко мне руку.

— Я с тобой. Просто, спать... И в душ сходи, — оборачиваюсь.

64. Полет нормальный

От напряжения тошнит. Смотрю, как Савва просыпается, моргая и трет глаза. Поворачивает голову и улыбается мне. Реалии жизни врываются и бьют его молотом. Муж вспоминает все. Grimаса пересекает его лицо.

Встаю, накинув халат.

— Ты куда? — хриплый голос.

— Кофе сделаю, — поворачиваюсь. — Савелий, вставай, у тебя куча дел, — голос спокоен.

Работа мысли видна на лице мужа.

— Едешь в лабораторию, сдавать кровь, — сообщаю, какие у него "важные" планы.

— А ты? — не нравятся мне эти просящие нотки.

— Я к Шатровой. Сегодня выходной. По магазинам пройдемся.

Кофе пьем в полной тишине. Я листаю ленту новостей на телефоне. Савелий рассматривает меня.

— Может посуду побьешь, поорешь на меня... Убивает твое безразличие. Риийит, — поднимаю на него глаза.

Кофе кажется горьким, хотя сделала, как обычно: с сахаром и сливками. Почти сутки без сна, а у меня — ни в одном глазу. Сердца пламенный мотор спокойно качает кровь. Кажется, даже бьется через раз. Марго, которая никого никогда не прощала, скребет в груди, требуя опустить на голову Савелия сковороду. Кошусь на набор ножей и ничего... Я ничего ему не сделаю. Агрессия направлена в другое русло. Я б, на месте его бывшей, бежала, роняя тапки. На что рассчитан этот дешевый развод? Что отдам ей Савелия, перевязанного бантиком. А вот херушки!

Ставлю чашку на стол. Выдыхаю, спуская накопившиеся токсины в организме.

— Не сейчас, — цежу через зубы.

Стоя в ванной, в душе, настигает воображение, от которого долго отмахивалась битой. Капли воды, кажутся стрелами, пробивая насквозь. Моего мужа касалась чужая баба. Стонала под ним. А он... Укусив кулак, сдерживаю крик. Скорее всего, меня отключает.

— Рита, Рита... — чувствую руки, которые меня тормозат и гладят. — Девочка моя, хочешь застрелюсь, только не плачь, пожалуйста.

Тяну к нему руки. Нам обоим нужна помощь. Четко понимаю, что спасение в нас самих. Скулю, прижимаясь к нему. Сознание отлетает. Выгибаюсь, прося большего. Наполнить собой, закрыть и никуда не отпускать. Нас штормит. Савелий, как безумный, повторяет мое имя. На грани взрыва я кричу, что люблю его. Освобождение — вот, что мы чувствуем. Все еще тяжело дыша, вцепившись друг в друга, переступаем какую-то новую грань. Больше чем доверие, больше чем чувство. Я — это он. Не существует разделения. Симбиоз. Если раньше был жгут, который притягивал нас даже на расстоянии, то теперь это металлический трос, вросший между нами.

Нужны ли слова между людьми, которые стали единым целым? Мы одевались, чтобы выйти в мир, помогая друг другу. Застегивая рубашку мужа, думала: насколько красив мой мужчина. Даже не глазами, а каким-то другим зрением оцениваю. Все в нем тянется ко мне. Савва отводит мои волосы назад и цепляет за подбородок. В золоте глаз обожание. Зря одевались. Савелий отесняет к кровати. Разводит мои ноги. Рвано дышим, чувствуя, что если сейчас не произойдет стыковки, нас разорвет от разгерметизации.

— Я дома. Я в раю, — обхватив бедра застыл, проведя пальцем по губам.

— Полетаем? — сама движусь навстречу.

Пять минут — полет нормальный! Пятнадцать минут — высадка произошла успешно... как узнала об этом позже.

65. Новости о Матвее

Вывалила на Таньку всю суточную историю. Карие глаза и без того большие, стали совсем в пол лица.

— Отпинаем, сучку? А потом повесим колбасу не шею и позовем собак, — зловещая концентрация кровожадности могла напугать кого угодно.

Вот, жеж мелкий монстрик! — Уважительно смотрю на подругу. Даже представила эту картину... Но я обещала Савелию, буквально поклялась на Библии, что не трону махинаторшу. У него были другие планы. Подробный анализ крови еще не готов, но по предварительному — муж был накачан наркотой. Юристам уже сделан "фас". Мы не станем пачкать руки. Дрянь ответит по закону.

— Лучше расскажи, что у тебя с Костиком, — пытаюсь отвлечь горящую мщением Шатрову.

— Костя — классный! Но я думаю совсем о другом человеке...

Я чуть не захлебнулась коктейлем.

— Тааань! Не тяни. Кто этот счастливчик? — трясущая уже эту тихушницу за плечи.

— Ай, как больно! — отпихивается Шатрова.

— Да, я тебя сейчас! — схватив за хвост тяну к себе, угрожающе шипя.

— Матвей это! Твой брат! — верещит подруга и я ее отпускаю.

— Как, Матвей? — падаю на стул, переводя дыхание. — Вы разве встречаетесь?

— Не, а, — облизывает ложку, которой ела мороженое. — Мы переписываемся пока.

— И давно? — уже злюсь, что эта коза умалчивала такое.

— Месяца два уже, — получаю нокаут. — Он просил не говорить тебе.

— Шатрова, ты охренела?! Ты моя подруга! — тычу в нее пальцем.

— Это факт! — кивает, нахалка.

— Показывай, что пишете! — снова тяну руку к ее волосам, чтобы под пытками, выбить желаемое.

— На, смотри! — отдает телефон, без сопротивления, хитро щурясь.

Схватила гаджет и потыкавшись, нашла переписку. Вполне невинно все выплывит, в части общения. Беседа похожа на дружескую, с подколами и трепом на общие темы. Часто от Матвея звучал вопрос: "Как дела у Риты?". Танька докладывала, как есть. После известия о моем замужестве, был перерыв в несколько дней. Три дня назад снова вышел на связь, сказав, что скоро приедет — ему дали увольнительную.

Откинувшись на спинку стула, посмотрела на Шатрову. И ведь молчала!

— Обижаетесь на меня, да? — тянет жалобную нотку Таня.

Этот номер с "бедной сироткой" со мной не прокатывает! Сказала бы ей, но жалко бисер!

— Должна будешь! — цокаю языком. — Сигналь, когда он появится!

Танька сначала ступевалась, но потом мотнула головой, в знак согласия.

На телефоне высветился номер Савелия. Я махнула рукой, что мы здесь. По обороту восхищенных женских голов, не трудно было определить направление нахождения моего мужа. Савелий приветкнул Таньке и плюхнулся на стул. Подтянул к себе мой молочный коктейль и втянул с хлюпом остатки со дна.

"Как я заколебался" — говорил его усталый взгляд. Улыбаясь, тяну руку и вытираю капли коктейля с нижней губы. Танька обреченно вздыхает и начинает собираться "по делам". Чмоки и покусики в наш ритуал прощания не входят. Шатрова распаивает пятерню "всем солнца" и уходит.

— Что купила? — Савелий пытается рассмотреть пакеты, которых нет.

— Мы просто болтали, — пожимаю плечами. — Ты прикинь! Танька тайно переписывалась с моим братом, Матвеем! И он скоро приезжает на несколько дней домой, — выдаю, полученную информацию. От Савелия у меня нет секретов.

Савелий начинает барабанить пальцами по столу.

— Схожу, кофе закажу, — выдает и срывается в сторону кофейни.

Хотела ему крикнуть: "и мне возьми!". Пришлось самой топтать. За два шага до... слышу голос Савелия, который с кем-то говорит по телефону.

— Нахера вы его выпустили? В смысле, сбежал?

Начинаю пятиться назад и возвращаюсь за столик. Приехали! У мужа от меня секреты и он явно не хочет, чтобы я об этом знала...

Идет. В руках два стаканчика кофе. Какая-то девушка пытается обратить его внимание на себя. Савелий проявляет вежливость и показывает одной рукой в сторону кофейни, из которой вышел. Девчонка продолжает тарыхтеть. Доносятся обрывки фраз. Мужу это надоело и он старается обойти липучку. Сигналом для моего старта, становится ее рука, вцепившееся в рукав пиджака.

Почему он ее просто не пошлет? Меня начинает контачить. Муж не успевает среагировать. Я подлетаю, как ураган.

— Женский туалет там! — отталкиваю кобылу, которая на голову выше меня.

— Что?! — открыла рот липучка.

— У тебя ж недержание? — цедю.

Кобыла начинает усиленно хлопать глазами, что-то мычит в ответ. Савелию стало весело, он прямо светится, как в рекламе Газпрома "счастье есть".

— Радость моя, меня так еще никто не защищал!

Так бы и укусила, в эти красивые губы. Кобыла резво умчалась поняв, что здесь ей ловить не чего. Отбираю один стаканчик с кофе и топаю к нашему столику.

Сейчас, я ему настроение подпорчу!

— Савелий, ты прямо сейчас мне расскажешь, что учудил в отношении Матвея! Я все слышала, как ты звонил.

Вижу, как меняется в лице муж. Внимательный взгляд. Заметно, что собирается с мыслями...

— Я сразу понял, что передо мной соперник, Рит. Еще мне доложили, что он твой сталкер: следит, постоянно крутится рядом. Это не братская любовь, поверь мне. Твой Матвей двинулся окончательно!

Да, лааадно! Меня ревнуют! Если бы у меня был хвост, я бы им виляла сейчас.

— И как понял, что двинулся окончательно? — поднимаю бровь.

— За ним следили постоянно. Твой братец стал приобретать в магазинах странные вещи, будто готовил бункер, на случай ядерной войны. Закупал коробками консервы и воду. Строительные материалы для звукоизоляции. Все свозил в дом отца.

Чего?! Зачем Матвею бункер? — по коже прошлась волна мурашек.

— Напрягает, что он свалил с режимного объекта, прихватив оружие.

— Почему ты сразу мне все не рассказал? — ворчу.

Савелий тяжело вздохнул. Проблемы валились одна за другой, хоть бубен шаманский доставай от проклятий.

67. Законный представитель

Нельзя вернуться в прошлое и изменить свой старт, но можно стартовать сейчас и изменить свой финиш. Я нашла в себе силы, понять ситуацию, с изменой Савелия. Вижу, как он сам мучается вопросом: как такое могло произойти?

— Сначала было чувство эйфории, — набравшись смелости для разговора, Савва решил рассказать мне все. — Еще подумал: что за вино такое, веселящее? Не придавал значению, как смотрит на меня Анна, словно паучиха, укусила и в режиме ожидания. Забыл кто я, зачем я здесь. Рит, я все нахрен забыл... даже, как зовут женщину, которая была рядом. Как в игре, будто не со мной это все происходит, а я лишь наблюдатель, который не может выйти из сети. Другая реальность. Утром просыпаюсь, рядом "эта женщина". Главное, помню все, до мелочей и не могу поверить, что сам это творил, — на лице появляется снова гримаса боли.

— Нашел телефон, где от тебя куча пропущенных. Ты, как свет в конце тоннеля... Оделся и пошел к тебе, на свет. Как из ямы дерьма вылез, понимаешь. Там, в ванной, ты помогла мне отмыться. Ты мое прощение грехов, малыш.

Мы сидели на диване, в обнимку. Обмен тепла. Я всхлипывала ему в районе груди. Рубашка мужа была уже сырой от потопа слез. Слезы — это нормально. С ними выходит боль, обида и разочарование, что жизнь не намазана медом, как ты планировала. Но только от твоих решений зависит твоё будущее.

— Савелий, тебя в школу вызывают, — удивляю мужа.

— В смысле? — сбился с шага Савва, когда мы шли к машине.

— Ну, вызывают родителей... Но ты же лучше!

— Ох, лиса! Что ты опять натворила?

— Без понятия! В последнее время твоё творило, не в настроении что-то творить, — вздыхаю.

Постучавшись в кабинет Ираиды, и услышав: "войдите", шагнула первая, а следом Савелий. Директриса вопросительно посмотрела: "а это ещё кто?".

— Савелий Нестеров — муж и законный представитель Риты, — обозначил свои позиции, мой мужчина.

— Присаживайтесь, — благосклонно кивнула Ираида.

Сажу, как на иголках. Действительно не знаю, за что подтянули сегодня.

— Мы обеспокоены будущим нашей ученицы, — я аж рот открыла.

— Что не так, с будущим моей супруги?

Директриса шелестит бумажками и вытаскивает из папки одну.

— Вот, полюбуйтесь, что написала Рита Нестерова в анкете по профориентации, — дает в руки мужу листок.

— На вопрос: "Куда вы собираетесь поступать после окончания школы?" — тычет в графу пальцем. — Ваша Рита ответила: "в Хогвартс!". На следующий вопрос: "Почему вы выбрали именно это учебное заведение?", пишет: "Потому, что туда легко поступить! Достаточно, с разбега, удариться об стену."

Савелий делает вид, что закашлялся в кулак. Вижу, как он сдерживает себя, чтобы не заржать. А Ираида продолжает:

— На вопрос: "О выбранной специальности", Рита ответила, что волшебниками не рождаются, как только она надет нужную стену — обязательно им станет. Далее! "Что повлияло на ваш выбор?" — ответ: "Пример авторитетного человека — Игоря Абрамовича, по прозвищу "Апельсин".

Савелий сидит красный, выпучив глаза. Вдох-выдох. Поворачивается к Ираиде.

— Я проведу дома с Ритой Нестеровой беседу, не волнуйтесь!

Обходит стол, хватая меня поперек, обхватив за талию и вытаскивает наружу.

— До свидания! — ору, в закрывающиеся двери, обалдевшей Ираиде. Теперь она точно будет знать, что вся моя семейка долбанутая.

— Мы куда? — интересуюсь, между прочим, находясь в подвешенном состоянии.

— Беседу проводить! — пикает сигналкой авто, мой законный представитель.

— Иди сюда, наказывать буду! — рычит муж, едва мы переступили порог дома.

С визгом убегаю, зная, что он меня все равно догонит. Вот, такие мы, затейники!

68. Тест

САВЕЛИЙ.

МаргаРита снова сделала мой мозг. Бесенок, с небесными глазами, задорной улыбкой и телом маленькой богини.

Выпросить у суток еще полчаса, чтобы побыть с любимой и снова ринуться в гущу проблем. Слежку теперь установили не только за домом Матвея, но и за подругой Риты. Всей шкурой, чувствую угрозу от брата. Пора привлечь Тихомировых. Пусть папочка тоже подключается к поискам дезертира. Матвей вооружен и хрен знает, что у него на уме. Извини, парень, я должен защитить то, что мне всего дороже, даже если мне придется закопать тебя лично. Могу его понять, как мужик. От Риты башню сносит напрочь. Но я свое не отдам, даже не надеюсь!

— Опять эти тесты! — стонет Рита, зависая на учебном сайте.

— Держи! — ставлю перед ней какао, с маленькими зефирками, как она любит.

Моя блондинка вдыхает аромат и счастливо улыбается, отпивая горячий напиток. Довольно мычит и тянется меня поцеловать. Рита, со вкусом какао на губах — мой лучший десерт! Рука сама тянется под футболку и сжимает грудь. Зашипела и дернулась.

— Больно? — отстраняюсь, внимательно глядя в глаза.

— Да, что-то грудь стала чувствительной...

Тут же стаскиваю с жены футболку, через голову. Отстегиваю лифчик и смотрю на мои персики. Были персики, а сейчас размер небольшого кокоса. Соски потемнели и съезжились в горошину на воздухе.

— Малыш, у нас когда были месячные? — обвожу ореол соска.

Рита хмурится, покусывая губу. Выражение ее лица меняется.

— Нам надо сделать тест на беременность! — говорим почти одновременно.

— Учи свои уроки, я погнал в аптеку! — срываюсь и уже накидываю одежду, у входа.

— Савелий, мог бы охрану сгонять, зачем сам? — ворчит женушка.

— Разве я могу такое ответственное задание кому-то доверить? — беру ключи, — Я быстро! — выхожу во двор.

— Дааааа! — ору на улице, подняв руки к небу.

Я сейчас, на все сто, уверен, что моя женщина беременна. Она носит мини-Нестерова! Мчусь до ближайшей аптеки и скупаю несколько разных экспресс тестов. По пути, еще в цветочный...

— Давай! — вываливаю ей упаковки на стол.

— Савелий, куда столько? — возмущена Нестерова.

— Писяешь в баночку и несешь сюда, вместе будем делать! — толкаю ее в туалет.

Смотрит на меня, как на психа. А меня потряхивает от волнения. Понимая, что спорить со мной бесполезно, идет выполнять. Я жду эту банку, как самый ценный приз.

Первые же тесты, выдают две полоски. Мы смотрим друг на друга, считывая эмоции. Рита настороженно, я сдержаваясь, чтобы не закричать...

— Ты не рада? — хватаю за подбородок.

— Я... — хрипит, — Я не могу поверить. Ведь, Марго была бесплодна. Я даже не задумывалась об этом.

— Иди сюда! — тяну ее к себе на колени. — Я могу радоваться за нас обоих. Рит, любимая, ты только роди. Все будет хорошо, — покрываю легкими поцелуями ее лицо, шею.

Нежно укладываю свою ласточку на диван и расстегиваю ремень. Сейчас буду успокаивать. Рита тянется помогать. Скидываем с себя одежду. Тянемся к друг другу. Сегодня я, как никогда нежен. Даже, в наш первый раз, такого трепета не ощущал.

— Бесценная моя, — шепчу, наглаживая нежную кожу, нацеловывая везде, куда могу дотянуться.

Рита постанывала, запустив мне руку в волосы взъерошивая их. Ее тело будто светится в полутьме. Волосы раскиданы на бархате дивана. С нее бы картины писать и стихи посвящать! Но я не поэт и не художник. Иногда думаю: достаточно ли ей проявлений моей любви и внимания?

Цветы забыл в прихожей! — бью себя по лбу и приношу букет белых роз. Становлюсь на колени и целую плоский животик. Кладу букет рядом. И начинаю разговаривать с "подселенцем", поглаживая зону пупка.

— Веди себя хорошо и дай маме закончить школу!

— Воспитываешь уже? — хихикает Рита.

— Не подслушивай! У меня, с сыном, серьезный разговор!

— С чего ты взял, что это сын? — возмущается жена.

— Я ж старался! — поднимаю палец.

— Ах, ты! — бьет меня букетом по голове. — Старался он! Может мои гены сильнее и будет девочка!

— С Геной мы договоримся, — шепчу в ушко.

69. Щенок. Глава от Матвея

МаргаРита.

— Ааа! — взвизгнула, почувствовав, как что-то холодное и мокрое юлозит по ноге.

Запрыгнула с ногами на кресло и посмотрела на пол. Щенок золотистого окраса трясся от страха и скулил. Небольшая лужица растеклась по паркету.

— Вижу, вы познакомились, — довольный голос мужа.

Мы, с щенком, повернулись к Савелию.

— Помнишь, ты обещала детей и собак, — показывает на маленький ушастый комок. — Ну, вы тут знакомьтесь, я пошел работать.

Похож на спаниеля. Висящие ушки, подрагивали, когда щенок озирался по сторонам. Подошла и взяла его на руки. Мальчик. Погладила, чтобы не боялся. В ответ ушастый, лизнул мою руку. Ну, с, пойдём искать тряпку!

Покормив щенка, пошла в кабинет к Савве.

— Как назовем? — спрашиваю, когда он поднял на меня глаза, оторвавшись от компьютера.

— Предлагай! — улыбается.

Подняла на руках милаху, всматриваясь. Малыш снова описался. Теперь и в кабинете Савелия будет запах.

— Дирти?

— Пакостник! — верно обозначил перевод с английского муж.

МАТВЕЙ.

У вас было чувство всепоглощающей ненависти? Такое, что шевелилось внутри и хотело, как чужой, разорвать грудную клетку, вырваться и уничтожить виновника своих страданий. Эта дрянь снилась мне каждую ночь! Манила и снова исчезала. Я терпел боль и унижения командира, который считал нас дерьмом на палочке. Каждый раз, когда его берц встречался с моими ребрами, я вспоминал ее. Каждый раз стуча зубами от холода в карцере — я вспоминал ее. Я жрал безвкусную кашу, чтобы еще раз ее увидеть. В этом аду я из-за нее! Ненависть моя множилась...

Когда узнал от ее подружки, что сестрица вышла замуж и вся аж светится от счастья... меня поглотила ярость. Ярость топила мой мозг, плавил мои нервы. К ненависти было подмешано еще одно чувство: жуткая ревность, что этой голубоглазой касается мужчина. От одной только мысли, тошнота подступала к горлу. Шлюха! Маленькая сучка позволила себя трахнуть.

Случай для побега выдался подходящий. С очередной проверкой должен был нагрянуть генерал и нас отправили за территорию, вырубать заросли. Мобилу я всегда надежно прятал, соорудив потайной карман в гимнастерке.

— Пойду отлить, — сказал сослуживцу рядом и спокойно пошел к лесу.

Нашел свой тайник, в который еще вчера положил украденное у прапора оружие и заныканые из столовой куски хлеба. Рванул в сторону трассы. Не чувствовал усталости, пробежав километров пять. Злость гнала меня дальше. Из под земли достану эту дрянь! Сейчас только ради этого дышу.

Добравшись на попутках с дальнобоями, я успел заработать, подменяя водилу, пока тот мог выспаться и отдохнуть. Разгружал машины, бортовал колеса... хватался за все, что могло принести мне деньги. Спал, ел на автомате. Я понимал, что меня ждут. Мужик, присвоивший Ритку — не простой обыватель. Он тот, кто сам натянет, кого хочешь. Но мне плевать! Была бы цель! Даже если я сдохну, увидев боль в ее глазах — все не зря.

70. Встреча с Матвеем

Определенно день — говно. Тошнит с самого утра. Щенуль еще заминировал вход и я вляпалась у самого порога в какашки. Савелию было смешно! А я блюю и убираю какашки... в разной последовательности. На улице глотаю кислород, будто меня в пакете держали. Муж выгружает у школы, целуя в щеку. Машу ему рукой и плетусь в этот муравейник, кладезь знаний.

Меня уже только ленивый не спросил: "где Шатрова?". Трубку не берет. В школе ее нет. Соберись, сопля! Штурмую очередной пробный тест. До стобальника мне далеко, но на восемьдесят могу вытянуть русский язык. Где эта Шатрова?! — мысли мечутся и я нервничаю еще больше.

На перемене покупаю в столовой стакан сока и булочку. На телефон приходит сообщение. Так и застыла, с плюшкой во рту.

"Сейчас ты выйдешь из школы и сядешь в мою машину. Попробуй дернуться или сообщить кому-то и твоя подружка умрет!"

Следом приходит фото растрепанной и зареванной Таньки, со скотчем от уха до уха. Не долго думая, пересылаю все Савелию. Пишу, что я выхожу из школы и сяду в машину.

Черный джип Матвея замечаю сразу. Он даже не скрывается особо. Каждый шаг отдается стуком в сердце. Нерешительность? Это не про меня. Матвей ведь не зверь, правда? Должно же быть в нем что-то человеческое? Еще я чувствовала вину перед ним. Это из-за меня он попал в армию. Косвенная, но вина есть.

— Телефон выбрось! Садись, — передо мной открывает двери изнутри. На Матвее толстовка с капюшоном и солнцезащитные очки. Не могу толком рассмотреть его лицо. Делаю, как он говорит: выбрасываю телефон и сажусь на переднее сидение, рядом с ним. Странно, что волнения почти никакого нет...

— Матвей! — тяну руку, чтобы дотронуться до его плеча.

— Грабли убрала! Переломаю нахрен! — цедит и авто срывается с места.

Кидаю взгляд на зеркало. В потоке машин должен быть хвост. Я никогда не бываю одна.

— Думаешь, твой муженек успеет спасти тебя? — хмыкает братец.

— Матвей, ты бы просто мог меня переехать машиной. Мог просто убить сразу. Что тебе нужно?

Королев молчит. Лишь видно, как он сжал руль и вены на руках вздулись.

— Моооть, я беременна. У меня будет малыш, — говорю тихо.

Матвей резко тормозит. Я едва успеваю выставить руки, чтобы не улететь в лобовое. Брат тяжело дышит. Снимает очки и поворачивается ко мне.

— Мне плевать на тебя и твоего ублюдка, поняла? — в серых глазах полыхает ненависть. Жуткая. Испепеляющая ненависть. Он едва сдерживает себя, чтобы не свернуть мне шею прямо сейчас.

— Прости меня, — я чувствую, как по щекам катятся слезы. — Прости за то, что позволила забрать тебя. Прости за то, что не помогла после. Мне говорили, что у тебя все хорошо.

— У меня все з@ебись, сестрица! А будет еще лучше, — кривая ухмылка делает его лицо безобразно отталкивающим.

71. Задержание

МАТВЕЙ.

Ягодный аромат, исходивший от нее, бил по рецепторам, добираясь до мозга. Лепечет что-то про "прости", а у меня крыша едет. Хочу прокусить ее белую кожу и попробовать кровь там или сироп малиновый. Ее подружка предлагала себя, ластилась, заглядывала в глаза. Но у меня не встало. Полгода воздержания, а я бабу не хочу — предел полный. Наорал на брюнетку и заклеил рот скотчем, чтобы не трещала под ухо. Фоткой выманил Ритку. Знал, что малахольная пойдет спасать подружку. Что ж ты, сучка, обо мне так не волновалась? Резало сознание, что я для нее ничего не значу. За подружкой побежала, а на меня забила... Злость скручивала кишки.

Все беды от баб! Сколько раз я представлял, как наказываю ее. Ставлю на колени. Чтобы тряслась от страха и жалобно скулила... а потом. Сам не знал, что потом. Больше боли в глазах потом. Чтобы умылась слезами. И что, в итоге? — кошусь на источник кружащего башку запаха. Страх в ней — ноль! Только, мать его, жалость ко мне. Нахера мне ее жалость?! Бесит, сука.

Беременна она! Приехали, блядь! И тут я понимаю, что ничего не могу. Не потому что она брюхатая. Все не то! Я потерял ее насовсем. Не моя она и никогда не была.

А вот и архангелы подъехали! Нас отцепляют от других машин почти вкруговую. Маски шоу! СОБРовцы выскакивают из автомобиля и направляют оружие на меня.

— Выйти из машины! Руки за голову!

Выдыхаю и открываю дверь со своей стороны.

— Не высовывайся, — кидаю Ритке.

Меня скручивают и кладут мордой на капот. Повернув голову вижу глаза полные ужаса. Я ведь хотел это увидеть! Получите, распишитесь.

— Это брат мой! — начинает орать Ритка и выскакивает из машины. — Брат мой! Не трогайте его!

Ритка пытается вцепиться в бойца, который меня держит. Ее пробуют оттащить. Блондинка продолжает орать, чтобы меня отпустили. Выкручивается ужом. Лупит кулачками. Двинула ногой собровцу в колено, тот от неожиданности отбросил ее от себя. Ритка падает на асфальт. Волосы разметались. До моих ушей доносится стон. Это последнее, что помню из фоновых звуков. В голове что-то шелкнуло. Я рычал и рвался к ней, раскидывая все на своем пути. Дотянулся. Сжал хрупкое тело и прижал к себе. Хлопок. Даже боли не почувствовал. Только дикий страх в ее глазах... за меня.

— Мелкая..., - выдыхаю ей в губы.

РИТА.

Матвей начинает заваливается, как-то глупо улыбаясь. Ужас током прошибает все тело.

— Нет, нет, нет, — шепчу, хватаясь за его голову.

Меня отрывают сильные руки, которые я узнаю не глядя. Не отвожу взгляда от Матвея. Серые глаза закрываются. Брат лежит на дороге. Его переворачивают, подхватывают за подмышки и волокут в сторону... Муж разворачивает и впечатывает в свою грудь.

— Помогите, спасите его! Пожалуйста, спасите его! — меня трясет. Хватаюсь за отворот пиджака и поднимаю глаза. Янтарь жгет. Слышу скрежет его зубов.

— Его увезут в больницу. Жить будет, — обещает Савелий. — Я с тобой поседею, честное слово! — утыкается носом в волосы.

Верю ему. Жмусь ближе. Савелий пытается оградить меня от приехавшего оперативника. Начинаю порываться, что готова дать показания...

— Так вы, девушки, утверждаете, что никакого похищения не было? — следовательно снова завел вольтеру.

— Мы все объяснили в письменном виде, — устало талдычу одно и то же.

Шатрова согласно кивает и откровенно зеваает, поглядывая на входную дверь. Мы все устали.

— Это была шутка, — вяло поддакивает Танька.

Как оказалось, Таньку Матвей сфотографировал и тут же выпнул восвояси. Шатрова, обидевшись на такое поведение "любови всей своей жизни", забила дома, отревев все глаза. В это время, дом Королевых просто вывернули наизнанку в поисках "заложницы"...

Мой живот жалобно заурчал, требуя пищи.

— Вы морите голодом беременную женщину, — начинаю наезжать и опускаю руку на животик.

Танька открыла рот и снова захлопнула. Фыркнув: "Я опять узнаю в последнюю очередь".

— Здесь распишитесь, — подвигает нам протокол допроса, гражданин начальник.

Я прочитала сначала свой протокол, затем Танькин и кивнув ей, что можно заверить подписью, вернула следователю.

Злые, растрепанные и ужасно голодные, мы сели в машину, которую выслал за нами Савелий.

— Вези кормить! — даю указание водителю.

72. Рыбка моя

— Ты почему не хочешь на выпускной? — возмущается Танька. — Муж не пускает?

Я поморщилась. Дайте мне аттестат уже и я пойду отсюда. Трехмесячный животик еще не так был виден, но шевеление ребенка я уже ощущала. Вспомнила, как это было первый раз. Проснулась ночью, в туалет. Частые позывы — обычная вещь для беременных. На что это похоже? Во мне, будто рыбка завелась. Непередаваемое ощущение! Легкие касания... Начинаю тормозить Савелия.

— Что! Что случилось? — соскочил, как ошпаренный, готовый отразить любое нападение.

— Шевелится, — беру его руку и кладу на животик.

— Да? — хрипит и смотрит мне в глаза.

Малыш затих. Мы почти не дышали. Сквозь тонкую ткань ночнушки меня пробивало тепло от руки мужа. И маленькая рыбка снова зашевелилась. Удивление. Восторг читаю в его глазах. В душе расцветают цветы. Маленькая "рыбка" бьется в руку своего отца. Мы тянемся к друг другу в объятья. Где-то в груди тянет от переполняющих чувств. Я всхлипываю.

— Девочка моя, солнышко мое ясное, — гладит по спине.

Поглаживания становятся все настойчивее и разрастаются до нижних округлостей. Символ нежных чувств уже упирается мне в живот. Сама пишу и лезу навстречу...

— Ритааа! — возвращает к реальности голос Шатровой.

— А?! — сглатываю слюну, которая чуть не потекла от воспоминаний. И ворчу на подругу, чтобы отстала с выпускным.

После занятий, решаю поехать к Савелию, в офис, без предупреждения, сюрприз сделать. В лифте поправляю растрепавшиеся волосы. Услышав "дзинь" открываемой двери, шагнула на нужный этаж. На меня несется девица, размазывая слезы по щекам.

— Эй, ты чего? — офигеваю, когда она меня отталкивает, чтобы дотянуться до кнопки-вызова лифта.

— Обидел кто-то? — решаю выяснить причину этих слез, ведь бежала она из приемной Нестерова.

— Гад такой! — решила излить обиду заплаканная.

— Кто у нас гад? — уточняю.

— Нестеров, конечно! — фыркает мадама. — Я к нему со всей душой! — выпячивает грудь четвертого размера.

— А он не оценил душевные порывы? — сдерживаю улыбку.

— Говорит, что жена у него, любимая..., - машет руками. Ее явно не останавливает наличие жены.

— Глафира! — слышу ор своего ненаглядного и мы с "душевной" поворачиваем головы на звук. — Уволь, как ее там... эту, которая сейчас была!

— За что, Савелий Николаевич? — слышен вопрос секретаря.

— Нехрен, тут сиськами трясти! — слышна резолюция причины увольнения.

Ты ж моя лапа! — потянуло его увидеть. На скулящую дамочку уже не обращала внимания. Глафира увидев меня, набрала воздух в легкие. Я прижала указательный палец к губам: "молчи". Осторожно открываю двери и просачиваюсь внутрь. Савелий стоит "руки в брюки" и пялится в окно. Потом резко разворачивается. По лицу понимаю, что еще спиной почувствовал меня.

— Ты бы предупредила, малыш, — голос становится мягким и отдает вибрацией в мое сердце.

— Пойдем кушать, — опускаю руку на животик, что мы уже голодные.

— Что сегодня желаете? — оказывается рядом. Одной рукой приобнял за талию, а другую опустил на мою руку, на животе.

— Сладкого хотим и копченой колбаски, — захлебываюсь слюной.

У меня начались вкусовые бжики. Я могла котлету заедать шоколадкой и мне жутко хотелось пива. Пива хотелось так, что начинало трясти и кружило голову.

— Пей! — поставил тогда передо мной большой бокал пива Савелий.

Вопросительно смотрю на него.

— Безалкогольное, — кивает он на пенное.

Трясущимися руками обхватываю бокал и жадно пью. С чем сравнить эту жажду? Только с помешательством. Отбери у меня тогда это пиво — убила бы, честное слово. Но как только жажда была утолена — больше не хотелось, совсем.

САВЕЛИЙ.

Мой маленький бегемотик. Скоро рожать. Сидим, как на пороховой бочке. Ребенок — шустрый. На УЗИ пол не смогли рассмотреть... ни в первый, ни во второй раз. А потом и спрашивать не стали. Ждем "стесняшку", накупив детских вещей нейтрального цвета: бежевый, салатный.

Ждали-ждали, а как оно обычно бывает — неждан подкрался незаметно. Ритуля, мурлыча какую-то мелодию, перебирает вещи в шкафу. Я с ноутом, в обнимку, на кровати. Только слышу ее "ой", хватается за живот и начинает тяжело дышать.

— Ссавелий! — через стон, тянет ко мне руку.

К тому моменту, как у Риты начались настоящие схватки, процесс сборов в роддом, у нас обоих, был доведен до автоматизма. Потому, что уже несколько раз появлялись совсем не слабые «предвестники». И каждый раз ночью. Моя благоверная расталкивала меня именно в тот момент, когда мне снилось что-нибудь особенно интересное и, расширив глаза, трагическим шепотом сообщала: «Все! Рожая!» И я, зевая и натываясь на стены, паковал тапочки, зубную щетку и сигареты. На кой ляд, сигареты? Да, чтоб были! Прогрели машину, доехали до частной клиники, разбудили всех, кого только можно... Ну и что? Схватки утихли, раскрытия никакого, и я, тихо скрежеща зубами, везу бодрую, повеселевшую Нестерову обратно домой.

И вот она, в очередной раз, начинает «рожать», я на автомате доставляю ее по месту назначения, мысленно готовясь везти назад.

«Раскрытие три пальца, воды только что отошли. Сейчас подойдет ваша врач-акушер» — сообщает медсестра.

Захожу в палату, Ритуля бледная, губы трясутся. Я сам, как истеричка, но пытаюсь этого не показывать. Начал нести какую-то чушь, травить анекдоты. В конце концов, рассмешил жену до слез.

Когда схватки участились, стало не до смеха. Мы, с Ритой, ходили по палате и хором дышали по команде врача: раз-два-три-четыре — вдох; раз-два-три-четыре-пять-шесть — выдох. Время от времени она останавливалась и мертвой хваткой вцеплялась мне в локоть: схватка. Большие голубые глаза застилала боль. Я держал ее, молясь, чтобы мне досталась если не вся боль, то хотя бы половина.

Помог ей залезть на этот «трон». Ума не приложу, как это беременные женщины, со своими животами, да еще во время жестоких схваток, забираются туда без помощи мужей. Ласточку свою я на кресло практически поднимал на руках.

— Раскрытие хорошее, надо потужиться! — говорит врач, и смотрит на нас.

Я держу жену за руки, стоя у изголовья. Со стороны все выглядело, наверное, довольно смешно: вроде бы рождает одна женщина, а тужатся четверо — глубоко вдыхают, задерживают дыхание, краснеют, выпучивают глаза... И один из них, заметьте, мужчина!

— Нестеров! В следующий раз сам пойдешь рожать! — рычит моя женщина.

Твою мать! Никогда не забуду ее крика! Каждый ее крик — удар в солнечное сплетение.

— Тужься еще! — кричит врач. — Головка уже пошла!

Моя тигрица рычит и материться... Раздается писк. Поворачиваю голову... В руках акушерки карапуз, перемазанный кровью.

— Мужик! — говорю я. — Это мальчик, — обиженно поправляет акушерка. — А чего он такой красный? — спрашиваю. — Он розовенький! — возмущается врач.

Спорить не стал. Врачу виднее все оттенки красного...

Ритуля выглядела такой счастливой! Усталая, растрепанная, но до того довольная! И красивая, как мадонна. То есть не в том смысле красивая, что хоть сейчас на светский раут, а как будто светящаяся изнутри, такая невозможно волшебная, такая родная. И вся моя. А уж когда нашего мальчишку положили ей на живот, приложили к груди, и он, недолго думая, зачмокал, я, честно говоря, опустился на пол, ноги уже не держали и заревел... Второй раз, в своей взрослой жизни.

Когда мне дали сына на руки — не знал, как держать. Такой крохотный. Такой беззащитный. Включил "папа может!", трепетно прижал к себе. Поднял на нее глаза:

— Спасибо, любимая! — люблю ее, пиздец как люблю... и его теперь тоже.

Врач отчитывала родственничков, как детей малых. Тихомировы и Королевы получали выговор, выстроившись вдоль стены.

— Мамочке нельзя: цитрусовые, шоколад, все продукты красного цвета! А вы, что пытаетесь ей передать?

Макар спрятал за спину пакет с апельсинами. Тихомиров-отец что-то записывал в телефон. Гоблин, протер платочком вспотевшую лысину и протянул врачихе коробку конфет, со словами: — Это вам! Даже и не думал...

— Не думали они! Почему без бахил? Без бахил и в верхней одежде не заходить!

Слушаю и смотрю это представление через большое смотровое окно, выходящее на коридор. К родственникам подошел Матвей с букетом цветов и помахал мне рукой.

— Вот смотри, сын! — говорю своему малышу, который сладко посапывал у меня на руках. — Это твои дедушки и дядьки-оболтусы.

Маленькое личико нахмурилось, будто он понимал, о чем я говорю.

"Пиццу хочу!" — отправляю смс Макару. Вижу, как он показывает телефон Матвею. Парни кивают и сматываются добывать ее мне.

Ну вот! От части ходок избавилась на время. Дедули посюсюкавшись и надавав "ценных" советов по воспитанию дитя, тоже покинули палату.

Егор Савельевич проснулись и начали причмокивать, ища мою грудь. Встала. Опустила жалюзи на окне. Взяв на руки сына, стала кормить. Голову поднимаю, а братишки таращатся, держа в руках эту зловещую пиццу.

— Вашу мать! Вы что, бессмертные?! — шиплю на них. — Савелий увидит, головы пооткрывает!

— Мы ему не скажем, — выдает Матвей и оболтусы продолжают глазеть, как малой начмокивает грудь.

Схватила журнал с тумбочки и закрыла "все интересное" к просмотру.

— А тебе не больно?

— Много молока?

— Налъешь попробовать? — да, они издеваются! И жрут мою пиццу!

— Не понял?! — появляется Савелий и хватает обоих за шкварник.

Силюсь, чтобы не заржать. У братишек лица такие, что их поймали на "горячем" и сейчас будут сильно бить... Надо сказать, что их страх был вполне обоснован. Муж — жуткий собственник. В гневе — просто монстр!

— Да, мы только..., - пытается что-то сказать Макар.

Муж, не слушая, вытолкал одного за другим и захлопнул двери. Выдохнул, спустив раздражение и подошел ко мне ближе.

— Мне можно смотреть, — выдергивает журнал из моих рук и впивается взглядом в чмокающего сына.

— Завтра вас забираю домой. Все уже готово, — проводит кончиками пальцев по моей щеке.

Прикрываю глаза и смакую ласковые прикосновения. Трепетное прикосновение губ к моим. Поцелуи-бабочки заставляют гореть мою кожу. Спускается к шее и второй груди. Освобождает ее от ткани и втягивает сосок. Вздрагиваю. Савелий поднимает голову и облизывает с губ молоко.

— Вкусно, — и снова жадно припадает к груди.

Егор, чувствуя, что на его "запасы" покушаются, начинает кряхтеть и ерзать.

А меня током пробивает от того, что вытворят Савва. Чувствую, что не станем мы выжидать срока "медотвода".

Больше книг на сайте - Knigoed.net